The Adventures of Sherlock Holmes

by A. Conan Doyle

Приключения Шерлока Холмса
Артур Конан Дойл

Аннотация
Приключения Шерлока Холмса
Скандал в Богемии
  I
  II
  III
Союз рыжих
Установление личности
Тайна Боскомской долины
Пять зернышек апельсина
Человек с рассеченной губой
Голубой карбункул
Пестрая лента
Палец инженера
Знатный холостяк
Берилловая диадема
«Медные буки»

Аннотация

• Скандал в Богемии
• Союз рыжих
• Установление личности
• Тайна Боскомской долины
• Пять зернышек апельсина
• Человек с рассеченной губой
• Голубой карбункул
• Пестрая лента
• Палец инженера
• Знатный холостяк
• Берилловая диадема
• «Медные буки»
First edition illustrations by Sidney Paget, 1892

Приключения Шерлока Холмса

Скандал в Богемии

A Scandal in Bohemia
First published in the Strand Magazine, July 1891,
with 10 illustrations by Sidney Paget.

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Этой Женщиной». Я редко слышал, чтобы он называл ее каким-либо другим именем. В его глазах она затмевала всех представительниц своего пола. Не то чтобы он испытывал к Ирэн Адлер какое-либо чувство, близкое к любви. Все чувства, и особенно любовь, были ненавистны его холодному, точному, но удивительно уравновешенному уму. По-моему, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир; но в качестве влюбленного он оказался бы не на своем месте. Он всегда говорил о нежных чувствах не иначе, как с презрительной насмешкой, с издевкой. Нежные чувства были в его глазах великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством сорвать покров с человеческих побуждений и дел. Но для изощренного мыслителя допустить такое вторжение чувства в свой утонченный и великолепно налаженный внутренний мир означало бы внести туда смятение, которое свело бы на нет все завоевания его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительный инструмент, или трещина в

одной из его могучих линз — вот что такое была бы любовь для такого человека, как Холмс. И все же для него существовала одна женщина, и этой женщиной была покойная Иран Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

За последнее время я редко виделся с Холмсом — моя женитьба отдалила нас друг от друга. Моего личного безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится господином собственного домашнего очага, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, ненавидевший своей цыганской душой всякую форму светской жизни, оставался жить в нашей квартире на Бейкер-стрит, окруженный грудами своих старых книг, чередуя недели увлечения кокаином с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана — с дикой энергией, присущей его натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечен расследованием преступлений. Он отдавал свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности поискам нитей к выяснению тех тайн, которые официальной полицией были признаны непостижимыми. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, что его

вызывали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали, и, наконец, о поручении голландского королевского дома, выполненном им исключительно тонко и удачно.

Однако, помимо этих сведений о его деятельности, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, я мало знал о моем прежнем друге и товарище.

Однажды ночью — это было 20 марта 1888 года — я возвращался от пациента (так как теперь я вновь занялся частной практикой), и мой путь привел меня на Бейкер-стрит. Когда я проходил мимо хорошо знакомой двери, которая в моем уме навсегда связана с воспоминанием о времени моего сватовства и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», меня охватило острое желание вновь увидеть Холмса и узнать, над какими проблемами нынче работает его замечательный ум. Его окна были ярко освещены, и, посмотрев вверх, я увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом промелькнула на опущенной шторе. Он быстро, стремительно ходил по комнате, низко опустив голову и заложив за спину руки. Мне, знавшему

все его настроения и привычки, его ходьба из угла в угол и весь его внешний облик говорили о многом. Он вновь принялся за работу. Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грезы и распутывал нити какой-то новой загадки. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без восторженных излияний. Таким излияниям он предавался чрезвычайно редко, но, мне кажется, был рад моему приходу. Почти без слов, он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и указал на погребец, где хранилось вино. Затем он встал перед камином и оглядел меня своим особым, проницательным взглядом.

Then he stood before fire

— Семейная жизнь вам на пользу, — заметил он. — Я думаю, Уотсон, что с тех пор, как я вас видел, вы пополнели на семь с половиной фунтов.

— На семь.

— Правда? Нет, нет, немного больше. Чуточку больше, уверяю вас. И снова практикуете, как я вижу. Вы мне не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

— Так откуда же вы это знаете?

— Я вижу это, я делаю выводы. Например, отку-

да я знаю, что вы недавно сильно промокли и что ваша горничная большая неряха?

— Дорогой Холмс, — сказал я, — это уж чересчур. Вас несомненно сожгли бы на костре, если бы вы жили несколько веков назад. Правда, что в четверг мне пришлось быть за городом и я вернулся домой весь испачканный, но ведь я переменил костюм, так что от дождя не осталось следов. Что касается Мэри Джен, она и в самом деле неисправима, и жена уже предупредила, что хочет уволить ее. И все же я не понимаю, как вы догадались об этом.

Холмс тихо рассмеялся и потер свои длинные нервные руки.

— Проще простого! — сказал он. — Мои глаза уведомляют меня, что с внутренней стороны вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, на коже видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, царапины были сделаны кем-то, кто очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда я, как видите, делаю двойной вывод, что вы выходили в дурную погоду и что у вас очень скверный образчик лондонской прислуги. А что касается вашей практики, — если в мою комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у

него на указательном пальце правой руки черное пятно от азотной кислоты, а на цилиндре — шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, я должен быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного мира.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне путь своих умозаключений.

— Когда вы раскрываете свои соображения, — заметил я, — все кажется мне смехотворно простым, я и сам без труда мог бы все это сообразить. А в каждом новом случае я совершенно ошеломлен, пока вы не объясните мне ход ваших мыслей. Между тем я думаю, что зрение у меня не хуже вашего.

— Совершенно верно, — ответил Холмс, закуривая папиросу и вытягиваясь в кресле. — Вы смотрите, но вы не наблюдаете, а это большая разница. Например, вы часто видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

— Часто.

— Как часто?

— Ну, несколько сот раз!

— Отлично. Сколько же там ступенек?

— Сколько? Не обратил внимания.

— Вот-вот, не обратили внимания. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну, а я знаю, что ступенек — семнадцать, потому что я и видел, и наблюдал. Кстати, вы ведь интересуетесь теми небольшими проблемами, в разрешении которых заключается мое ремесло, и даже были добры описать два-три из моих маленьких опытов. Поэтому вас может, пожалуй, заинтересовать вот это письмо.

Он бросил мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валявшийся на столе.

— Получено только что, — сказал он. — Прочитайте-ка вслух.

Письмо было без даты, без подписи и без адреса.

> «Сегодня вечером, без четверти восемь, — говорилось в записке, — к Вам придет джентльмен, который хочет получить у Вас консультацию по очень важному делу. Услуги, оказанные Вами недавно одному из королевских семейств Европы, показали, что Вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о Вас мы со всех сторон получали. Будьте дома в этот час и не подумайте ни-

чего плохого, если Ваш посетитель будет в маске».

— Это в самом деле таинственно, — заметил я. — Как вы думаете, что все это значит?

— У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, опасно. Незаметно для себя человек начинает подтасовывать факты, чтобы подогнать их к своей теории, вместо того чтобы обосновывать теорию фактами. Но сама записка! Какие вы можете сделать выводы из записки?

I carefully examined the writing

Я тщательно осмотрел письмо и бумагу, на которой оно было написано.

— Написавший это письмо, по-видимому, располагает средствами, — заметил я, пытаясь подражать приемам моего друга. — Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Очень уж она прочная и плотная.

— Диковинная — самое подходящее слово, — заметил Холмс. — И это не английская бумага. Посмотрите ее на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое «E» и маленькое «g», затем «P» и большое «G» с маленьким «t».

— Какой вывод вы можете из этого сделать? — спросил Холмс.

— Это несомненно имя фабриканта или, скорее, его монограмма.

— Вот и ошиблись! Большое «G» с маленьким «t» — это сокращение «Gesellschaft», что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше «К°». «P», конечно, означает «Papier», бумага. Расшифруем теперь «E». Заглянем в иностранный географический справочник... — Он достал с полки тяжелый фолиант в коричневом переплете. — Eglow, Eglonitz... Вот мы и нашли:

Egeria. Это местность, где говорят по-немецки, в Богемии, недалеко от Карлсбада.[1] Место смерти Валленштейна,[2] славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками… Ха-ха, мой мальчик, какой вы из этого делаете вывод? — Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил из своей трубки большое синее облако.

— Бумага изготовлена в Богемии, — сказал я.

— Именно. А человек, написавший записку, немец. Вы замечаете странное построение фразы: «Такой отзыв о вас мы со всех сторон получали»? Француз или русский не мог бы так написать. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает носить маску, лишь бы не показывать своего лица… Вот и он сам, если я не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения.

Мы услышали резкий стук лошадиных копыт

---

[1] Примечания: ~ n_1 ~

1

Карлсбад (Карловы Вары) — курорт в Чехословакии.

[2] Примечания: ~ n_2 ~

2

Валленштейн — немецкий полководец XVII века.

и визг колес, скользнувших вдоль ближайшей обочины. Вскоре затем кто-то с силой дернул звонок.

Холмс присвистнул.

— Судя по звуку, парный экипаж… Да, — продолжал он, выглянув в окно, — изящная маленькая карета и пара рысаков… по сто пятьдесят гиней каждый. Так или иначе, но это дело пахнет деньгами, Уотсон.

— Я думаю, что мне лучше уйти, Холмс?

— Нет, нет, оставайтесь! Что я стану делать без моего биографа? Дело обещает быть интересным. Будет жаль, если вы пропустите его.

— Но ваш клиент…

— Ничего, ничего. Мне может понадобиться ваша помощь, и ему тоже… Ну, вот он идет. Садитесь в это кресло, доктор, и будьте очень внимательны.

Медленные, тяжелые шаги, которые мы слышали на лестнице и в коридоре, затихли перед самой нашей дверью. Затем раздался громкий и властный стук.

— Войдите! — сказал Холмс.

A man entered

Вошел человек ростом едва ли меньше шести футов и шести дюймов,[3] геркулесовского сложения. Он был одет роскошно, но эту роскошь сочли бы в Англии вульгарной. Рукава и отвороты его двубортного пальто были оторочены тяжелыми полосами каракуля; темно-синий плащ, наки-

[3] Примечания: ~ n_3 ~

3

Шесть футов и шесть дюймов — приблизительно 1 метр 90 сантиметров.

нутый на плечи, был подбит огненно-красным шелком и застегнут на шее пряжкой из сверкающего берилла. Сапоги, доходящие до половины икр и обшитые сверху дорогим коричневым мехом, дополняли то впечатление варварской пышности, которое производил весь его облик. В руке он держал широкополую шляпу, а верхняя часть его лица была закрыта черной маской, опускавшейся ниже скул. Эту маску, походившую на забрало, он, очевидно, только что надел, потому что, когда он вошел, рука его была еще поднята. Судя по нижней части лица, это был человек сильной воли: толстая выпяченная губа и длинный прямой подбородок говорили о решительности, переходящей в упрямство.

— Вы получили мою записку? — спросил он низким, грубым голосом с сильным немецким акцентом. — Я сообщал, что приду к вам. — Он смотрел то на одного из нас, то на другого, видимо не зная, к кому обратиться.

— Садитесь, пожалуйста. — сказал Холмс. — Это мой друг и товарищ, доктор Уотсон. Он так добр, что иногда помогает мне в моей работе. С кем имею честь говорить?

— Вы можете считать, что я граф фон Крамм, богемский дворянин. Полагаю, что этот джентль-

мен, ваш друг, — человек, достойный полного доверия, и я могу посвятить его в дело чрезвычайной важности? Если это не так, я предпочел бы беседовать с вами наедине.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и толкнул обратно в кресло:

— Говорите либо с нами обоими, либо не говорите. В присутствии этого джентльмена вы можете сказать все, что сказали бы мне с глазу на глаз.

Граф пожал широкими плечами.

— В таком случае я должен прежде всего взять с вас обоих слово, что дело, о котором я вам сейчас расскажу, останется в тайне два года. По прошествии двух лет это не будет иметь значения. В настоящее время я могу, не преувеличивая, сказать: вся эта история настолько серьезна, что может отразиться на судьбах Европы.

— Даю слово, — сказал Холмс.

— И я.

— Простите мне эту маску, — продолжал странный посетитель. — Августейшее лицо, по поручению которого я действую, пожелало, чтобы его доверенный остался для вас неизвестен, и я должен признаться, что титул, которым я себя назвал, не совсем точен.

— Это я заметил, — сухо сказал Холмс.

— Обстоятельства очень щекотливые, и необходимо принять все меры, чтобы из-за них не разросся огромный скандал, который мог бы сильно скомпрометировать одну из царствующих династий Европы. Говоря проще, дело связано с царствующим домом Ормштейнов, королей Богемии.

— Так я и думал, — пробормотал Холмс, поудобнее располагаясь в кресле и закрывая глаза.

Посетитель с явным удивлением посмотрел на лениво развалившегося, равнодушного человека, которого ему, несомненно, описали как самого проницательного и самого энергичного из всех европейских сыщиков. Холмс медленно открыл глаза и нетерпеливо посмотрел на своего тяжеловесного клиента.

— Если ваше величество соблаговолите посвятить нас в свое дело, — заметил он, — мне легче будет дать вам совет.

Посетитель вскочил со стула и принялся шагать по комнате в сильном возбуждении. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

He tore the mask from his face

— Вы правы, — воскликнул он, — я король! Зачем мне пытаться скрывать это?

— Действительно, зачем? Ваше величество еще не начали говорить, как я уже знал, что передо мной Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, великий князь Кассель-Фельштейнский и наследственный король Богемии.

— Но вы понимаете, — сказал наш странный посетитель, снова усевшись и поводя рукой по высокому белому лбу, — вы понимаете, что я не привык лично заниматься такими делами! Однако вопрос настолько щекотлив, что я не мог

доверить его кому-нибудь из полицейских агентов, не рискуя оказаться в его власти. Я приехал из Праги инкогнито специально затем, чтобы обратиться к вам за советом.

— Пожалуйста, обращайтесь, — сказал Холмс, снова закрывая глаза.

— Факты вкратце таковы: лет пять назад, во время продолжительного пребывания в Варшаве, я познакомился с хорошо известной авантюристкой Ирэн Адлер. Это имя вам, несомненно, знакомо?

— Будьте любезны, доктор, посмотрите в моей картотеке, — пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Много лет назад он завел систему регистрации разных фактов, касавшихся людей и вещей, так что трудно было назвать лицо или предмет, о которых он не мог бы сразу дать сведения. В данном случае я нашел биографию Ирэн Адлер между биографией еврейского раввина и биографией одного начальника штаба, написавшего труд о глубоководных рыбах.

— Покажите-ка, — сказал Холмс. — Гм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто, гм… Ла Скала, так-так!.. Примадонна императорской оперы в Варшаве, да! Покинула оперную сцену,

ха! Проживает в Лондоне… совершенно верно! Ваше величество, насколько я понимаю, попали в сети к этой молодой особе, писали ей компрометирующие письма и теперь желали бы вернуть эти письма.

— Совершенно верно. Но каким образом?

— Вы тайно женились на ней?

— Нет.

— Никаких документов или свидетельств?

— Никаких.

— В таком случае, я вас не понимаю, ваше величество. Если эта молодая женщина захочет использовать письма для шантажа или других целей, как она докажет их подлинность?

— Мой почерк.

— Пустяки! Подлог.

— Моя личная почтовая бумага.

— Украдена.

— Моя личная печать.

— Подделка.

— Моя фотография.

— Куплена.

— Но мы сфотографированы вместе!

— О-о, вот это очень плохо! Ваше величество действительно допустили большую оплошность.

— Я был без ума от Ирэн.

— Вы серьезно себя скомпрометировали.

— Тогда я был всего лишь кронпринцем. Я был молод. Мне и теперь только тридцать.

— Фотографию необходимо во что бы то ни стало вернуть.

— Мы пытались, но нам не удалось.

— Ваше величество должны пойти на издержки: фотографию надо купить.

— Ирэн не желает ее продавать.

— Тогда ее надо выкрасть.

— Было сделано пять попыток. Я дважды нанимал взломщиков, и они перерыли весь ее дом. Раз, когда она путешествовала, мы обыскали ее багаж. Дважды ее заманивали в ловушку. Мы не добились никаких результатов.

— Никаких?

— Абсолютно никаких.

Холмс засмеялся.

— Ничего себе задачка! — сказал он.

— Но для меня это очень серьезная задача! — с упреком возразил король.

— Да, действительно. А что она намеревается сделать с фотографией?

— Погубить меня.

— Но каким образом?

— Я собираюсь жениться.

— Об этом я слышал.

— На Клотильде Лотман фон Саксен-Менинген. Быть может, вы знаете строгие принципы этой семьи. Сама Клотильда — воплощенная чистота. Малейшая тень сомнения относительно моего прошлого привела бы к разрыву.

— А Ирэн Адлер?

— Она грозит, что пошлет фотоснимок родителям моей невесты. И пошлет, непременно пошлет! Вы ее не знаете. У нее железный характер. Да, да, лицо обаятельной женщины, а душа жестокого мужчины. Она ни перед чем не остановится, лишь бы не дать мне жениться на другой.

— Вы уверены, что она еще не отправила фотографию вашей невесте?

— Уверен.

— Почему?

— Она сказала, что пошлет фотографию в день моей официальной помолвки. А это будет в ближайший понедельник.

— О, у нас остается три дня! — сказал Холмс, зевая. — И это очень приятно, потому что сейчас мне надо заняться кое-какими важными делами. Ваше величество, конечно, останетесь пока что в Лондоне?

— Конечно. Вы можете найти меня в гостинице

Лэнгхэм под именем графа фон Крамма.

— В таком случае, я пришлю вам записочку — сообщу, как продвигается дело.

— Очень прошу вас. Я так волнуюсь!

— Ну, а как насчет денег?

— Тратьте, сколько найдете нужным. Вам предоставляется полная свобода действий.

— Абсолютно?

— О, я готов отдать за эту фотографию любую из провинций моего королевства!

— А на текущие расходы?

Король достал из-за плаща тяжелый кожаный мешочек и положил его на стол.

— Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями, — сказал он.

Холмс написал расписку на страничке своей записной книжки и вручил королю.

— Адрес мадемуазель? — спросил он.

— Брайони-лодж, Серпантайн-авеню, Сент-Джонсвуд.

Холмс записал.

— И еще один вопрос, — сказал он. — Фотография была кабинетного размера?

— Да, кабинетного.

— А теперь доброй ночи, ваше величество, к я надеюсь, что скоро у нас будут хорошие вести…

Доброй ночи, Уотсон, — добавил он, когда колеса королевского экипажа застучали по мостовой. — Будьте любезны зайти завтра в три часа, я бы хотел потолковать с вами об этом деле.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Экономка сообщила мне, что он вышел из дому в начале девятого. Я уселся у камина с намерением дождаться его, сколько бы мне ни пришлось ждать. Я глубоко заинтересовался его расследованием, хотя оно было лишено причудливых и мрачных черт, присущих тем двум преступлениям, о которых я рассказал в другом месте. Но своеобразные особенности этого случая и высокое положение клиента придавали делу необычный характер. Если даже оставить в стороне самое содержание исследования, которое производил мой друг, — как удачно, с каким мастерством он сразу овладел всей ситуацией и какая строгая, неопровержимая логика была в его умозаключениях! Мне доставляло истинное удовольствие следить за быстрыми, ловкими приемами, с помощью которых он разгадывал самые запутанные тайны. Я настолько привык к его неизменным триумфам, что самая возможность неудачи не укладывалась у меня в голове.

A drunken-looked groom

Было около четырех часов, когда дверь отворилась и в комнату вошел подвыпивший грум,[4] с бакенбардами, с растрепанной шевелюрой, с воспаленным лицом, одетый бедно и вульгарно. Как ни привык я к удивительной способности моего друга менять свой облик, мне пришлось трижды вглядеться, прежде чем я удостоверился,

[4] Примечания: ~ n_4 ~

Грум — конюх.

что это действительно Холмс. Кивнув мне на ходу, он исчез в своей спальне, откуда появился через пять минут в темном костюме, корректный, как всегда. Сунув руки в карманы, он протянул ноги к пылающему камину и несколько минут весело смеялся.

— Чудесно! — воскликнул он, затем закашлялся и снова расхохотался, да так, что под конец обессилел и в полном изнеможении откинулся на спинку кресла.

— В чем дело?

— Смешно, невероятно смешно! Уверен, что вы никогда не угадаете, как я провел это утро и что я в конце концов сделал.

— Не могу себе представить. Полагаю, что вы наблюдали за привычками или, может быть, за домом мисс Ирэн Адлер.

— Совершенно верно, но последствия были довольно необычайные… Однако расскажу по порядку. В начале девятого я вышел из дому под видом безработного грума. Существует удивительная симпатия, своего рода содружество между всеми, кто имеет дело с лошадьми. Станьте грумом, и вы узнаете все, что вам надо. Я быстро нашел Брайони-лодж. Это крохотная шикарная двухэтажная вилла; она выходит на улицу, поза-

ди нее сад. Массивный замок на садовой калитке. С правой стороны большая гостиная, хорошо обставленная, с высокими окнами, почти до полу, и с нелепыми английскими оконными затворами, которые мог бы открыть и ребенок. За домом ничего особенного, кроме того, что к окну галереи можно добраться с крыши каретного сарая. Я обошел этот сарай со всех сторон и рассмотрел его очень внимательно, но ничего интересного не заметил. Затем я пошел вдоль улицы и увидел, как я и ожидал, в переулке, примыкающем к стене сада, конюшню. Я помог конюхам чистить лошадей и получил за это два пенса, стакан водки, два пакета табаку и вдоволь сведений о мисс Адлер, а также и о других местных жителях. Местные жители меня не интересовали нисколько, но я был вынужден выслушать их биографии.

— А что вы узнали об Ирэн Адлер? — спросил я.

— О, она вскружила головы всем мужчинам в этой части города. Она самое прелестное существо из всех, носящих дамскую шляпку на этой планете. Так говорят в один голос все серпантайнские конюхи. Она живет тихо, выступает иногда на концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает кататься и ровно в семь возвращается

к обеду. Редко выезжает в другое время, кроме тех случаев, когда она поет. Только один мужчина посещает ее — только один, но зато очень часто. Брюнет, красавец, прекрасно одевается, бывает у нее ежедневно, а порой и по два раза в день. Его зовут мистер Годфри Нортон из Темпла.[5] Видите, как выгодно войти в доверие к кучерам! Они его возили домой от серпантайнских конюшен раз двадцать и все о нем знают. Выслушав то, что они мне рассказывали, я снова стал прогуливаться взад и вперед вблизи Брайони-лодж и обдумывать дальнейшие действия.

Этот Годфри Нортон, очевидно, играет существенную роль во всем деле. Он юрист. Это звучит зловеще. Что их связывает и какова причина его частых посещений? Кто она: его клиентка? Его друг? Его возлюбленная? Если она его клиентка, то, вероятно, отдала ему на хранение ту фотографию. Если же возлюбленная — едва ли. От решения этого вопроса зависит, продолжать ли мне работу в Брайони-лодж или обратить внимание на квартиру того джентльмена в Темпле. Этот вопрос очень щекотлив и расширяет поле моих розысков… Боюсь, Уотсон, что надоедаю

[5] Примечания: ~ n_5 ~

Темпл — лондонский квартал, где сосредоточены конторы юристов.

вам этими подробностями, но, чтобы вы поняли всю ситуацию, я должен открыть вам мои мелкие затруднения.

— Я внимательно слежу за вашим рассказом, — ответил я.

— Я все еще взвешивал в уме это дело, когда к Брайони-лодж подкатил изящный экипаж и из него выскочил какой-то джентльмен, необычайно красивый, усатый, смуглый, с орлиным носом. Очевидно, это и был тот субъект, о котором я слышал. По-видимому, он очень спешил и был крайне взволнован. Приказав кучеру ждать, он пробежал мимо горничной, открывшей ему дверь, с видом человека, который чувствует себя в этом доме хозяином.

Он пробыл там около получаса, и мне было видно через окно гостиной, как он ходит взад и вперед по комнате, возбужденно толкует о чем-то и размахивает руками. Ее я не видел. Но вот он вышел на улицу, еще более взволнованный. Подойдя к экипажу, он вынул из кармана золотые часы и озабоченно посмотрел на них. «Гоните, как дьявол! — крикнул он кучеру. — Сначала к Гроссу и Хенке на Риджент-стрит, а затем к церкви святой Моники на Эджвер-роуд. Полгинеи, если доедете за двадцать минут!»

Они умчались, а я как раз соображал, не последовать ли мне за ними, как вдруг к дому подкатило прелестное маленькое ландо.[6] Пальто на кучере было полузастегнуто, узел галстука торчал под самым ухом, а ремни упряжи выскочили из пряжек. Кучер едва успел остановить лошадей, как Ирэн выпорхнула из дверей виллы и вскочила в ландо. Я видел ее лишь одно мгновение, но а этого было довольно: очень миловидная женщина с таким лицом, в которое мужчины влюбляются до смерти. «Церковь святой Моники, Джон! — крикнула она. — Полгинеи, если доедете за двадцать минут!»

Это был случай, которого нельзя было упустить, Уотсон. Я уже начал раздумывать, что лучше: бежать за ней вслед или прицепиться к задку ландо, как вдруг на улице показался кэб. Кучер дважды посмотрел на такого неказистого седока, но я вскочил прежде, чем он успел что-либо возразить. «Церковь святой Моники, — сказал я, — и полгинеи, если вы доедете за двадцать минут!» Было без двадцати пяти минут двенадцать, и, конечно, нетрудно было догадаться, в чем дело.

Мой кэб мчался стрелой. Не думаю, чтобы ко-

[6] Примечания: ~ n_6 ~

Ландо — открытая коляска, запряженная парой лошадей.

гда-нибудь я ехал быстрее, но экипаж и ландо со взмыленными лошадьми уже стояли у входа в церковь. Я рассчитался с кучером и взбежал по ступеням. В церкви не было ни души, кроме тех, за кем я следовал, да священника, который, по-видимому, обращался к ним с какими-то упреками. Все трое стояли перед алтарем. Я стал бродить по боковому приделу, как праздношатающийся, случайно зашедший в церковь. Внезапно, к моему изумлению, те трое обернулись ко мне, и Годфри Нортон со всех ног бросился в мою сторону.

«Слава богу! — закричал он. — Вас-то нам и нужно. Идемте! Идемте!»

«В чем дело?» — спросил я.

«Идите, идите, добрый человек, всего три минуты!»

Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, еще не успев опомниться, я бормотал ответы, которые мне шептали в ухо, клялся в том, чего совершенно не знал, и вообще помогал бракосочетанию Ирэн Адлер, девицы, с Годфри Нортоном, холостяком.

Все это совершилось в одну минуту, и вот джентльмен благодарит меня с одной стороны, леди — с другой, а священник так и сияет улыбкой. Это было самое нелепое положение, в каком я когда-либо находился; воспоминание о нем и

заставило меня сейчас хохотать. По-видимому, у них не были выполнены какие-то формальности, и священник наотрез отказался совершить обряд бракосочетания, если не будет свидетеля. Мое удачное появление в церкви избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках первого встречного. Невеста дала мне гинею, и я собираюсь носить эту монету на часовой цепочке как память о своем приключении.

I found myself mumbling responses

— Дело приняло весьма неожиданный обо-

рот, — сказал я. — Что же будет дальше?

— Ну, я понял, что мои планы под серьезной угрозой. Похоже было на то, что молодожены собираются немедленно уехать, и потому с моей стороны требовались быстрые и энергичные действия. Однако у дверей церкви они расстались: он уехал в Темпл, она — к себе домой. «Я поеду кататься в парк, как всегда, в пять часов», — сказала она, прощаясь с ним. Больше я ничего не слыхал. Они разъехались в разные стороны, а я вернулся, чтобы взяться за свои приготовления.

— В чем они заключаются?

— Немного холодного мяса и стакан пива, — ответил Холмс, дергая колокольчик. — Я был слишком занят и совершенно забыл о еде. Вероятно, сегодня вечером у меня будет еще больше хлопот. Кстати, доктор, мне понадобится ваше содействие.

— Буду очень рад.

— Вы не боитесь нарушать законы?

— Ничуть.

— И опасность ареста вас не пугает?

— Ради хорошего дела готов и на это.

— О, дело великолепное!

— В таком случае, я к вашим услугам.

— Я был уверен, что могу на вас положиться.

— Но что вы задумали?

— Когда миссис Тернер принесет ужин, я вам все объясню… Теперь, — сказал он, жадно накидываясь на скромную пищу, приготовленную экономкой, — я должен во время еды обсудить с вами все дело, потому что времени у меня осталось мало. Сейчас без малого пять часов. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирэн или, скорее, миссис, возвращается со своей прогулки в семь часов. Мы должны быть у Брайони-лодж, чтобы встретить ее.

— Что же дальше?

— А это предоставьте мне. Я уже подготовил то, что должно произойти. Я настаиваю только на одном: что бы ни случилось— не вмешивайтесь. Вы понимаете?

— Я должен быть нейтрален?

— Вот именно. Не делать ничего. Вероятно, получится небольшая неприятность. Не вмешивайтесь. Кончится тем, что меня отнесут в дом. Через четыре или пять минут откроют окно гостиной. Вы должны стать поближе к этому открытому окну.

— Хорошо.

— Вы должны наблюдать за мною, потому что я буду у вас на виду.

— Хорошо.

— И когда я подниму руку — вот так, — вы бросите в комнату то, что я вам дам для этой цели, и в то же время закричите: «Пожар!» Вы меня понимаете?

— Вполне.

— Тут ничего нет опасного, — сказал он, вынимая из кармана сверток в форме сигары. — Это обыкновенная дымовая ракета, снабженная с обоих концов капсюлем, чтобы она сама собою воспламенялась. Вся ваша работа сводится к этому. Когда вы закричите «Пожар!», ваш крик будет подхвачен множеством людей, после чего вы можете дойти до конца улицы, а я нагоню вас через десять минут. Надеюсь, вы поняли?

— Я должен оставаться нейтральным, подойти поближе к окну, наблюдать за вами и по вашему сигналу бросить в окно этот предмет, затем поднять крик о пожаре и ожидать вас на углу улицы.

— Совершенно верно.

— Можете на меня положиться.

— Ну, и отлично. Пожалуй, мне пора уже начать подготовку к новой роли, которую придется сегодня играть.

A simple-minded clergyman

Он скрылся в спальне и через несколько минут появился в виде любезного, простоватого священника. Его широкополая черная шляпа, мешковатые брюки, белый галстук, привлекательная улыбка и общее выражение благожелательного любопытства были бесподобны. Дело не только в том, что Холмс переменил костюм. Выражение его лица, манеры, самая душа, казалось, изменялись при каждой новой роли, которую ему

приходилось играть. Сцена потеряла в его лице прекрасного актера, а наука — тонкого мыслителя, когда он стал специалистом по расследованию преступлений.

В четверть седьмого мы вышли из дому, и до назначенного часа оставалось десять минут, когда мы оказались на Серпантайн-авеню. Уже смеркалось, на улице только что зажглись фонари, и мы принялись расхаживать мимо Брайони-лодж, поджидая возвращения его обитателей. Дом был как раз такой, каким я его себе представлял по краткому описанию Шерлока Холмса, но местность оказалась далеко не такой безлюдной, как я ожидал. Наоборот: эта маленькая, тихая улица на окраине города буквально кишела народом. На одном углу курили и смеялись какие-то оборванцы, тут же был точильщик со своим колесом, два гвардейца, флиртовавших с нянькой, и несколько хорошо одетых молодых людей, расхаживавших взад и вперед с сигарами во рту.

— Видите ли, — заметил Холмс, когда мы бродили перед домом, — эта свадьба значительно упрощает все дело. Теперь фотография становится обоюдоострым оружием. Возможно, что Иран так же не хочется, чтобы фотографию увидел мистер Годфри Нортон, как не хочется нашему клиенту,

чтобы она попалась на глаза его принцессе. Вопрос теперь в том, где мы найдем фотографию.

— Действительно, где?

— Совершенно невероятно, чтобы Ирэн носила ее при себе. Фотография кабинетного формата слишком велика, и ее не спрятать под женским платьем. Ирэн знает, что король способен заманить ее куда-нибудь и обыскать. Две попытки такого рода уже были сделаны. Значит, мы можем быть уверены, что с собой она фотографию не носит.

— Ну, а где же она ее хранит?

— У своего банкира или у своего адвоката. Возможно и то и другое, но я сомневаюсь и в том и в другом. Женщины по своей природе склонны к таинственности и любят окружать себя секретами. Зачем ей посвящать в свой секрет кого-нибудь другого? Она могла положиться на собственное умение хранить вещи, но вряд ли у нее была уверенность, что деловой человек, если она вверит ему свою тайну, сможет устоять против политического или какого-нибудь иного влияния. Кроме того, вспомните, что она решила пустить в ход фотоснимок в ближайшие дни. Для этого нужно держать его под рукой. Фотоснимок должен быть в ее собственном доме.

— Но два раза взломщики перерыли дом.

— Чепуха! Они не знали, как надо искать.

— А как вы будете искать?

— Я не буду искать.

— А как же иначе?

— Я сделаю так, что Ирэн покажет его мне сама.

— Она откажется.

— В том-то и дело, что ей это не удастся... Но, я слышу, стучат колеса. Это ее карета. Теперь в точности выполняйте мои указания.

В эту минуту свет боковых фонарей кареты показался на повороте, нарядное маленькое ландо подкатило к дверям Брайони-лодж. Когда экипаж остановился, один из бродяг, стоявших на углу, бросился открывать дверцы в надежде заработать медяк, но его оттолкнул другой бродяга, подбежавший с тем же намерением. Завязалась жестокая драка. Масла в огонь подлили оба гвардейца, ставшие на сторону одного из бродяг, и точильщик, который с такой же горячностью принялся защищать другого. В одно мгновение леди, вышедшая из экипажа, оказалась в свалке разгоряченных, дерущихся людей, которые дико лупили друг друга кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы защитить леди.

Но, пробившись к ней, он вдруг испустил крик и упал на землю с залитым кровью лицом. Когда он упал, солдаты бросились бежать в одну сторону, оборванцы — в другую. Несколько прохожих более приличного вида, не принимавших участия в потасовке, подбежали, чтобы защитить леди и оказать помощь раненому. Ирэн Адлер, как я буду по-прежнему ее называть, взбежала по ступенькам, но остановилась на площадке и стала смотреть на улицу; ее великолепная фигура выделялась на фоне освещенной гостиной.

He gave a cry and dropped

— Бедный джентльмен сильно ранен? — спросила она.

— Он умер, — ответило несколько голосов.

— Нет, нет, он еще жив! — крикнул кто-то. — Но он умрет раньше, чем вы его довезете до больницы.

— Вот смелый человек! — сказала какая-то женщина. — Если бы не он, они отобрали бы у леди и кошелек и часы. Их тут целая шайка и очень опасная. А-а, он стал дышать!

— Ему нельзя лежать на улице… Вы позволите перенести его в дом, мадам?

— Конечно! Перенесите его в гостиную. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и торжественно Холмса внесли в Брайони-лодж и уложили в гостиной, между тем как я все еще наблюдал за происходившим со своего поста у окна. Лампы были зажжены, но шторы не были опущены, так что я мог видеть Холмса, лежащего на диване. Не знаю, упрекала ли его совесть за то, что он играл такую роль, — я же ни разу в жизни не испытывал более глубокого стыда, чем в те минуты, когда эта прелестная женщина, в заговоре против которой я участвовал, ухаживала с такой добротой и лаской за раненым. И все же было бы черной изменой, если

бы я не выполнил поручения Холмса. С тяжелым сердцем я достал из-под моего пальто дымовую ракету. «В конце концов, — подумал я, — мы не причиняем ей вреда, мы только мешаем ей повредить другому человеку».

Холмс приподнялся на диване, и я увидел, что он делает движения, как человек, которому не хватает воздуха. Служанка бросилась к окну и широко распахнула его. В то же мгновение Холмс поднял руку; по этому сигналу я бросил в комнату ракету и крикнул: «Пожар!» Едва это слово успело слететь с моих уст, как его подхватила вся толпа. Хорошо и плохо одетые джентльмены, конюхи и служанки — все завопили в один голос: «Пожар!» Густые облака дыма клубились в комнате и вырывались через открытое окно. Я видел, как там, за окном, мечутся люди; мгновением позже послышался голос Холмса, уверявшего, что это ложная тревога.

Проталкиваясь сквозь толпу, я добрался до угла улицы. Через десять минут, к моей радости, меня догнал Холмс, взял под руку, и мы покинули место бурных событий. Некоторое время он шел быстро и не проронил ни единого слова, пока мы не свернули в одну из тихих улиц, ведущих на Эджвер-роуд.

— Вы очень ловко это проделали, доктор, — заметил Холмс.

— Как нельзя лучше. Все в порядке.

— Достали фотографию?

— Я знаю, где она спрятана.

— А как вы узнали?

— Ирэн мне сама показала, как я вам предсказывал.

— Я все же ничего не понимаю.

— Я не делаю из этого никакой тайны, — сказал он, смеясь. — Все было очень просто. Вы, наверно, догадались, что все эти зеваки на улице были моими сообщниками. Все они были наняты мною.

— Об этом-то я догадался.

— В руке у меня было немного влажной красной краски. Когда началась свалка, я бросился вперед, упал, прижал руку к лицу и предстал окровавленный… Старый прием.

— Это я тоже смекнул…

— Они вносят меня в дом. Ирэн Адлер вынуждена принять меня, что ей остается делать? Я попадаю в гостиную, в ту самую комнату, которая была у меня на подозрении. Фотография где-то поблизости, либо в гостиной, либо в спальне. Я твердо решил выяснить, где именно. Меня укладывают на кушетку, я притворяюсь, что мне не

хватает воздуха. Они вынуждены открыть окно, и вы получаете возможность сделать свое дело.

— А что вы от этого выиграли?

— Очень много. Когда женщина думает, что у нее в доме пожар, инстинкт заставляет ее спасать то, что ей всего дороже. Это самый властный импульс, и я не раз извлекал из него пользу. В случае дарлингтоновского скандала я использовал его, также и в деле с арнсворским дворцом. Замужняя женщина спасает ребенка, незамужняя — шкатулку с драгоценностями. Теперь мне ясно, что для нашей леди в доме нет ничего дороже того, что мы ищем. Она бросилась спасать именно это. Пожарная тревога была отлично разыграна. Дыма и крика было достаточно, чтобы потрясти стальные нервы. Ирэн поступила точно так, как я ждал. Фотография находится в тайничке, за выдвижной дощечкой, как раз над шнурком от звонка. Ирэн в одно мгновение очутилась там, и я даже увидел краешек фотографии, когда она наполовину вытащила ее. Когда же я закричал, что это ложная тревога, Ирэн положила фотографию обратно, глянула мельком на ракету, выбежала из комнаты, и после этого я ее не видел. Я встал и, извинившись, выскользнул из дома. Мне хотелось сразу достать фотографию, но в комнату

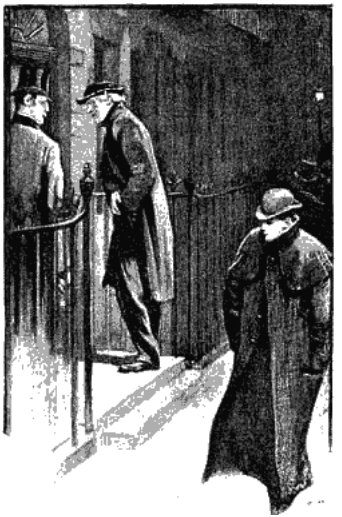
вошел кучер и начал зорко следить за мною, так что мне поневоле пришлось отложить свой налет до другого раза. Излишняя поспешность может погубить все.

— Ну, а дальше? — спросил я.

— Практически наши розыски закончены. Завтра я приду к Ирэн Адлер с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать. Нас попросят подождать в гостиной, но весьма вероятно, что, выйдя к нам, леди не найдет ни нас, ни фотографии. Возможно, что его величеству будет приятно своими собственными руками достать фотографию.

— А когда вы отправитесь туда?

— В восемь часов утра. Она еще будет в постели, так что нам обеспечена полная свобода действий. Кроме того, надо действовать быстро, потому что брак может полностью изменить ее быт и ее привычки. Я должен немедленно послать королю телеграмму.



«Good-night, Mister Herlock Holmes»

Мы дошли до Бейкер-стрит и остановились у дверей нашего дома. Холмс искал в карманах свой ключ, когда какой-то прохожий сказал:

— Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!

На панели в это время было несколько человек, но приветствие, по-видимому, исходило от проходившего мимо стройного юноши в длинном пальто.

— Я где-то уже слышал этот голос, — сказал Холмс, оглядывая скудно освещенную улицу, —

но не понимаю, черт возьми, кто бы это мог быть.

III

Эту ночь я спал на Бейкер-стрит. Мы сидели утром за кофе с гренками, когда в комнату стремительно вошел король Богемии.

— Вы действительно добыли фотографию? — воскликнул он, обнимая Шерлока Холмса за плечи и весело глядя ему в лицо.

— Нет еще.

— Но вы надеетесь ее достать?

— Надеюсь.

— В таком случае, идемте! Я сгораю от нетерпения.

— Нам нужна карета.

— Мой экипаж у дверей.

— Это упрощает дело.

Мы сошли вниз и снова направились к Брайони-лодж.

— Ирэн Адлер вышла замуж, — заметил Холмс.

— Замуж? Когда?

— Вчера.

— За кого?

— За английского адвоката, по имени Нортон.

— Но она, конечно, не любит его?

— Надеюсь, что любит.

— Почему вы надеетесь?

— Потому что это избавит ваше величество от всех будущих неприятностей. Если леди любит своего мужа, значит, она не любит ваше величество, и тогда у нее нет основания мешать планам вашего величества.

— Верно, верно. И все же… О, как я хотел бы, чтобы она была одного ранга со мною! Какая бы это была королева!

Он погрузился в угрюмое молчание, которого не прерывал, пока мы не выехали на Серпантайн-авеню.

Двери виллы Брайони-лодж были открыты, и на лестнице стояла пожилая женщина. Она с какой-то странной иронией смотрела на нас, пока мы выходили из экипажа.

— Мистер Шерлок Холмс? — спросила она.

— Да, я Шерлок Холмс, — ответил мой друг, смотря на нее вопрошающим и удивленным взглядом.

— Так и есть! Моя хозяйка предупредила меня, что вы, вероятно, зайдете. Сегодня утром, в пять часов пятнадцать минут, она уехала со своим мужем на континент с Черингкросского вокзала.

— Что?! — Шерлок Холмс отшатнулся назад, бледный от огорчения и неожиданности. — Вы

хотите сказать, что она покинула Англию?

— Да. Навсегда.

— А бумаги? — хрипло спросил король. — Все потеряно!

— Посмотрим! — Холмс быстро прошел мимо служанки и бросился в гостиную.

Мы с королем следовали за ним. Вся мебель в комнате была беспорядочно сдвинута, полки стояли пустые, ящики были раскрыты — видно, хозяйка второпях рылась в них, перед тем как пуститься в бегство.

Холмс бросился к шнурку звонка, отодвинул маленькую выдвижную планку и, засунув в тайничок руку, вытащил фотографию и письмо. Это была фотография Ирэн Адлер в вечернем платье, а на письме была надпись: «Мистеру Шерлоку Холмсу. Вручить ему, когда он придет».

Мой друг разорвал конверт, и мы все трое принялись читать письмо. Оно было датировано минувшей ночью, и вот что было в нем написано:

> «Дорогой мистер Шерлок Холмс, вы действительно великолепно все это разыграли. На первых порах я отнеслась к вам с доверием. До пожарной тревоги

у меня не было никаких подозрений. Но затем, когда я поняла, как выдала себя, я не могла не задуматься. Уже несколько месяцев назад меня предупредили, что если король решит прибегнуть к агенту, он, конечно, обратится к вам. Мне дали ваш адрес. И все же вы заставили меня открыть то, что вы хотели узнать. Несмотря на мои подозрения, я не хотела дурно думать о таком милом, добром, старом священнике… Но вы знаете, я сама была актрисой. Мужской костюм для меня не новость. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает. Я послала кучера Джона следить за вами, а сама побежала наверх, надела мой костюм для прогулок, как я его называю, и спустилась вниз, как раз когда вы уходили. Я следовала за вами до ваших дверей и убедилась, что мною действительно интересуется знаменитый Шерлок Холмс. Затем я довольно неосторожно пожелала вам доброй ночи и поехала в Темпл, к мужу.

Мы решили, что, поскольку нас преследует такой сильный противник, лучшим спасением будет бегство. И вот, явившись

завтра, вы найдете гнездо опустевшим. Что касается фотографии, то ваш клиент может быть спокоен: я люблю человека, который лучше его. Человек этот любит меня. Король может делать все, что ему угодно, не опасаясь препятствий со стороны той, кому он причинил столько зла. Я сохраняю у себя фотографию только ради моей безопасности, ради того, чтобы у меня осталось оружие, которое защитит меня в будущем от любых враждебных шагов короля. Я оставляю здесь другую фотографию, которую ему, может быть, будет приятно сохранить у себя, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс,

преданная вам

Ирэн Нортон, урожденная Адлер».

— Что за женщина, о, что за женщина! — воскликнул король Богемии, когда мы все трое прочитали это послание. — Разве я не говорил вам, что она находчива, умна и предприимчива? Разве она не была бы восхитительной королевой? Разве не жаль, что она не одного ранга со мной?

— Насколько я узнал эту леди, мне кажется, что она действительно совсем другого уровня, чем

ваше величество, — холодно сказал Холмс. — Я сожалею, что не мог довести дело вашего величества до более удачного завершения.

— Наоборот, дорогой сэр! — воскликнул король. — Большей удачи не может быть. Я знаю, что ее слово нерушимо. Фотография теперь так же безопасна, как если бы она была сожжена.

— Я рад слышать это от вашего величества.

— Я бесконечно обязан вам. Пожалуйста, скажите мне, как я могу вознаградить вас? Это кольцо…

Он снял с пальца изумрудное кольцо и поднес его на ладони Холмсу.

— У вашего величества есть нечто еще более ценное для меня, — сказал Холмс.

— Вам стоит только указать.

— Эта фотография.

Король посмотрел на него с изумлением.

— Фотография Ирэн?! — воскликнул он. — Пожалуйста, если она вам нужна.

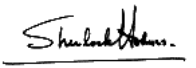
— Благодарю, ваше величество. В таком случае, с этим делом покончено. Имею честь пожелать вам всего лучшего.

«This photograph!»

Холмс поклонился и, не замечая руки, протянутой ему королем, вместе со мною отправился домой.

Вот рассказ о том, как в королевстве Богемии чуть было не разразился очень громкий скандал и как хитроумные планы мистера Шерлока Холмса были разрушены мудростью женщины. Холмс вечно подшучивал над женским умом, но за последнее время я уже не слышу его издевательств. И когда он говорит об Ирэн Адлер или вспоминает ее фотографию, то всегда произносит, как

почетный титул: «Эта Женщина».



Союз рыжих

The Red-headed League
First published in the Strand Magazine,
Aug. 1891,
with 10 illustrations by Sidney Paget.

Это было осенью прошлого года. У Шерлока Холмса сидел какой-то пожилой джентльмен, очень полный, огненно-рыжий. Я хотел было войти, но увидел, что оба они увлечены разговором, и поспешил удалиться. Однако Холмс втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

— Вы пришли как нельзя более кстати, мой дорогой Уотсон, — приветливо проговорил он.

— Я боялся вам помешать. Мне показалось, что вы заняты.

— Да, я занят. И даже очень.

— Не лучше ли мне подождать в другой комнате?

— Нет, нет... Мистер Уилсон, — сказал он, обращаясь к толстяку, — этот джентльмен не раз оказывал мне дружескую помощь во многих моих наиболее удачных исследованиях. Не сомневаюсь, что и в вашем деле он будет мне очень

полезен.

Mr. Jabez Wilson

Толстяк привстал со стула и кивнул мне головой; его маленькие, заплывшие жиром глазки пытливо оглядели меня.

— Садитесь сюда, на диван, — сказал Холмс.

Он опустился в кресло и, как всегда в минуты задумчивости, сложил концы пальцев обеих рук вместе.

— Я знаю, мой дорогой Уотсон, — сказал он, — что вы разделяете мою любовь ко всему необычному, ко всему, что нарушает однообразие нашей будничной жизни. Если бы у вас не

было этой любви к необыкновенным событиям, вы не стали бы с таким энтузиазмом записывать скромные мои приключения… причем по совести должен сказать, что иные из ваших рассказов изображают мою деятельность в несколько приукрашенном виде.

— Право же, ваши приключения всегда казались мне такими интересными, — возразил я.

— Не далее, как вчера, я, помнится, говорил вам, что самая смелая фантазия не в силах представить себе тех необычайных и диковинных случаев, какие встречаются в обыденной жизни.

— Я тогда же ответил вам, что позволяю себе усомниться в правильности вашего мнения.

— И тем не менее, доктор, вам придется признать, что я прав, ибо в противном случае я обрушу на вас такое множество удивительных фактов, что вы будете вынуждены согласиться со мной. Вот хотя бы та история, которую мне сейчас рассказал мистер Джабез Уилсон. Обстановка, где она произошла, совершенно заурядная и будничная, а между тем мне сдается, что за всю свою жизнь я не слыхал более чудесной истории… Будьте добры, мистер Уилсон, повторите свой рассказ. Я прошу вас об этом не только для того, чтобы мой друг, доктор Уотсон, выслушал

рассказ с начала до конца, но и для того, чтобы мне самому не упустить ни малейшей подробности. Обычно, едва мне начинают рассказывать какой-нибудь случай, тысячи подобных же случаев возникают в моей памяти. Но на этот раз я вынужден признать, что ничего похожего я никогда не слыхал.

Толстый клиент с некоторой гордостью выпятил грудь, вытащил из внутреннего кармана пальто грязную, скомканную газету и разложил ее у себя на коленях. Пока он, вытянув шею, пробегал глазами столбцы объявлений, я внимательно разглядывал его и пытался, подражая Шерлоку Холмсу, угадать по его одежде и внешности, кто он такой.

К сожалению, мои наблюдения не дали почти никаких результатов. Сразу можно было заметить, что наш посетитель — самый заурядный мелкий лавочник, самодовольный, тупой и медлительный. Брюки у него были мешковатые, серые, в клетку. Его не слишком опрятный черный сюртук был расстегнут, а на темном жилете красовалась массивная цепь накладного золота, на которой в качестве брелока болтался просверленный насквозь четырехугольный кусочек какого-то металла. Его поношенный цилиндр и

выцветшее бурое пальто со сморщенным бархатным воротником были брошены тут же на стуле. Одним словом, сколько я ни разглядывал этого человека, я не видел в нем ничего примечательного, кроме пламенно-рыжих волос. Было ясно, что он крайне озадачен каким-то неприятным событием.

От проницательного взора Шерлока Холмса не ускользнуло мое занятие.

— Конечно, для всякого ясно, — сказал он с улыбкой, — что наш гость одно время занимался физическим трудом, что он нюхает табак, что он франкмасон,[7] что он был в Китае и что за последние месяцы ему приходилось много писать. Кроме этих очевидных фактов, я не мог отгадать ничего.

Мистер Джабез Уилсон вскочил с кресла и, не отрывая указательного пальца от газеты, уставился на моего приятеля.

— Каким образом, мистер Холмс, могли вы все это узнать? — спросил он. — Откуда вы знаете, например, что я занимался физическим трудом? Да, действительно, я начал свою карьеру кора-

[7] Примечания: ~ n_7 ~

Франкмасоны (сокр. — масоны) — члены тайного религиозно-философского общества.

бельным плотником.

— Ваши руки рассказали мне об этом, мой дорогой сэр. Ваша правая рука больше левой. Вы работали ею, и мускулы на ней сильнее развиты.

— А нюханье табаку? А франкмасонство?

— О франкмасонстве догадаться нетрудно, так как вы, вопреки строгому уставу вашего общества, носите запонку с изображением дуги и окружности.[8]

— Ах да! Я и забыл про нее... Но как вы отгадали, что мне приходилось много писать?

— О чем ином может свидетельствовать ваш лоснящийся правый рукав и протертое до гладкости сукно на левом рукаве возле локтя!

— А Китай?

— Только в Китае могла быть вытатуирована та рыбка, что красуется на вашем правом запястье. Я изучил татуировки, и мне приходилось даже писать о них научные статьи. Обычай окрашивать рыбью чешую нежно-розовым цветом свойствен одному лишь Китаю. Увидев китайскую монетку на цепочке ваших часов, я окончательно убедил-

---

[8] Примечания: ~ n_8 ~

Дуга и окружность — масонские знаки. Прежде они были тайными, но современные масоны, нарушая старинный устав, нередко носят их на брелоках и запонках.

ся, что вы были в Китае.

Мистер Джабез Уилсон громко расхохотался.

— Вот оно что! — сказал он. — Я сначала подумал, что вы бог знает какими мудреными способами отгадываете, а, оказывается, это так просто.

— Я думаю, Уотсон, — сказал Холмс, — что совершил ошибку, объяснив, каким образом я пришел к моим выводам. Как вам известно, «Omne ignotum pro magnifico",[9] и моей скромной славе грозит крушение, если я буду так откровенен… Вы нашли объявление, мистер Уилсон ?

— Нашел, — ответил тот, держа толстый красный палец в центре газетного столбца. — Вот оно. С этого все и началось. Прочтите его сами, сэр.

Я взял газету и прочел:

> **Союз Рыжих** во исполнение завещания покойного Иезекин Хопкинса из Лебанона, Пенсильвания (США).
>
> Открыта новая вакансия для члена Союза. Предлагается жалованье четыре фунта стерлингов в неделю за чисто номинальную работу. Каждый рыжий не

[9] Примечания: ~ n_9 ~

«Все неведомое кажется нам великолепным» (лат.)

моложе двадцати одного года, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, может оказаться пригодным для этой работы. Обращаться лично к Дункану Россу в понедельник, в одиннадцать часов, в контору Союза, Флитстрит, Попс-корт, 7.

— Что это, черт побери, может означать? — воскликнул я, дважды прочитав необычайное объявление.

Холмс беззвучно засмеялся и весь как-то съежился в кресле, а это служило верным признаком, что он испытывает немалое удовольствие.

— Не слишком заурядное объявление, как по-вашему, а? — сказал он. — Ну, мистер Уилсон, продолжайте вашу повесть и расскажите нам о себе, о своем доме и о том, какую роль сыграло это объявление в вашей жизни. А вы, доктор, запишите, пожалуйста, что это за газета и от какого числа.

— «Утренняя хроника». 27 апреля 1890 года. Ровно два месяца назад.

— Отлично. Продолжайте, мистер Уилсон.

— Как я вам уже говорил, мистер Шерлок Холмс, — сказал Джабез Уилсон, вытирая лоб, — у меня есть маленькая ссудная касса на Сэкс-Ко-

бург-сквер, неподалеку от Сити. Дело у меня и прежде шло неважно, а за последние два года доходов с него хватало только на то, чтобы кое-как сводить концы с концами. Когда-то я держал двух помощников, но теперь у меня только один; мне трудно было бы платить и ему, но он согласился работать на половинном жалованье, чтобы иметь возможность изучить мое дело.

«What on earth does this mean?»

— Как зовут этого услужливого юношу? — спросил Шерлок Холмс.

— Его зовут Винсент Сполдинг, и он далеко не

юноша. Трудно сказать, сколько ему лет. Более расторопного помощника мне не сыскать. Я отлично понимаю, что он вполне мог бы обойтись без меня и зарабатывать вдвое больше. Но, в конце концов, раз он доволен, зачем же я стану внушать ему мысли, которые нанесут ущерб моим интересам?

— В самом деле, зачем? Вам, я вижу, очень повезло: у вас есть помощник, которому вы платите гораздо меньше, чем платят за такую же работу другие. Не часто встречаются в наше время такие бескорыстные служащие.

— О, у моего помощника есть свои недостатки! — сказал мистер Уилсон. — Я никогда не встречал человека, который так страстно увлекался бы фотографией. Щелкает аппаратом, когда нужно работать, а потом ныряет в погреб, как кролик в нору, и проявляет пластинки. Это его главный недостаток. Но в остальном он хороший работник.

— Надеюсь, он и теперь еще служит у вас?

— Да, сэр. Он да девчонка четырнадцати лет, которая кое-как стряпает и подметает полы. Больше никого у меня нет, я вдовец и к тому же бездетный. Мы трое живем очень тихо, сэр, поддерживаем огонь в очаге и платим по счетам — вот и все

наши заслуги… Это объявление выбило нас из колеи, — продолжал мистер Уилсон. — Сегодня исполнилось как раз восемь недель с того Дня, когда Сполдинг вошел в контору с этой газетой в руке и сказал: «Хотел бы я, мистер Уилсон, чтобы господь создал меня рыжим».

«Почему?» — спрашиваю я.

«Да вот, — говорит он, — открылась новая вакансия в Союзе рыжих. Тому, кто займет ее, она даст недурные доходы. Там, похоже, больше вакансий, чем кандидатов, и душеприказчики ломают себе голову, не зная, что делать с деньгами. Если бы волосы мои способны были изменить свой цвет, я непременно воспользовался бы этим выгодным местом».

«Что это за Союз рыжих?» — спросил я. — Видите ли, мистер Холмс, я большой домосед, и так как мне не приходится бегать за клиентами, клиенты сами приходят ко мне, я иногда по целым неделям не переступаю порога. Вот почему я мало знаю о том, что делается на свете, и всегда рад услышать что-нибудь новенькое…

«Неужели вы никогда не слыхали о Союзе рыжих?» — спросил Сполдинг, широко раскрыв глаза.

«Никогда».

The League has a vacancy.

«Это очень меня удивляет, так как вы один из тех, что имеет право занять вакансию».

«А много ли это может дать?» — спросил я.

«Около двухсот фунтов стерлингов в год, не больше, но работа пустяковая и притом такая, что не мешает человеку заниматься любым другим делом».

«Расскажите мне все, что вы знаете об этом Союзе», — сказал я.

«Как вы видите сами, — ответил Сполдинг, показывая мне объявление, — в Союзе рыжих имеется вакантное место, а вот и адрес, по кото-

рому вы можете обратиться за справкой, если хотите узнать все подробности. Насколько мне известно, этот Союз был основан американским миллионером Иезекией Хопкинсом, большим чудаком. Он сам был огненно-рыжий и сочувствовал всем рыжим на свете. Умирая, он оставил своим душеприказчикам огромную сумму и завещал употребить ее на облегчение участи тех, у кого волосы ярко-рыжего цвета. Мне говорили, что этим счастливцам платят превосходное жалованье, а работы не требуют с них почти никакой».

«Но ведь рыжих миллионы, — сказал я, — и каждый пожелает занять это вакантное место».

«Не так много, как вам кажется, — ответил он. — Объявление, как видите, обращено только к лондонцам и притом лишь ко взрослым. Этот американец родился в Лондоне, прожил здесь свою юность и хотел облагодетельствовать свой родной город. Кроме того, насколько я слышал, в Союз рыжих не имеет смысла обращаться тем лицам, у которых волосы светло-рыжие или темно-рыжие, — там требуются люди с волосами яркого, ослепительного, огненно-рыжего цвета. Если вы хотите воспользоваться этим предложением, мистер Уилсон, вам нужно только

пройтись до конторы Союза рыжих. Но имеет ли для вас смысл отвлекаться от вашего основного занятия ради нескольких сот фунтов?..»

Как вы сами изволите видеть, джентльмены, у меня настоящие ярко-рыжие волосы огненно-красного оттенка, и мне казалось, что, если дело дойдет до состязания рыжих, у меня, пожалуй, будет шанс занять освободившуюся вакансию. Винсент Сполдинг, как человек весьма сведущий в этом деле, мог принести мне большую пользу, поэтому я распорядился закрыть ставни на весь день и велел ему сопровождать меня в помещение Союза. Он очень обрадовался, что сегодня ему не придется работать, и мы, закрыв контору, отправилось по адресу, указанному в объявлении.

Я увидел зрелище, мистер Холмс, какого мне никогда больше не придется увидеть! С севера, с юга, с востока и с запада все люди, в волосах которых был хоть малейший оттенок рыжего цвета, устремились в Сити. Вся Флит-стрит была забита рыжими, а Попс-корт был похож на тачку разносчика, торгующего апельсинами. Никогда я не думал, что в Англии столько рыжих. Здесь были все оттенки рыжего цвета: соломенный, лимонный, оранжевый, кирпичный, оттенок ирландских сеттеров, оттенок желчи, оттенок

глины; но, как и указал Сполдинг, голов настоящего — живого, яркого, огненного цвета тут было очень немного. Все же, увидев такую толпу, я пришел в отчаяние. Сполдинг не растерялся. Не знаю, как это ему удалось, но он проталкивался и протискивался с таким усердием, что сумел провести меня сквозь толпу, и мы очутились на лестнице, ведущей в контору. По лестнице двигался двойной людской поток: одни поднимались, полные приятных надежд, другие спускались в унынии. Мы протискались вперед и скоро очутились в конторе…

— Замечательно интересная с вами случилась история! — сказал Холмс, когда его клиент замолчал, чтобы освежить свою память понюшкой табаку. — Пожалуйста, продолжайте.

— В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и простого соснового стола, за которым сидел маленький человечек, еще более рыжий, чем я. Он обменивался несколькими словами с каждым из кандидатов; по мере того как они подходили к столу, и в каждом обнаруживал какой-нибудь недостаток. Видимо, занять эту вакансию было не так-то просто. Однако, когда мы, в свою очередь, подошли к столу, маленький человечек встретил меня гораздо приветливее,

чем остальных кандидатов, и, едва мы вошли, запер двери, чтобы побеседовать с нами без посторонних.

«Это мистер Джабез Уилсон, — сказал мой помощник. — Он хотел бы занять вакансию в Союзе».

«И он вполне достоин того, чтобы занять ее, — ответил человечек. — Давно не случалось мне видеть такие прекрасные волосы!»

Он отступил на шаг, склонил голову набок и глядел на мои волосы так долго, что мне стало неловко. Затем внезапно кинулся вперед, схватил мою руку и горячо поздравил меня.

He congratulated me warmly.

«Было бы несправедливостью с моей стороны медлить, — сказал он. — Однако, надеюсь, вы простите меня, если я приму некоторые меры предосторожности». Он вцепился в мои волосы обеими руками и дернул так, что я взвыл от боли.

«У вас на глазах слезы, — сказал он, отпуская меня. — Значит, все в порядке. Извините, нам приходится быть осторожными, потому что нас дважды обманули с помощью париков и один раз — с помощью краски. Я мог бы рассказать вам о таких бесчестных проделках, которые внушили бы вам отвращение к людям».

Он подошел к окну и крикнул во все горло, что вакансия уже занята. Стон разочарования донесся снизу, толпа расползлась по разным направлениям, и скоро во всей этой местности не осталось ни одного рыжего, кроме меня и того человека, который меня нанимал.

«Меня зовут мистер Дункан Росс, — сказал он, — и я тоже получаю пенсию из того фонда, который оставил нам наш великодушный благодетель. Вы женаты, мистер Уилсон? У вас есть семья?»

Я ответил, что я бездетный вдовец. На лице у него появилось выражение скорби.

«Боже мой! — мрачно сказал он. — Да ведь это серьезнейшее препятствие! Как мне грустно, что вы не женаты! Фонд был создан для размножения и распространения рыжих, а не только для поддержания их жизни. Какое несчастье, что вы оказались холостяком!»

При этих словах мое лицо вытянулось, мистер Холмс, так как я стал опасаться, что меня не возьмут; но, подумав, он заявил, что все обойдется:

«Ради всякого другого мы не стали бы отступать от правил, но человеку с такими волосами можно пойти навстречу. Когда вы могли бы приступить к выполнению ваших новых обязанностей?»

«Это несколько затруднительно, так как я занят в другом деле», — сказал я.

«Не беспокойтесь об этом, мистер Уилсон! — сказал Винсент Сполдинг. — С той работой я справлюсь и без вас».

«В какие часы я буду занят?» — спросил я.

«От десяти до двух».

Так как в ссудных кассах главная работа происходит по вечерам, мистер Холмс, особенно по четвергам и по пятницам, накануне получки, я решил, что недурно будет заработать кое-что в утренние часы. Тем более, что помощник мой — человек надежный и вполне может меня заме-

нить, если нужно.

«Эти часы мне подходят, — сказал я. — А какое вы платите жалованье?»

«Четыре фунта в неделю».

«А в чем заключается работа?».

«Работа чисто номинальная».

«Что вы называете чисто номинальной работой?»

«Все назначенное для работы время вам придется находиться в нашей конторе или, по крайней мере, в здании, где помещается наша контора. Если вы хоть раз уйдете в рабочие часы, вы потеряете службу навсегда. Завещатель особенно настаивает на точном выполнении этого пункта. Будет считаться, что вы не исполнили наших требований, если вы хоть раз покинете контору в часы работы».

«Если речь идет всего о четырех часах в сутки, мне, конечно, и в голову не придет покидать контору», — сказал я.

«Это очень важно, — настаивал мистер Дункан Росс. — Потом мы никаких извинений и слушать не станем. Никакие болезни, никакие дела не будут служить оправданием. Вы должны находиться в конторе — или вы теряете службу».

«А в чем все-таки заключается работа?»

«Вам придется переписывать „Британскую энциклопедию“. Первый том — в этом шкафу. Чернила, перья, бумагу и промокашку вы достанете сами; мы же даем вам стол и стул. Можете ли вы приступить к работе завтра?»

«Конечно», — ответил я.

«В таком случае, до свиданья, мистер Джабез Уилсон. Позвольте мне еще раз поздравить вас с тем, что вам удалось получить такое хорошее место».

Он кивнул мне. Я вышел из комнаты и отправился домой вместе с помощником, радуясь своей необыкновенной удаче. Весь день я размышлял об этом происшествии и к вечеру несколько упал духом, так как мне стало казаться, что все это дело — просто мошенничество, хотя мне никак не удавалось отгадать, в чем может заключаться цель подобной затеи. Казалось невероятным, что существует такое завещание и что люди согласны платить такие большие деньги за переписку «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг изо всех сил старался подбодрить меня, но, ложась спать, я твердо решил отказаться от этого дела. Однако утром мне пришло в голову, что следует хотя бы сходить туда на всякий случай. Купив на пенни чернил, захватив гусиное перо

и семь больших листов бумаги, я отправился в Попс-корт. К моему удивлению, там все было в порядке. Я очень обрадовался. Стол был уже приготовлен для моей работы, и мистер Дункан Росс ждал меня. Он велел мне начать с буквы «А» и вышел; однако время от времени он возвращался в контору, чтобы посмотреть, работаю ли я. В два часа он попрощался со мной, похвалил меня за то, что я успел так много переписать, и запер за мной дверь конторы.

Так шло изо дня в день, мистер Холмс. В субботу мой хозяин выложил передо мной на стол четыре золотых соверена — плату за неделю. Так прошла и вторая неделя и третья. Каждое утро я приходил туда ровно к десяти и ровно в два уходил. Мало-помалу мистер Дункан Росс начал заходить в контору только по утрам, а со временем и вовсе перестал туда наведываться. Тем не менее я, понятно, не осмеливался выйти из комнаты даже на минуту, так как не мог быть уверен, что он не придет, и не хотел рисковать такой выгодной службой.

Прошло восемь недель; я переписал статьи об Аббатах, об Артиллерии, об Архитектуре, об Аттике и надеялся в скором времени перейти к букве «Б». У меня ушло очень много бумаги, и на-

писанное мною уже едва помещалось на полке. Но вдруг все разом кончилось.

— Кончилось?

— Да, сэр. Сегодня утром. Я пошел на работу, как всегда, к десяти часам, но дверь оказалась запертой на замок, а к двери был прибит гвоздиком клочок картона. Вот он, читайте сами.

Он протянул нам картон величиною с листок блокнота. На картоне было написано:

СОЮЗ РЫЖИХ РАСПУЩЕН 9 ОКТЯБРЯ 1890 ГОДА

Мы с Шерлоком Холмсом долго разглядывали и краткую эту записку и унылое лицо Джабеза Уилсона; наконец смешная сторона происшествия заслонила от нас все остальное: не удержавшись, мы захохотали.

The door was shut and locked.

— Не вижу здесь ничего смешного! — крикнул наш клиент, вскочив с кресла и покраснев до корней своих жгучих волос. — Если вы, вместо того чтобы помочь мне, собираетесь смеяться надо мной, я обращусь за помощью к кому-нибудь другому!

— Нет, нет! — воскликнул Холмс, снова усаживая его в кресло. — С вашим делом я не расстанусь ни за что на свете. Оно буквально освежает мне душу своей новизной. Но в нем, простите меня,

все же есть что-то забавное… Что же предприняли вы, найдя эту записку на дверях?

— Я был потрясен, сэр. Я не знал, что делать. Я обошел соседние конторы, но там никто ничего не знал. Наконец, я отправился к хозяину дома, живущему в нижнем этаже, и спросил его, не может ли он сказать мне, что случилось с Союзом рыжих. Он ответил, что никогда не слыхал о такой организации. Тогда я спросил его, кто такой мистер Дункан Росс. Он ответил, что это имя он слышит впервые.

«Я говорю, — сказал я, — о джентльмене, который снимал у вас квартиру номер четыре».

«О рыжем?»

«Да».

«Его зовут Уильям Моррис. Он юрист, снимал у меня помещение временно — его постоянная контора была в ремонте. Вчера выехал».

«Где его можно найти?»

«В его постоянной конторе. Он оставил свой адрес. Вот: Кинг-Эдуард-стрит, 17, близ собора святого Павла».

Я отправился по этому адресу, мистер Холмс, но там оказалась протезная мастерская; в ней никто никогда не слыхал ни о мистере Уильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

— Что же вы предприняли тогда? — спросил Холмс.

— Я вернулся домой на Сэкс-Кобург-сквер и посоветовался со своим помощником. Он ничем не мог мне помочь. Он сказал, что следует подождать и что, вероятно, мне сообщат что-нибудь по почте. Но меня это не устраивает, мистер Холмс. Я не хочу уступать такое отличное место без боя, и, так как я слыхал, что вы даете советы бедным людям, попавшим в трудное положение, я отправился прямо к вам.

— И правильно поступили, — сказал Холмс. — Ваш случай — замечательный случай, и я счастлив, что имею возможность заняться им. Выслушав вас, я прихожу к заключению, что дело это гораздо серьезнее, чем может показаться с первого взгляда.

— Уж чего серьезнее! — сказал мистер Джабез Уилсон. — Я лишился четырех фунтов в неделю.

— Если говорить о вас лично, — сказал Холмс, — вряд ли вы можете жаловаться на этот необычайный Союз. Напротив, вы, насколько я понимаю, стали благодаря ему богаче фунтов на тридцать, не говоря уже о том, что вы приобрели глубокие познания о предметах, начинающихся на букву «А». Так что, в сущности, вы ничего не потеряли.

— Не спорю, все это так, сэр. Но мне хотелось бы разыскать их, узнать, кто они такие и чего ради они сыграли со мной эту шутку, если только это была шутка. Забава обошлась им довольно дорого: они заплатили за нее тридцать два фунта.

— Мы попытаемся все это выяснить. Но сначала разрешите мне задать вам несколько вопросов, мистер Уилсон. Давно ли служит у вас этот помощник… тот, что показал вам объявление?

— К тому времени он служил у меня около месяца.

— Где вы нашли его?

— Он явился ко мне по моему объявлению в газете.

— Только он один откликнулся на ваше объявление?

— Нет, откликнулось человек десять.

— Почему вы выбрали именно его?

— Потому что он разбитной и дешевый.

— Вас прельстила возможность платить ему половинное жалованье?

— Да.

— Каков он из себя, этот Винсент Сполдинг?

— Маленький, коренастый, очень живой. Ни одного волоска на лице, хотя ему уже под тридцать. На лбу у него белое пятнышко от ожога

кислотой.

Холмс выпрямился. Он был очень взволнован.

— Я так и думал! — сказал он. — А вы не замечали у него в ушах дырочек для серег?

— Заметил, сэр. Он объяснил мне, что уши ему проколола какая-то цыганка, когда он был маленький.

— Гм! — произнес Холмс и откинулся на спинку кресла в глубоком раздумье. — Он до сих пор у вас?

— О да, сэр, я только что видел его.

— Он хорошо справлялся с вашими делами, когда вас не было дома?

— Не могу пожаловаться, сэр. Впрочем, по утрам в моей ссудной кассе почти нечего делать.

— Довольно, мистер Уилсон. Через день или два я буду иметь удовольствие сообщить вам, что я думаю об этом происшествии. Сегодня суббота… Надеюсь, в понедельник мы всё уже будем знать.

— Ну, Уотсон, — сказал Холмс, когда наш посетитель ушел, — что вы обо всем этом думаете?

— Ничего не думаю, — ответил я откровенно. — Дело это представляется мне совершенно таинственным.

— Общее правило таково, — сказал Холмс, — чем страннее случай, тем меньше в нем ока-

зывается таинственного. Как раз заурядные, бесцветные преступления разгадать труднее всего, подобно тому как труднее всего разыскать в толпе человека с заурядными чертами лица. Но с этим случаем нужно покончить как можно скорее.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я.

— Курить, — ответил он. — Эта задача как раз на три трубки, и я прошу вас минут десять не разговаривать со мной.

He curled himself up in his chair.

Он скрючился в кресле, подняв худые колени к ястребиному носу, и долго сидел в такой позе, закрыв глаза и выставив вперед черную глиняную трубку, похожую на клюв какой-то странной птицы. Я пришел к заключению, что он заснул, и сам уже начал дремать, как вдруг он вскочил с видом человека, принявшего твердое решение, и положил свою трубку на камин.

— Сарасате[10] играет сегодня в Сент-Джемс-холле, — сказал он. — Что вы думаете об этом, Уотсон? Могут ваши пациенты обойтись без вас в течение нескольких часов?

— Сегодня я свободен. Моя практика отнимает у меня не слишком много времени.

— В таком случае, надевайте шляпу и идем. Раньше всего мне нужно в Сити. Где-нибудь по дороге закусим.

Мы доехали в метро до Олдерсгэйта, оттуда прошли пешком до Сэкс-Кобург-сквер, где совершились все те события, о которых нам рассказывали утром. Сэкс-Кобург-сквер — маленькая

---

[10] Примечания: ~ n_10 ~

Сарасате (1844-1908) — знаменитый испанский скрипач и композитор.

сонная площадь с жалкими претензиями на аристократический стиль. Четыре ряда грязноватых двухэтажных кирпичных домов глядят окнами на крохотный садик, заросший сорной травой, среди которой несколько блеклых лавровых кустов ведут тяжкую борьбу с насыщенным копотью воздухом. Три позолоченных шара и висящая на углу коричневая вывеска с надписью «Джабез Уилсон», выведенной белыми буквами, указывали, что здесь находится предприятие нашего рыжего клиента.

Шерлок Холмс остановился перед дверью, устремил на нее глаза, ярко блестевшие из-под полуприкрытых век. Затем он медленно прошелся по улице, потом возвратился к углу, внимательно вглядываясь в дома. Перед ссудной кассой он раза три с силой стукнул тростью по мостовой, затем подошел к двери и постучал. Дверь тотчас же распахнул расторопный, чисто выбритый молодой человек и попросил нас войти.

The door was instantly opened.

— Благодарю вас, — сказал Холмс. — Я хотел только спросить, как пройти отсюда на Стрэнд.

— Третий поворот направо, четвертый налево, — мгновенно ответил помощник мистера Уилсона и захлопнул дверь.

— Ловкий малый! — заметил Холмс, когда мы снова зашагали по улице. — Я считаю, что по ловкости он занимает четвертое место в Лондоне, а по храбрости, пожалуй, даже третье. Я о нем кое-что знаю.

— Видимо, — сказал я, — помощник мистера

Уилсона играет немалую роль в этом Союзе рыжих. Уверен, вы спросили у него дорогу лишь затем, чтобы взглянуть на него.

— Не на него.

— На что же?

— На его колени.

— И что вы увидели?

— То, что ожидал увидеть.

— А зачем вы стучали по камням мостовой?

— Милейший доктор, сейчас время для наблюдений, а не для разговоров. Мы — разведчики в неприятельском лагере. Нам удалось кое-что узнать о Сэкс-Кобург-сквер. Теперь обследуем улицы, которые примыкают к ней с той стороны.

Разница между Сэкс-Кобург-сквер и тем, что мы увидели, когда свернули за угол, была столь же велика, как разница между картиной и ее оборотной стороной. За углом проходила одна из главных артерий города, соединяющая Сити с севером и западом. Эта большая улица была вся забита экипажами, движущимися двумя потоками вправо и влево, а на тротуарах чернели рои пешеходов. Глядя на ряды прекрасных магазинов и роскошных контор, трудно было представить себе, что позади этих самых домов находится такая убогая, безлюдная площадь.

— Позвольте мне вдоволь насмотреться, — сказал Холмс, остановившись на углу и внимательно разглядывая каждый дом один за другим. — Я хочу запомнить порядок зданий. Изучение Лондона — моя страсть… Сначала табачный магазин Мортимера, затем газетная лавчонка, затем кобургское отделение Городского и Пригородного банка, затем вегетарианский ресторан, затем каретное депо Макферлена. А там уже следующий квартал… Ну, доктор, наша работа окончена! Теперь мы можем немного поразвлечься: бутерброд, чашка кофе и — в страну скрипок, где все сладость, нега и гармония, где нет рыжих клиентов, досаждающих нам головоломками.

All afternoon he sat in the stalls.

Мой друг страстно увлекался музыкой; он был не только очень способный исполнитель, но и незаурядный композитор. Весь вечер просидел он в кресле, вполне счастливый, слегка двигая длинными тонкими пальцами в такт музыке: его мягко улыбающееся лицо, его влажные, затуманенные глаза ничем не напоминали о Холмсе-ищейке, о безжалостном хитроумном Холмсе, преследователе бандитов. Его удивитель-

ный характер слагался из двух начал. Мне часто приходило в голову, что его потрясающая своей точностью проницательность родилась в борьбе с поэтической задумчивостью, составлявшей основную черту этого человека. Он постоянно переходил от полнейшей расслабленности к необычайной энергии. Мне хорошо было известно, с каким бездумным спокойствием отдавался он по вечерам своим импровизациям и нотам. Но внезапно охотничья страсть охватывала его, свойственная ему блистательная сила мышления возрастала до степени интуиции, и люди, незнакомые с его методом, начинали думать, что перед ними не человек, а какое-то сверхъестественное существо. Наблюдая за ним в Сент-Джемс-холле и видя, с какой полнотой душа его отдается музыке, я чувствовал, что тем, за кем он охотится, будет плохо.

— Вы, доктор, собираетесь, конечно, идти домой, — сказал он, когда концерт кончился.

— Домой, понятно.

— А мне предстоит еще одно дело, которое отнимет у меня три-четыре часа. Это происшествие на Кобург-сквер — очень серьезная штука.

— Серьезная?

— Там готовится крупное преступление. У меня

есть все основания думать, что мы еще успеем предотвратить его. Но все усложняется из-за того, что сегодня суббота. Вечером мне может понадобиться ваша помощь.

— В котором часу?

— Часов в десять, не раньше.

— Ровно в десять я буду на Бейкер-стрит.

— Отлично. Имейте в виду, доктор, что дело будет опасное. Суньте в карман свой армейский револьвер.

Он помахал мне рукой, круто повернулся и мгновенно исчез в толпе.

Я не считаю себя глупее других, но всегда, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом, меня угнетает тяжелое сознание собственной тупости. Ведь вот я слышал то же самое, что слышал он, я видел то же самое, что видел он, однако, судя по его словам, он знает и понимает не только то, что случилось, но и то, что случится, мне же все это дело по-прежнему представляется непонятной нелепостью.

По дороге домой я снова припомнил и весь необычайный рассказ рыжего переписчика «Британской энциклопедии», и наше посещение Сэкс-Кобург-сквер, я те зловещие слова, которые Холмс сказал мне при прощании. Что означает

эта ночная экспедиция и для чего нужно, чтобы я пришел вооруженным? Куда мы отправимся с ним и что предстоит нам делать? Холмс намекнул мне, что безбородый помощник владельца ссудной кассы весьма опасный человек, способный на большие преступления.

Я изо всех сил пытался разгадать эти загадки, но ничего у меня не вышло, и я решил ждать ночи, которая должна была разъяснить мне все.

В четверть десятого я вышел из дому и, пройдя по Гайд-парку, по Оксфорд-стрит, очутился на Бейкер-стрит. У подъезда стояли два кэба, и, войдя в прихожую, я услышал шум голосов. Я застал у Холмса двух человек. Холмс оживленно разговаривал с ними. Одного из них я знал — это был Питер Джонс, официальный агент полиции; другой был длинный, тощий, угрюмый мужчина в сверкающем цилиндре, в удручающе безукоризненном фраке.

— А, вот мы и в сборе! — сказал Холмс, застегивая матросскую куртку и беря с полки охотничий хлыст с тяжелой рукоятью. — Уотсон, вы, кажется, знакомы с мистером Джонсом из Скотленд-Ярда? Позвольте вас представить мистеру Мерриуэзеру. Мистер Мерриуэзер тоже примет участие в нашем ночном приключении.

— Как видите, доктор, мы с мистером Холмсом снова охотимся вместе, — сказал Джонс с обычным своим важным и снисходительным видом. — Наш друг — бесценный человек. Но в самом начале охоты ему нужна для преследования зверя помощь старого гончего пса.

— Боюсь, что мы подстрелим не зверя, а утку, — угрюмо сказал мистер Мерриуээер.

— Можете вполне положиться на мистера Холмса, сэр, — покровительственно проговорил агент полиции. — У него свои собственные любимые методы, которые, позволю себе заметить, несколько отвлеченны и фантастичны, но тем не менее дают отличные результаты. Нужно признать, что бывали случаи, когда он оказывался прав, а официальная полиция ошибалась.

— Раз уж вы так говорите, мистер Джонс, значит, все в порядке, — снисходительно сказал незнакомец. — И все же, признаться, мне жаль, что сегодня не придется сыграть мою обычную партию в роббер. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, который я проведу без карт.

— В сегодняшней игре ставка покрупнее, чем в ваших карточных играх, — сказал Шерлок Холмс, — и самая игра увлекательнее. Ваша ставка, мистер Мерриуэзер, равна тридцати тысячам

фунтов стерлингов. А ваша ставка, Джонс, — человек, которого вы давно хотите поймать.

— Джон Клей — убийца, вор, взломщик и мошенник, — сказал Джонс. — Он еще молод, мистер Мерриуэзер, но это искуснейший вор в стране: ни на кого другого я не надел бы наручников с такой охотой, как на него. Он замечательный человек, этот Джон Клей. Его дед был герцог, сам он учился в Итоне и в Оксфорде.[11] Мозг его так же изощрен, как его пальцы, и хотя мы на каждом шагу натыкаемся на его следы, он до сих пор остается неуловимым. На этой неделе он обворует кого-нибудь в Шотландии, а на следующей он уже собирает деньги на постройку детского приюта в Коррнуэлле. Я гоняюсь за ним уже несколько лет, а еще ни разу не видел его.

— Сегодня ночью я буду иметь удовольствие представить его вам. Мне тоже приходилось раза два натыкаться на подвиги мистера Джона Клея, и я вполне согласен с вами, что он искуснейший вор в стране… Уже одиннадцатый час, и нам пора двигаться в путь. Вы двое поезжайте в первом кэбе, а мы с Уотсоном поедем во втором.

Шерлок Холмс во время нашей долгой поездки

---

[11] Примечания: ~ n_11 ~

В Итоне и Оксфорде находятся аристократические учебные заведения.

был не слишком общителен: он сидел откинувшись и насвистывал мелодии, которые слышал сегодня на концерте. Мы колесили по бесконечной путанице освещенных газом улиц, пока наконец не добрались до Фаррингдон-стрит.

— Теперь мы совсем близко, — сказал мой приятель. — Мерриуэзер — директор банка и лично заинтересован во всем деле. Джонс тоже нам пригодится. Он славный малый, хотя ничего не смыслит в своей профессии. Впрочем, у него есть одно несомненное достоинство: он отважен, как бульдог, и цепок, как рак. Если уж схватит кого-нибудь своей клешней, так не выпустит… Мы приехали. Вот и они.

Мы снова остановились на той же людной и оживленной улице, где были утром. Расплатившись с извозчиками и следуя за мистером Мерриуэзером, мы вошли в какой-то узкий коридор и юркнули в боковую дверцу, которую он отпер для нас. За дверцей оказался другой коридор, очень короткий. В конце коридора были массивные железные двери. Открыв эти двери, мы. спустились по каменным ступеням винтовой лестницы и подошли к еще одним дверям, столь же внушительным. Мистер Мерриуэзер остановился, чтобы зажечь фонарь, и повел нас

по темному, пахнущему землей коридору. Миновав еще одну дверь, мы очутились в обширном склепе или погребе, заставленном корзинами и тяжелыми ящиками.

Mr. Merryweather stopped to light a lantern.

— Сверху проникнуть сюда не так-то легко, — заметит Холмс, подняв фонарь и оглядев потолок.

— Снизу тоже, — сказал мистер Мерриуэзер, стукнув тростью по плитам, которыми был вы-

ложен пол. — Черт побери, звук такой, будто там пустота! — воскликнул он с изумлением.

— Я вынужден просить вас не шуметь, — сердито сказал Холмс. — Из-за вас вся наша экспедиция может закончиться крахом. Будьте любезны, сядьте на один из этих ящиков и не мешайте.

Важный мистер Мерриуэзер с оскорбленным видом сел на корзину, а Холмс опустился на колени и с помощью фонаря и лупы принялся изучать щели между плитами. Через несколько секунд, удовлетворенный результатами своего исследования, он поднялся и спрятал лупу в карман.

— У нас впереди по крайней мере час, — заметил он, — так как они вряд ли примутся за дело прежде, чем почтенный владелец ссудной кассы заснет. А когда он заснет, они не станут терять ни минуты, потому что чем раньше они окончат работу, тем больше времени у них останется для бегства… Мы находимся, доктор, — как вы, без сомнения, уже догадались, — в подвалах отделения одного из богатейших лондонских банков. Мистер Мерриуэзер — председатель правления банка; он объяснит нам, что заставляет наиболее дерзких преступников именно в настоящее время с особым вниманием относиться к этим подвалам.

— Мы храним здесь наше французское золото, — шепотом сказал директор. — Мы уже имели ряд предупреждений, что будет совершена попытка похитить его.

— Ваше французское золото?

— Да. Несколько месяцев назад нам понадобились дополнительные средства, и мы заняли тридцать тысяч наполеондоров у банка Франции. Но нам даже не пришлось распаковывать эти деньги, и они до сих пор лежат в наших подвалах. Корзина, на которой я сижу, содержит две тысячи наполеондоров, уложенных между листами свинцовой бумаги. Редко в одном отделении банка хранят столько золота, сколько хранится у нас в настоящее время. Каким-то образом это стало известно многим, и это заставляет директоров беспокоиться.

— У них есть все основания для беспокойства, — заметил Холмс. — Ну, нам пора приготовиться. Я полагаю, что в течение ближайшего часа все будет кончено. Придется, мистер Мерриуэзер, закрыть этот фонарь чем-нибудь темным…

— И сидеть в темноте?

— Боюсь, что так. Я захватил колоду карт, чтобы вы могли сыграть свою партию в роббер, так как нас здесь четверо. Но я вижу, что приготовления

врага зашли очень далеко и что оставить здесь свет было бы рискованно. Кроме того, нам нужно поменяться местами. Они смелые люди и, хотя мы нападем на них внезапно, могут причинить нам немало вреда, если мы не будем осторожны. Я стану за этой корзиной, а вы спрячьтесь за теми. Когда я направлю на грабителей свет, хватайте их. Если они начнут стрельбу, Уотсон, стреляйте в них без колебания.

Я положил свой заряженный револьвер на крышку деревянного ящика, а сам притаился за ящиком. Холмс накрыл фонарь и оставил нас в полнейшей тьме. Запах нагретого металла напоминал нам, что фонарь не погашен и что свет готов вспыхнуть в любое мгновение. Мои нервы, напряженные от ожидания, были подавлены этой внезапной тьмой, этой холодной сыростью подземелья.

— Для бегства у них есть только один путь — обратно, через дом на Сэкс-Кобург-сквер, — прошептал Холмс. — Надеюсь, вы сделали то, о чем я просил вас, Джонс?

— Инспектор и два офицера ждут их у парадного входа.

— Значит, мы заткнули все дыры. Теперь нам остается только молчать и ждать.

Как медленно тянулось время! В сущности, прошел всего час с четвертью, но мне казалось, что ночь уже кончилась и наверху рассветает. Ноги у меня устали и затекли, так как я боялся шевельнуться; нервы были натянуты. И вдруг внизу я заметил мерцание света.

Сначала это была слабая искра, мелькнувшая в просвете между плитами пола. Вскоре искра эта превратилась в желтую полоску. Потом без всякого шума в полу возникло отверстие, и в самой середине освещенного пространства появилась рука — белая, женственная, — которая как будто пыталась нащупать какой-то предмет. В течение минуты эта рука с движущимися пальцами торчала из пола. Затем она исчезла так же внезапно, как возникла, и все опять погрузилось во тьму; лишь через узенькую щель между двумя плитами пробивался слабый свет.

«It's no use, John Clay»

Однако через мгновение одна из широких белых плит перевернулась с резким скрипом, и на ее месте оказалась глубокая квадратная яма, из которой хлынул свет фонаря. Над ямой появилось гладко выбритое мальчишеское лицо; неизвестный зорко глянул во все стороны: две руки уперлись в края отверстия; плечи поднялись из ямы, потом поднялось все туловище; колено уперлось в пол. Через секунду незнакомец уже во весь рост стоял на полу возле ямы и помогал влезть своему товарищу, такому же маленькому

и гибкому, с бледным лицом и с вихрами ярко-рыжих волос.

— Все в порядке, — прошептал он. — Стамеска и мешки у тебя?.. Черт! Прыгай, Арчи, прыгай, а я уж за себя постою.

Шерлок Холмс схватил его за шиворот. Второй вор юркнул в нору; Джонс пытался его задержать, но, видимо, безуспешно: я услышал треск рвущейся материи. Свет блеснул на стволе револьвера, но Холмс охотничьим хлыстом стегнул своего пленника по руке, и револьвер со звоном упал на каменный пол.

— Бесполезно, Джон Клей, — сказал Холмс мягко. — Вы попались.

— Вижу, — ответил тот совершенно спокойно. — Но товарищу моему удалось ускользнуть, и вы поймали только фалду его пиджака.

— Три человека поджидают его за дверями, — сказал Холмс.

— Ах вот как! Чисто сработано! Поздравляю вас.

— А я — вас. Ваша выдумка насчет рыжих вполне оригинальна и удачна.

— Сейчас вы увидите своего приятеля, — сказал Джонс. — Он шибче умеет нырять в норы, чем я. А теперь я надену на вас наручники.

— Уберите свои грязные руки, пожалуйста! Не трогайте меня! — сказал ему наш пленник после того, как наручники были надеты. — Может быть, вам неизвестно, что во мне течет королевская кровь. Будьте же любезны, обращаясь ко мне, называть меня «сэр» и говорить мне «пожалуйста».

— Отлично, — сказал Джонс, усмехаясь. — Пожалуйста, сэр, поднимитесь наверх и соблаговолите сесть в кэб, который отвезет вашу светлость в полицию.

— Вот так-то лучше, — спокойно сказал Джон Клей.

Величаво кивнув нам головой, он безмятежно удалился под охраной сыщика.

— Мистер Холмс, — сказал Мерриуэзер, выводи нас из кладовой, — я, право, не знаю, как наш банк может отблагодарить вас за эту услугу. Вам удалось предотвратить крупнейшую кражу.

— У меня были свои собственные счеты с мистером Джоном Клеем, — сказал Холмс. — Расходы я на сегодняшнем деле понес небольшие, и ваш банк безусловно возместит их мне, хотя, в сущности, я уже вознагражден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и услышал замечательную повесть о Союзе рыжих…

— Видите ли, Уотсон, — объяснил мне рано

утром Шерлок Холмс, когда мы сидели с ним на Бейкер-стрит за стаканом виски с содовой, — мне с самого начала было ясно, что единственной целью этого фантастического объявления о Союзе рыжих и переписывания «Британской энциклопедии» может быть только удаление из дома не слишком умного владельца ссудной кассы на несколько часов ежедневно. Способ, который они выбрали, конечно, курьезен, однако благодаря этому способу они вполне добились своего. Весь этот план, без сомнения, был подсказан вдохновенному уму Клея цветом волос его сообщника. Четыре фунта в неделю служили для Уилсона приманкой, а что значит четыре фунта для них, если они рассчитывали получить тысячи! Они поместили в газете объявление; один мошенник снял временно контору, другой мошенник уговорил своего хозяина сходить туда, и оба вместе получили возможность каждое утро пользоваться его отсутствием. Чуть только я услышал, что помощник довольствуется половинным жалованьем, я понял, что для этого у него есть основательные причины.

— Но как вы отгадали их замысел?

— Предприятие нашего рыжего клиента — ничтожное, во всей его квартире нет ничего такого,

ради чего стоило бы затевать столь сложную игру. Следовательно, они имели в виду нечто находящееся вне его квартиры. Что это может быть? Я вспомнил о страсти помощника к фотографии, о том, что он пользуется этой страстью, чтобы лазить зачем-то в погреб. Погреб! Вот другой конец запутанной нити. Я подробно расспросил Уилсона об этом таинственном помощнике и понял, что имею дело с одним из самых хладнокровных и дерзких преступников Лондона. Он что-то делает в погребе, что-то сложное, так как ему приходится работать там по нескольку часов каждый день в течение двух месяцев. Что же он может там делать? Только одно: рыть подкоп, ведущий в какое-нибудь другое здание. Пойдя к такому выводу, я захватил вас и отправился познакомиться с тем местом, где все это происходит. Вы были очень удивлены, когда я стукнул тростью по мостовой. А между тем я хотел узнать, куда прокладывается подкоп — перед фасадом или на задворках. Оказалось, что перед фасадом его не было. Я позвонил. Как я и ожидал, мне открыл помощник. У нас уже бывали с ним кое-какие стычки, но мы никогда не видали друг друга в лицо. Да и на этот раз я в лицо ему не посмотрел. Я хотел видеть его колени. Вы могли бы и сами

заметить, как они у него были грязны, помяты, протерты. Они свидетельствовали о многих часах, проведенных за рытьем подкопа. Оставалось только выяснить, куда он вел свой подкоп. Я свернул за угол, увидел вывеску Городского и Пригородного банка и понял, что задача решена. Когда после концерта вы отправились домой, я поехал в Скотленд-Ярд, а оттуда к председателю правления банка.

— А как вы узнали, что они попытаются совершить ограбление именно этой ночью? — спросил я.

— Закрыв контору Союза рыжих, они тем самым давали понять, что больше не нуждаются в отсутствии мистера Джабеза Уилсона, — другими словами, их подкоп готов. Было ясно, что они постараются воспользоваться им поскорее, так как, во-первых, подкоп может быть обнаружен, а во-вторых, золото может быть перевезено в другое место. Суббота им особенно удобна, потому что она предоставляет им для бегства лишние сутки. На основании всех этих соображений я пришел к выводу, что попытка ограбления будет совершена ближайшей ночью.

— Ваши рассуждения прекрасны! — воскликнул я в непритворном восторге. — Вы создали

такую длинную цепь, и каждое звено в ней безупречно.

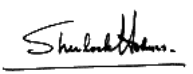
Этот случай спас меня от угнетающей скуки, — проговорил Шерлок Холмс, зевая. — Увы, я чувствую, что скука снова начинает одолевать меня! Вся моя жизнь — сплошное усилие избегнуть тоскливого однообразия наших жизненных будней. Маленькие загадки, которые я порой разгадываю, помогают мне достигнуть этой цели.

— Вы истинный благодетель человечества, — сказал я.

Холмс пожал плечами:

— Пожалуй, я действительно приношу кое-какую пользу.

«L'homme c'est rien — l'oeuvre c'est tout",[12] как выразился Гюстав Флобер в письме к Жорж Санд.



[12] Примечания: ~ n_12 ~

«Человек — ничто, дело — все» (фр.)

Установление личности

A Case of Identity
First published in the Strand Magazine,
Sept. 1891,
with 7 illustrations by Sidney Paget.

— Мой дорогой друг, жизнь несравненно причудливее, чем все, что способно создать воображение человеческое, — сказал Шерлок Холмс, когда мы с ним сидели у камина в его квартире на Бейкер-стрит. — Нам и в голову не пришли бы многие вещи, которые в действительности представляют собою нечто совершенно банальное. Если бы мы с вами могли, взявшись за руки, вылететь из окна и, витая над этим огромным городом, приподнять крыши и заглянуть внутрь домов, то по сравнению с открывшимися нам необычайными совпадениями, замыслами, недоразумениями, непостижимыми событиями, которые, прокладывая себе путь сквозь многие поколения, приводят к совершенно невероятным результатам, вся изящная словесность с ее условностями и заранее предрешенными развязками показалась бы нам плоской и тривиальной.

— И все же вы меня не убедили, — отвечал я. — Дела, о которых мы читаем в газетах, как правило, представлены в достаточно откровенном и грубом виде. Натурализм в полицейских отчетах доведен до крайних пределов, но это отнюдь не значит, что они хоть сколько-нибудь привлекательны или художественны.

— Для того, чтобы добиться подлинно реалистического эффекта, необходим тщательный отбор, известная сдержанность, — заметил Холмс. — А этого как раз и не хватает в полицейских отчетах, где гораздо больше места отводится пошлым сентенциям мирового судьи, нежели подробностям, в которых для внимательного наблюдателя и содержится существо дела. Поверьте, нет ничего более неестественного, чем банальность.

Я улыбнулся и покачал головой.

— Понятно, почему вы так думаете. Разумеется, находясь в положении неофициального консультанта и помощника вконец запутавшихся в своих делах обитателей трех континентов, вы постоянно имеете дело со всевозможными странными и фантастическими явлениями. Но давайте устроим практическое испытание, посмотрим, например, что написано здесь, — сказал я, поднимая с полу утреннюю газету. — Возьмем первый

попавшийся заголовок: «Жестокое обращение мужа с женой». Далее следует полстолбца текста, но я, и не читая, уверен, что все это хорошо знакомо. Здесь, без сомнения, фигурирует другая женщина, пьянство, колотушки, синяки, полная сочувствия сестра или квартирная хозяйка. Даже бульварный писака не смог бы придумать ничего грубее.

— Боюсь, что ваш пример неудачен, как и вся ваша аргументация, — сказал Холмс, заглядывая в газету. — Это — дело о разводе Дандеса, и случилось так, что я занимался выяснением некоторых мелких обстоятельств, связанных с ним. Муж был трезвенником, никакой другой женщины не было, а жалоба заключалась в том, что он взял привычку после еды вынимать искусственную челюсть и швырять ею в жену, что, согласитесь, едва ли придет в голову среднему новеллисту. Возьмите понюшку табаку, доктор, и признайтесь, что я положил вас на обе лопатки с вашим примером.

Он протянул мне старинную золотую табакерку с большим аметистом на крышке. Великолепие этой вещицы настолько не вязалось с простыми и скромными привычками моего друга, что я не мог удержаться от замечания по этому поводу.

— Да, я совсем забыл, что мы с вами уже несколько недель не виделись, — сказал он. — Это небольшой сувенир от короля Богемии в благодарность за мою помощь в деле с письмами Ирен Адлер.

— А кольцо? — спросил я, взглянув на великолепный бриллиант, блестевший у него на пальце.

— Подарок голландской королевской фамилии; но это дело настолько деликатное, что я не имею права довериться даже вам, хотя вы любезно взяли на себя труд описать некоторые из моих скромных достижений.

— А сейчас у вас есть на руках какие-нибудь дела? — с интересом спросил я.

— Штук десять — двенадцать, но ни одного интересного. То есть все они по-своему важные, но для меня интереса не представляют. Видите ли, я обнаружил, что именно незначительные дела дают простор для наблюдений, для тонкого анализа причин и следствий, которые единственно и составляют всю прелесть расследования. Крупные преступления, как правило, очень просты, ибо мотивы серьезных преступлений большею частью очевидны. А среди этих дел ничего интересного нет, если не считать одной весьма

запутанной истории, происшедшей в Марселе. Не исключено, однако, что не пройдет и нескольких минут, как у меня будет дело позанятнее, ибо, мне кажется, я вижу одну из моих клиенток.

Говоря это, он встал с кресла и, подойдя к окну, смотрел на тихую, серую лондонскую улицу. Взглянув через его плечо, я увидел на противоположной стороне крупную женщину в тяжелом меховом боа, с большим мохнатым красным пером на кокетливо сдвинутой набок широкополой шляпе. Из-под этих пышных доспехов она нерешительно поглядывала на наши окна, то и дело порываясь вперед и нервно теребя застежку перчатки.

Внезапно, как пловец, бросающийся в воду, она кинулась через улицу, и мы услышали резкий звонок.

— Знакомые симптомы, — сказал Холмс, швыряя в камин окурок. — Нерешительность у дверей всегда свидетельствует о сердечных делах. Она хочет попросить совета, но боится: дело, очевидно, слишком щекотливое. Но и здесь бывают разные оттенки. Если женщину глубоко оскорбили, она уже не колеблется и, как правило, обрывает звонок. В данном случае тоже можно предположить любовную историю, однако эта

девица не столько рассержена, сколько встревожена или огорчена. А вот и она. Сейчас все наши сомнения будут разрешены.

В эту минуту в дверь постучали, и мальчик в форменной куртке с пуговицами доложил о прибытии мисс Мэри Сазерлэнд, между тем как сама эта дама возвышалась позади его маленькой черней фигурки, словно торговый корабль в полной оснастке, идущий вслед за крохотным лоцманским ботом. Шерлок Холмс приветствовал гостью с присущей ему непринужденной учтивостью, затем закрыл дверь и, усадив ее в кресло, оглядел пристальным и вместе с тем характерным для него рассеянным взглядом.

Herlock Holmes welcomed her.

— Вы не находите, — сказал он, — что при вашей близорукости утомительно так много писать на машинке?

— Вначале я уставала, но теперь печатаю слепым методом, — ответила она. Затем, вдруг вникнув в смысл его слов, она вздрогнула и со страхом взглянула на Холмса. На ее широком добродушном лице выразилось крайнее изумление.

— Вы меня знаете, мистер Холмс? — воскликнула она. — Иначе откуда вам все это известно?

— Неважно, — засмеялся Холмс. — Все знать

— моя профессия. Быть может, я приучился видеть то, чего другие не замечают. В противном случае, зачем вам было бы приходить ко мне за советом?

— Я пришла потому, что слышала о вас от миссис Этеридж, мужа которой вы так быстро отыскали, когда все, и даже полиция, считали его погибшим. О, мистер Холмс, если бы вы так же помогли и мне! Я не богата, но все же имею ренту в сто фунтов в год и, кроме того, зарабатываю перепиской на машинке, и я готова отдать все, только бы узнать, что сталось с мистером Госмером Эйнджелом.

— Почему вы так торопились бежать ко мне за советом? — спросил Шерлок Холмс, сложив кончики пальцев и глядя в потолок.

На простоватой физиономии мисс Мэри Сазерлэнд снова появился испуг.

— Да, я действительно прямо-таки вылетела из дома, — сказала она. — Меня разозлило равнодушие, с каким мистер Уиндибенк, то есть мой отец, отнесся к этому делу. Он не хотел идти ни в полицию, ни к вам, ничего не желает делать, только знает твердить, что ничего страшного не случилось, вот я и не вытерпела, кое-как оделась и прямо к вам.

— Ваш отец? — спросил Холмс. — Скорее, ваш отчим. Ведь у вас разные фамилии.

— Да, отчим. Я называю его отцом, хотя это смешно — он всего на пять лет и два месяца старше меня.

— А ваша матушка жива?

— О да, мама жива и здорова. Не очень-то я была довольна, когда она вышла замуж, и так скоро после смерти папы, причем он лет на пятнадцать ее моложе. У папы была паяльная мастерская на Тоттенхем-Корт-роуд — прибыльное дельце, и мама продолжала вести его с помощью старшего мастера мистера Харди. Но мистер Уиндибенк заставил ее продать мастерскую: ему, видите ли, не к лицу, — он коммивояжер по продаже вин. Они получили четыре тысячи семьсот фунтов вместе с процентами, хотя отец, будь он в живых, выручил бы гораздо больше.

Я думал, что Шерлоку Холмсу надоест этот бессвязный рассказ, но он, напротив, слушал с величайшим вниманием.

— И ваш личный доход идет с этой суммы? — спросил он.

— О нет, сэр! У меня свое состояние, мне оставил наследство дядя Нэд из Окленда. Капитал в новозеландских бумагах, четыре с половиной

процента годовых. Всего две с половиною тысячи фунтов, но я могу получать только проценты.

— Все это очень интересно, — сказал Холмс. — Получая сто фунтов в год и прирабатывая сверх того, вы, конечно, имеете возможность путешествовать и позволять себе другие развлечения. Я считаю, что на доход в шестьдесят фунтов одинокая дама может жить вполне безбедно.

— Я могла бы обойтись меньшим, мистер Холмс, но вы ведь сами понимаете, что я не хочу быть обузой дома и, пока живу с ними, отдаю деньги в семью. Разумеется, это только временно. Мистер Уиндибенк каждый квартал получает мои проценты и отдает их маме, а я отлично живу перепиской на машинке. Два пенса за страницу, и частенько мне удается писать по пятнадцать — двадцать страниц в день.

— Вы очень ясно обрисовали мне все обстоятельства, — сказал Холмс. — Позвольте представить вам моего друга, доктора Уотсона; при нем вы можете говорить откровенно, как наедине со мною. А теперь, будьте любезны, расскажите подробно о ваших отношениях с мистером Госмером Эйнджелом.

Мисс Сазерлэнд покраснела и стала нервно теребить край своего жакета.

— Я познакомилась с ним на балу газопроводчиков. Папе всегда присылали билеты, а теперь они вспомнили о нас и прислали билеты маме. Мистер Уиндибенк не хотел, чтобы мы шли на бал. Он не хочет, чтобы мы где-нибудь бывали. А когда я завожу речь о каком-нибудь пикнике воскресной школы, он приходит в бешенство. Но на этот раз я решила пойти во что бы то ни стало, потому что какое он имеет право не пускать меня? Незачем водить компанию с подобными людьми, говорит он, а ведь там собираются все папины друзья. И еще он сказал, будто мне не в чем идти, когда у меня есть совсем еще не надеванное красное бархатное платье. Больше возражать ему было нечего, и он уехал во Францию по делам фирмы, а мы с мамой и мистером Харди, нашим бывшим мастером, пошли на бал. Там я и познакомилась с мистером Госмером Эйнджелом.

At the gasfitters' ball.

— Полагаю, что, вернувшись из Франции, мистер Уиндибенк был очень недоволен тем, что вы пошли на бал? — спросил Холмс.

— Нет, он ничуть не рассердился. Он засмеялся, пожал плечами и сказал: что женщине ни запрети, она все равно сделает посвоему.

— Понимаю. Значит, на балу газопроводчиков вы и познакомились с джентльменом по имени Госмер Эйнджел?

— Да, сэр. Я познакомилась с ним в тот вечер, а на следующий день он пришел справиться, благополучно ли мы добрались до дому, и после этого мы, то есть я два раза была с ним на прогулке, а затем вернулся отец, и мистер Госмер Эйнджел уже не мог нас навещать.

— Не мог? Почему?

— Видите ли, отец не любит гостей и вечно твердит, что женщина должна довольствоваться своим семейным кругом. А я на это говорила маме: да, женщина должна иметь свой собственный круг, но у меня-то его пока что нет!

— Ну, а мистер Госмер Эйнджел? Он не делал попыток с вами увидеться?

— Через неделю отец снова собирался во Францию, и Госмер написал мне, что до отъезда отца нам лучше не встречаться. Он предложил мне пока переписываться и писал каждый день. Утром я сама брала письма из ящика, и отец ничего не знал.

— К тому времени вы уже обручились с этим джентльменом?

— Да, мистер Холмс. Мы обручились сразу после первой же прогулки. Госмер… мистер Эйнджел… служит кассиром в конторе на Леднхолл-стрит и…

— В какой конторе?

— В том-то и беда, мистер Холмс, что я не знаю.

— А где он живет?

— Он сказал, что ночует в конторе.

— И вы не знаете его адреса?

— Нет, я знаю только, что контора на Леднхолл-стрит.

— Куда же вы адресовали ваши письма?

— В почтовое отделение Леднхолл-стрит, до востребования.

Он сказал, что на адрес конторы писать не надо, сослуживцы будут смеяться над ним, если узнают, что письма от дамы. Тогда я предложила писать свои письма на машинке, как он и сам делал, а он не захотел. Сказал, что письма, написанные моей собственной рукой, дороги ему, а когда они напечатаны, ему кажется, что между нами что-то чужое. Видите, мистер Холмс, как он меня любил и как был внимателен к мелочам.

— Это кое о чем говорит. Я всегда придерживался мнения, что мелочи существеннее всего, — сказал Холмс. — Может быть, вы припомните еще какие-нибудь мелочи, касающиеся мистера Госмера Эйнджела?

— Он был очень застенчив, мистер Холмс. Он охотнее гулял со мною вечером, чем днем, не лю-

бил привлекать к себе внимание. Он был очень сдержан и учтив. Даже голос у него был тихий-тихий. Он рассказывал, что в детстве часто болел ангиной и воспалением гланд и у него ослабли голосовые связки, потому он и говорил шепотом. Он хорошо одевался, очень аккуратно, хотя и просто, а вот глаза у него были слабые, как у меня, и поэтому он носил темные очки.

— Ну, а что произошло, когда ваш отчим, мистер Уиндибенк, опять уехал во Францию?

— Мистер Госмер Эйнджел пришел к нам и предложил мне обвенчаться, пока не вернулся отец. Он был необычайно взволнован и заставил меня поклясться на Библии, что я всегда и во всем буду ему верна. Мама сказала, что он правильно сделал, — это, мол, служит доказательством его любви. Мама с самого начала очень хорошо к нему относилась, он ей нравился даже больше, чем мне. Потом решили, что лучше отпраздновать свадьбу еще до конца недели. Я им говорю, как же без отца, а они оба стали твердить, чтоб я об этом не думала, что отцу можно сообщить и после, а мама сказала, что берется все уладить сама. Мне это не очень понравилось, мистер Холмс. Конечно, смешно просить согласия отца, когда он всего на несколько лет старше меня; но

я ничего не хотела делать тайком и поэтому написала ему в Бордо — там французское отделение его фирмы, но письмо вернулось обратно в день моей свадьбы.

— Письмо его не застало?

— Да, сэр, он как раз перед тем выехал в Англию.

— Да, неудачно! Значит, свадьба была назначена на пятницу? Она должна была происходить в церкви?

— Да, но очень скромно. Мы должны были обвенчаться в церкви Святого Спасителя возле Кингс-кросс, а затем позавтракать в отеле Сент-Пэнкрес. Госмер приехал за нами в двуколке, но так как нас было трое, он усадил нас с мамой, а сам взял кэб, который как раз оказался на улице. Мы доехали до церкви первыми и стали ждать. Потом подъехал кэб, но он не выходил. Тогда кучер слез с козел и заглянул внутрь, но там никого не оказалось! Кучер не мог понять, куда он делся, — он собственными глазами видел, как тот сел в кэб. Это случилось в пятницу, мистер Холмс, и с тех пор я так и не знаю, что с ним произошло.

There was no one there!

— Мне кажется, он обошелся с вами самым бессовестным образом, — сказал Шерлок Холмс.

— О нет, сэр! Он добрый и хороший, он не мог меня бросить. Он все утро твердил, что я должна быть ему верна, что бы ни случилось. Даже если случится что-нибудь непредвиденное, я должна всегда помнить, что дала ему слово и что рано, или поздно он вернется и я должна буду выполнить обещание. Как-то странно было слышать это перед самой свадьбой, но то, что случилось потом, придает смысл его словам.

— Безусловно. Значит, вы полагаете, что с ним случилось какое-нибудь несчастье?

— Да, сэр, и я думаю, что он предчувствовал ка-

кую-то опасность, иначе он бы не говорил таких странных вещей. И мне кажется, что его опасения оправдались.

— Но вы не знаете, что бы это могло быть?

— Нет.

— Еще один вопрос. Как отнеслась к этому ваша матушка?

— Она очень рассердилась, сказала, чтобы я и не заикалась об этой истории.

— А ваш отец? Вы рассказали ему, что случилось?

— Да. Он считает, что произошло какое-то несчастье, но что Госмер вернется. Какой смысл везти меня в церковь и скрыться, говорит он. Если бы он занял у меня деньги или женился и перевел на свое имя мое состояние, тогда можно было бы объяснить его поведение, но Госмер очень щепетилен насчет денег и ни разу не взял у меня ни шиллинга. Что могло случиться? Почему он не напишет? Я с ума схожу, ночью не могу уснуть. — Она достала из муфты платок и горько заплакала.

— Я займусь вашим делом, — сказал Холмс, вставая, — и не сомневаюсь, что мы чего-нибудь добьемся. Не думайте ни о чем, не волнуйтесь, а главное, постарайтесь забыть о Госмере Эйндже-

ле, как будто его и не было.

— Значит, я никогда больше его не увижу?

— Боюсь, что так.

— Но что с ним случилось?

— Предоставьте это дело мне. Мне хотелось бы иметь точное описание его внешности, а также все его письма.

— В субботу я поместила в газете «Кроникл» объявление о его пропаже, — сказала она. — Вот вырезка и вот четыре его письма.

— Благодарю вас. Ваш адрес?

— Камберуэлл, Лайон-плейс, 31.

— Адреса мистера Эйнджела вы не знаете. Где служит ваш отец?

— Фирма «Вестхауз и Марбэнк» на Фенчерч-стрит — это крупнейшие импортеры кларета.

— Благодарю вас. Вы очень ясно изложили свое дело. Оставьте письма у меня и помните мой совет. Забудьте об этом происшествии раз и навсегда.

— Благодарю вас, мистер Холмс, но это невозможно. Я останусь верна Госмеру. Я буду его ждать.

Несмотря на нелепую шляпу и простоватую физиономию, посетительница невольно внушала уважение своим благородством и верностью. Она

положила на стол бумаги и ушла, обещав прийти в случае надобности.

He laid a little bundle upon the table.

Несколько минут Шерлок Холмс сидел молча, сложив кончики пальцев, вытянув ноги и устремив глаза в потолок. Затем он взял с полки старую глиняную трубку, которая всегда служила ему советчиком, раскурил ее и долго сидел, откинувшись на спинку кресла и утопая в густых

облаках голубого дыма. На лице его изображалось полнейшее равнодушие.

— Занятное существо эта девица, — сказал он наконец. — Гораздо занятнее, чем ее история, кстати, достаточно избитая. Если вы заглянете в мою картотеку, вы найдете немало аналогичных случаев, например, Андоверское дело 1877 года. Нечто подобное произошло и в Гааге в прошлом году. В общем, старая история, хотя в ней имеются некоторые новые детали. Однако сама девица дает богатейший материал для наблюдений.

— Вы, очевидно, усмотрели много такого, что для меня осталось невидимым, — заметил я.

— Не невидимым, а незамеченным, Уотсон. Вы не знали, на что обращать внимание, и упустили все существенное. Я никак не могу внушить вам, какое значение может иметь рукав, ноготь на большом пальце или шнурок от ботинок. Интересно, что вы можете сказать на основании внешности этой девицы? Опишите мне ее.

— Ну, на ней была серо-голубая соломенная шляпа с большими полями и с кирпично-красным пером. Черный жакет с отделкой из черного стекляруса. Платье коричневое, скорее даже темно-кофейного оттенка, с полоской алого бархата у шеи и на рукавах. Серые перчатки, протертые

на указательном пальце правой руки. Ботинок я не разглядел. В ушах золотые сережки в виде маленьких круглых подвесок. В общем, это девица вполне состоятельная, хотя и несколько вульгарная, добродушная и беспечная.

Шерлок Холмс тихонько захлопал в ладоши и усмехнулся.

— Превосходно, Уотсон, вы делаете успехи. Правда, вы упустили все существенные детали, зато хорошо усвоили метод, и у вас тонкое чувство цвета. Никогда не полагайтесь на общее впечатление, друг мой, сосредоточьте внимание на мелочах. Я всегда сначала смотрю на рукава женщины. Когда имеешь дело с мужчиной, пожалуй, лучше начинать с колен брюк. Как вы заметили, у этой девицы рукава были обшиты бархатом, а это материал, который легко протирается и поэтому хорошо сохраняет следы. Двойная линия немного выше запястья, в том месте, где машинистка касается рукою стола, видна великолепно. Ручная швейная машина оставляет такой же след, но только на левой руке, и притом на наружной стороне запястья, а у мисс Сазерлэнд след проходил через все запястье. Затем я посмотрел на ее лицо и, увидев на переносице следы пенсне, сделал замечание насчет близорукости и работы

на пишущей машинке, что ее очень удивило.

— Меня это тоже удивило.

— Но это же совершенно очевидно! Я посмотрел на ее обувь и очень удивился, заметив, что на ней разные ботинки; на одном носок был узорчатый, на другом — совсем гладкий. Далее, один ботинок был застегнут только на две нижние пуговицы из пяти, другой — на первую, третью и пятую пуговицу. Когда молодая девушка, в общем аккуратно одетая, выходит из дому в разных, застегнутых не на все пуговицы ботинках, то не требуется особой проницательности, чтобы сказать, что она очень спешила.

— А что вы еще заметили? — с интересом спросил я, как всегда восхищаясь проницательностью моего друга.

— Я заметил, между прочим, что перед уходом из дому, уже совсем одетая, она что-то писала. Вы обратили внимание, что правая перчатка у нее порвана на указательном пальце, но не разглядели, что и перчатка и палец испачканы фиолетовыми чернилами. Она писала второпях и слишком глубоко обмакнула перо. И это, по всей вероятности, было сегодня утром, иначе пятна не были бы так заметны. Все это очень любопытно, хотя довольно элементарно. Но вернемся к

делу, Уотсон. Не прочтете ли вы мне описание внешности мистера Госмера Эйнджела, данное в объявлении?

Я поднес газетную вырезку к свету и прочитал:

> «Пропал без вести утром 14-го джентльмен по имени Госмер Эйнджел. Рост — пять футов семь дюймов, крепкого сложения, смуглый, черноволосый, небольшая лысина на макушке; густые черные бакенбарды и усы; темные очки, легкий дефект речи. Одет в черный сюртук на шелковой подкладке, черный жилет, в кармане часы с золотой цепочкой, серые твидовые брюки, коричневые гетры поверх штиблет с резинками по бокам. Служил в конторе на Леднхолл-стрит. Всякому, кто сообщит…»

— Этого достаточно. Что касается писем, — сказал Холмс, пробегая их глазами, — они очень банальны и ничего не дают для характеристики мистера Эйнджела, разве только, что он упоминает Бальзака. Однако есть одно обстоятельство, которое вас, конечно, поразит.

— Они напечатаны на машинке, — заметил я.

— Главное, что и подпись тоже напечатана

на машинке. Посмотрите на аккуратненькое «Госмер Эйнджел» внизу. Есть дата, но нет адреса отправителя, кроме Леднхолл-стрит, а это весьма неопределенно. Но важна именно подпись, и ее мы можем считать доказательством.

— Доказательством чего?

— Милый друг, неужели вы не понимаете, какое значение имеет эта подпись?

— По правде говоря, нет. Может быть, он хотел оставить за собой возможность отрицать подлинность подписи в случае предъявления иска за нарушение обещания жениться.

— Нет, суть не в том. Чтобы решить этот вопрос, я напишу два письма: одно — фирме в Сити, другое — отчиму молодой девушки, мистеру Уиндибенку, и попрошу его зайти к нам завтра в шесть часов вечера. Попробуем вести переговоры с мужской частью семейства. Пока мы не получим ответа на эти письма, мы решительно ничего не можем предпринять и потому отложим это дело.

Зная о тонкой проницательности моего друга и о его необычайной энергии, я был уверен, что раз он так спокойно относится к раскрытию этой странной тайны, значит, у него есть на то веские основания. Мне был известен только один случай,

когда он потерпел неудачу, — история с королем Богемии и с фотографией Ирен Адлер. Однако я помнил о таинственном «Знаке четырех» и о необыкновенных обстоятельствах «Этюда в багровых тонах» и давно проникся убеждением, что, уж если он не сможет распутать какую-нибудь загадку, стало быть, она совершенно неразрешима.

Холмс все еще курил свою черную глиняную трубку, когда я ушел, нисколько не сомневаясь, что к моему возвращению на следующий вечер в его руках уже будут все нити дела об исчезновении жениха мисс Мэри Сазерлэнд.

Назавтра я целый день провел у постели тяжело больного пациента. Только около шести часов я наконец освободился, вскочил в двуколку и поехал на Бейкер-стрит, боясь, как бы не опоздать к развязке этой маленькой драмы. Однако Холмса я застал дремлющим в кресле. Огромное количество бутылок, пробирок и едкий запах соляной кислоты свидетельствовали о том, что он посвятил весь день столь любезным его сердцу химическим опытам.

I found Herlock Holmes half asleep.

— Ну что, нашли, в чем дело? — спросил я, входя в комнату.

— Да, это был бисульфат бария.

— Нет, нет, я спрашиваю об этой таинственной истории.

— Ах, вот оно что! Я думал о соли, над которой работал. А в этой истории ничего таинственного нет. Впрочем, я уже вчера говорил, что некоторые детали довольно любопытны. Жаль только, что этого мерзавца нельзя привлечь к суду.

— Но кто же этот субъект, и зачем он покинул

мисс Сазерлэнд?

Холмс раскрыл было рот, чтобы ответить, но в эту минуту в коридоре послышались тяжелые шаги и в дверь постучали.

— Это отчим девицы, мистер Джеймс Уиндибенк, — сказал Холмс. — Он сообщил мне, что будет в шесть часов. Войдите!

Вошел человек лет тридцати, среднего роста, плотный, бритый, смуглый, с вежливыми вкрадчивыми манерами и необычайно острым, проницательным взглядом серых глаз. Он вопросительно посмотрел на Холмса, затем на меня, положил свой цилиндр на буфет и с легким поклоном уселся на ближайший стул.

— Добрый вечер, мистер Джеймс Уиндибенк, — сказал Холмс.

— Полагаю, что это письмо на машинке, в котором вы обещаете прийти ко мне в шесть часов вечера, написано вами?

— Да, сэр. Простите, я немного запоздал, но, видите ли, я не всегда располагаю своим временем. Мне очень жаль, что мисс Сазерлэнд побеспокоила вас этим дельцем: по-моему, лучше не посвящать посторонних в семейные неприятности. Я решительно возражал против ее намерения обратиться к вам, но вы, наверное, заметили,

какая она нервная и импульсивная, и уж если она что-нибудь задумала, переубедить ее нелегко. Разумеется, я ничего не имею против вас лично, поскольку вы не связаны с государственной полицией; но все-таки неприятно, когда семейное горе становится общим достоянием. Кроме того, зачем понапрасну тратить деньги. Вы все равно не разыщете этого Госмера Эйнджела.

— Напротив, — спокойно возразил Холмс, — я имею все основания полагать, что мне удастся найти мистера Госмера Эйнджела.

Мистер Уиндибенк вздрогнул и уронил перчатку.

— Очень рад это слышать, — сказал он.

— Обратили ли вы внимание, что любая пишущая машинка обладает индивидуальными чертами в такой же мере, как почерк человека? — сказал Холмс. — Если исключить совершенно новые машинки, то не найти и двух, которые печатали бы абсолютно одинаково. Одни буквы изнашиваются сильнее других, некоторые буквы изнашиваются только с одной стороны. Заметьте, например, мистер Уиндибенк, что в вашей записке буква «е» расплывчата, а у буквы «r» нет хвостика. Есть еще четырнадцать характерных примет, но эти просто бросаются в глаза.

— В нашей конторе на этой машинке пишутся все письма, и шрифт, без сомнения, немного стерся, — ответил наш посетитель, устремив на Холмса проницательный взгляд.

— А теперь, мистер Уиндибенк, я покажу вам нечто особенно интересное, — продолжал Холмс. — Я собираюсь в ближайшее время написать небольшую работу на тему «Пишущие машинки и преступления». Этот вопрос интересует меня уже давно. Вот четыре письма, написанные пропавшим. Все они отпечатаны на машинке. Посмотрите: в них все «е» расплываются и у всех «r» нет хвостиков, а если воспользоваться моей лупой, можно также обнаружить и остальные четырнадцать признаков, о которых я упоминал.

Мистер Уиндибенк вскочил со стула и взял свою шляпу.

— Я не могу тратить время на нелепую болтовню, мистер Холмс, — сказал он. — Если вы сможете задержать этого человека, схватите его и известите меня.

— Разумеется, — сказал Холмс, подходя к двери и поворачивая ключ в замке. — В таком случае извещаю вас, что я его задержал.

— Как! Где? — вскричал Уиндибенк, смертельно побледнев и озираясь, как крыса, попавшая в

крысоловку.

— Не стоит, право же, не стоит, — учтиво проговорил Холмс. — Вам теперь никак не отвертеться, мистер Уиндибенк. Все это слишком ясно, и вы сделали мне прескверный комплимент, сказав, что я не смогу решить такую простую задачу. Садитесь, и давайте потолкуем.

Glancing about him like a rat in a trap.

Наш посетитель упал на стул. Лицо его исказилось, на лбу выступил пот.

— Это… это — неподсудное дело, — пробормо-

тал он.

— Боюсь, что вы правы, но, между нами говоря, Уиндибенк, с таким жестоким, эгоистичным и бессердечным мошенничеством я еще не сталкивался. Я сейчас попробую рассказать, как развивались события, а если я в чем-нибудь ошибусь, вы меня поправите.

Уиндибенк сидел съежившись, низко опустив голову. Он был совершенно уничтожен. Холмс положил ноги на решетку камина, откинулся назад и, заложив руки в карманы, начал рассказывать скорее себе самому, чем нам:

— Человек женится на женщине много старше его самого, позарившись на ее деньги; он пользуется также доходом своей падчерицы, поскольку она живет с ними. Для людей их круга это весьма солидная сумма, и потерять ее — ощутимый удар. Ради таких денег стоит потрудиться. Падчерица мила, добродушна, но сердце ее жаждет любви, и совершенно очевидно, что при ее приятной наружности и порядочном доходе она недолго останется в девицах. Замужество ее, однако, означает потерю годового дохода в сто фунтов. Что же делает отчим, дабы это предотвратить? Он требует, чтобы она сидела дома, запрещает ей встречаться с людьми ее возраста. Скоро он

убеждается, что этих мер недостаточно. Девица начинает упрямиться, настаивать на своих правах и, наконец, заявляет, что хочет посетить некий бал. Что же делает тогда ее изобретательный отчим? Он замышляет план, который делает больше чести его уму, нежели сердцу. С ведома своей жены и при ее содействии он изменяет свою внешность, скрывает за темными очками свои проницательные глаза, наклеивает усы и пышные бакенбарды, приглушает свой звонкий голос до вкрадчивого шепота и, пользуясь близорукостью девицы, появляется в качестве мистера Госмера Эйнджела и отстраняет других поклонников своим настойчивым ухаживанием.

— Это была шутка, — простонал наш посетитель. — Мы не думали, что она так увлечется.

— Возможно. Однако, как бы там ни было, молодая девушка искренне увлеклась. Она знала, что отчим во Франции, и потому не могла ничего заподозрить. Она была польщена вниманием этого джентльмена, а шумное одобрение со стороны матери еще более усилило ее чувство. Отлично понимая, что реального результата можно добиться только решительными действиями, мистер Эйнджел зачастил в дом. Начались свидания, последовало обручение, которое должно

было помешать молодой девушке отдать свое сердце другому. Но все время обманывать невозможно. Мнимые поездки во Францию довольно обременительны. Оставался один выход: довести дело до такой драматической развязки чтобы в душе молодой девушки остался неизгладимый след и она на какое-то время сделалась равнодушной к ухаживаниям других поклонников. Отсюда клятва верности на Библии, намеки на возможность неожиданных происшествий в день свадьбы. Джеймс Уиндибенк хотел, чтобы мисс Сазерлэнд была крепко связана с Госмером Эйнджелом и пребывала в полном неведении относительно его судьбы. Тогда, по его расчету, она по меньшей мере лет десять сторонилась бы мужчин. Он довез ее до дверей церкви, но дальше идти не мог и потому прибегнул к старой уловке: вошел в карету через одни дверцы, а вышел через другие. Я думаю, что события развертывались именно так, мистер Уиндибенк?

Наш посетитель успел тем временем кое-как овладеть собой; он встал со стула. Холодная усмешка блуждала на его бледном лице.

— Может быть, так, а может быть, и нет, мистер Холмс, — сказал он. — Но если вы так умны, вам следовало бы знать, что в настоящий момент

закон нарушаете именно вы. Я ничего противозаконного не сделал, вы же, заперев меня в этой комнате, совершаете насилие над личностью, а это преследуется законом.

— Да, закон, как вы говорите, в вашем случае бессилен, — сказал Холмс, отпирая и распахивая настежь дверь, — однако вы заслуживаете самого тяжкого наказания. Будь у этой молодой девушки брат или друг, ему следовало бы хорошенько отстегать вас хлыстом. — Увидев наглую усмешку Уиндибенка, он вспыхнул.

— Это не входит в мои обязанности, но, клянусь Богом, я доставлю себе удовольствие. — Он шагнул, чтобы снять со стены охотничий хлыст, но не успел протянуть руку, как на лестнице послышался дикий топот, тяжелая входная дверь с шумом захлопнулась, и мы увидели в окно, как мистер Уиндибенк со всех ног мчится по улице.

He took two swift steps to the whip.

— Беспардонный мерзавец! — рассмеялся Холмс, откидываясь на спинку кресла. — Этот молодчик будет катиться от преступления к преступлению, пока не кончит на виселице. Да, дельце в некоторых отношениях была не лишено интереса.

— Я не вполне уловил ход ваших рассуждений, — заметил я.

— Разумеется, с самого начала было ясно, что этот мистер Госмер Эйнджел имел какую-то причину для своего странного поведения; так же очевидно, что единственно, кому это происше-

ствие могло быть на руку, — отчим. Тот факт, что жених и отчим никогда не встречались, а, напротив, один всегда появлялся в отсутствие другого, также что-нибудь да значил. Темные очки, странный голос и пышные бакенбарды подсказывали мысль о переодевании. Мои подозрения подтвердились тем, что подпись на письмах была напечатана на машинке. Очевидно, мисс Сазерлэнд хорошо знала почерк Уиндибенка. Как видите, все эти отдельные факты, а также и многие другие, менее значительные детали били в одну точку.

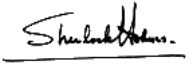
— А как вы их проверили?

— Напав на след, было уже нетрудно найти доказательства. Я знаю фирму, в которой служит этот человек. Я взял описание внешности пропавшего, данное в объявлении, и, устранив из него все, что могло быть отнесено за счет переодевания, — бакенбарды, очки, голос, — послал приметы фирме с просьбой сообщить, кто из их коммивояжеров похож на этот портрет. Еще раньше я заметил особенности пишущей машинки и написал Уиндибенку по служебному адресу, приглашая его зайти сюда. Как я и ожидал, ответ его был отпечатан на машинке, шрифт которой обнаруживал те же мелкие, но характерные

дефекты. Той же почтой я получил письмо от фирмы «Вестхауз и Марбэнк» на Фенчерч-стрит. Мне сообщили, что по всем приметам это должен быть их служащий Джеймс Уиндибенк. Вот и все!

— А как же быть с мисс Сазерлэнд?

— Если я раскрою ей секрет, она не поверит. Вспомните старую персидскую поговорку: «Опасно отнимать у тигрицы тигренка, а у женщины ее заблуждение».[13] У Хафиза столько же мудрости, как у Горация, и столько же знания жизни.



[13] Примечания: ~ n_13 ~

Цитата принадлежит, видимо, самому Конан Дойлю.

Тайна Боскомской долины

The Boscombe Valley Mystery
First published in the Strand Magazine, Oct. 1891,
with 10 illustrations by Sidney Paget.

Однажды утром, когда мы с женой завтракали, горничная подала мне телеграмму от Шерлока Холмса:

> «Не можете ли вы освободиться на два дня? Вызван на запад Англии связи трагедией Боскомской долине. Буду рад если присоединитесь ко мне. Воздух пейзаж великолепны. Выезжайте из Паддингтона в 11:15».

— Ты поедешь? — ласково взглянув на меня, спросила жена.

— Право, и сам не знаю. Сейчас у меня очень много пациентов…

— О, Анструзер всех их примет! Последнее время у тебя утомленный вид. Поездка пойдет тебе на пользу. И ты всегда так интересуешься каждым делом, за которое берется мистер Шерлок Холмс.

Мой опыт лагерной жизни в Афганистане имел по крайней мере то преимущество, что я стал закаленным и легким на подъем путешественником. Вещей у меня было немного, так что я сел со своим саквояжем в кэб гораздо раньше, чем рассчитывал, и помчался на Паддингтонский вокзал.

Шерлок Холмс ходил вдоль платформы; его серый дорожный костюм и суконное кепи делали его худую, высокую фигуру еще более худой и высокой.

— Вот чудесно, что вы пришли, Уотсон, — сказал он. — Совсем другое дело, когда рядом со мной человек, на которого можно вполне положиться. Местная полиция или совсем бездействует, или идет по ложному следу. Займите два угловых места, а я пойду за билетами.

Мы сели в купе. Холмс принялся читать газеты, которые он принес с собой; иногда он отрывался, чтобы записать что-то и обдумать.

We had carriage to ourselves.

Так мы доехали до Рэдинга. Неожиданно он смял все газеты в огромный ком и забросил его в багажную сетку.

— Вы слышали что-нибудь об этом деле? — спросил он.

— Ни слова. Я несколько дней не заглядывал в газеты.

— Лондонская печать не помещала особенно подробных отчетов. Я только что просмотрел все последние газеты, чтобы вникнуть в подробности. Это, кажется, один из тех несложных случаев,

которые всегда так трудны.

— Ваши слова звучат несколько парадоксально.

— Но это сама правда. В необычности почти всегда ключ к разгадке тайны. Чем проще преступление, тем труднее докопаться до истины… Как бы то ни было, в данном случае выдвинуто очень серьезное обвинение против сына убитого.

— Значит, это убийство?

— Ну, так предполагают. Я ничего не берусь утверждать, пока сам не ознакомлюсь с делом. В нескольких словах я объясню вам положение вещей, каким оно мне представляется…

Боскомская долина — это сельская местность вблизи Росса, в Хирфордшире. Самый крупный землевладелец в тех краях — мистер Джон Тэнер. Он составил себе капитал в Австралии и несколько лет назад вернулся на родину. Одну из своих ферм, Хазерлей, он сдал в аренду мистеру Чарлзу Маккарти, тоже приехавшему их Австралии. Они познакомились в колониях, и ничего странного не было в том, что, переехав на новое место, они поселились как можно ближе друг к другу. Тэнер, правда, был богаче, и Маккарти сделался его арендатором, но они, по-видимому, остава-

лись в приятельских отношениях. У Маккарти один сын, юноша восемнадцати лет, а у Тэнера — единственная дочь такого же возраста, жены у обоих стариков умерли. Они, казалось, избегали знакомства с английскими семействами и вели уединенный образ жизни, хотя оба Маккарти любили спорт и часто посещали скачки по соседству. Маккарти держали лакея и горничную. У Тэнера было большое хозяйство, по крайней мере с полдюжины слуг. Вот и все, что мне удалось разузнать об этих семействах. Теперь о самом происшествии.

Третьего июня, то есть в прошлый понедельник, Маккарти вышел из своего дома в Хазерлей часа в три дня и направился к Боскомскому омуту. Это небольшое озеро, образованное разлившимся ручьем, который протекает по Боскомской долине. Утром он ездил в Росс и сказал своему слуге, что очень торопится, так как в три часа у него важное свидание. С этого свидания он не вернулся.

От фермы Хазерлей до Боскомского омута четверть мили, и, когда он шел туда, его видели два человека. Во-первых, старуха, имя которой не упомянуто в газетах, и, во-вторых, Уильям Краудер, лесник мистера Тэнера. Оба эти свиде-

теля показали, что мистер Маккарти шел один. Лесник добавил, что вскоре после встречи с мистером Маккарти он увидел его сына, — Джеймса Маккарти. Молодой человек шел с ружьем. Лесник утверждал, что он следовал за отцом по той же дороге. Лесник совсем было позабыл об этой встрече, но вечером он услышал о происшедшей трагедии и все вспомнил.

Обоих Маккарти заметили еще раз после того, как Уильям Краудер, лесник, потерял их из виду. Боскомский омут окружен густым лесом, все берега его заросли камышом. Дочь привратника Боскомского имения, Пэшенс Моран, девочка лет четырнадцати, собирала в соседнем лесу цветы. Она заявила, что видела, у самого озера мистера Маккарти и его сына. Было похоже, что, они сильно ссорятся. Она слышала, как старший Маккарти грубо кричал на сына, и видела, как последний замахнулся на своего отца, будто хотел ударить его. Она была так напугана этой ужасной сценой, что стремглав бросилась домой и рассказала матери, что в лесу у омута отец и сын Маккарти затеяли ссору и что она боится, как бы дело не дошло до драки. Едва она сказала это, как молодой Маккарти вбежал в сторожку и сообщил, что он нашел в лесу своего отца мертвым, и

позвал привратника на помощь. Он был сильно возбужден, без ружья, без шляпы; на правой руке его и на рукаве были видны свежие пятна крови. Следуя за ним, привратник подошел к мертвецу, распростертому на траве у самой воды. Череп покойного был размозжен ударами какого-то тяжелого, тупого оружия. Такие раны можно было нанести прикладом ружья, принадлежавшего сыну, которое валялось в траве в нескольких шагах от убитого. Под тяжестью этих улик молодой человек был сразу же арестован. Во вторник следствие вынесло предварительный приговор: «преднамеренное убийство»; в среду Джеймс Маккарти предстал перед мировым судьей Росса, который направил дело на рассмотрение суда присяжных. Таковы основные факты, известные следователю и полиции.

They found the body.

— Невозможно себе представить более гнусного дела, — заметил я. — Если когда-нибудь косвенные доказательства изобличали преступника, так это именно в данном случае.

— Косвенные доказательства очень обманчивы, — задумчиво проговорил Холмс — Они могут совершенно ясно указывать в одном направлении, но если вы способны разобраться в этих доказательствах, то можете обнаружить,

что на самом деле они очень часто ведут нас не к истине, а в противоположную сторону. Правда, сейчас дело окончательно обернулось против молодого человека; не исключена возможность, что он и есть преступник. Нашлись, однако, люди по соседству, и среди них мисс Тэнер, дочь землевладельца, которые верят в его невиновность. Мисс Тэнер пригласила Лестрейда — может быть, вы его помните? — для защиты подсудимого. Лестрейд, считающий защиту очень трудной, передал ее мне, и вот два джентльмена средних лет мчатся на запад со скоростью пятьдесят миль в час, вместо того чтобы спокойно завтракать у себя дома.

— Боюсь, — сказал я, — факты слишком убедительны, и у вас будут очень ограниченные возможности выиграть этот процесс.

— Ничто так не обманчиво, как слишком очевидные факты, — ответил Холмс, смеясь. — Кроме того, мы можем случайно наткнуться на какие-нибудь столь же очевидные факты, которые не оказались очевидными для мистера Лестрейда. Вы слишком хорошо меня знаете и не подумаете, что это хвастовство. Я или пользуюсь уликами, собранными Лестрейдом, или начисто их отвергаю, потому что сам он совершенно не в состоянии

ни воспользоваться ими, ни даже разобраться в них. Взять хотя бы первый пришедший в голову пример: мне совершенно ясно, что в вашей спальне окно с правой стороны, но я далеко не уверен, заметит ли мистер Лестрейд даже такой очевидный факт.

— Но как, в самом деле…

— Милый мой друг, я давно с вами знаком. Мне известна военная аккуратность, отличающая вас. Вы бреетесь каждое утро и в это время года — при солнечном свете; но левая часть лица выбрита у вас несравненно хуже правой, чем левее — тем хуже, доходя, наконец, до полного неряшества. Совершенно очевидно, что эта часть лица у вас хуже освещена, чем другая. Я не могу себе представить, чтобы человек с вашими привычками смирился с плохо выбритой щекой, глядя в зеркало при нормальном освещении. Я привожу это только как простой пример наблюдательности и умения делать выводы. В этом и заключается мое ремесло, и вполне возможно, что оно пригодится нам в предстоящем расследовании. Имеется одна или две незначительные детали, которые стали известны во время допроса. Они заслуживают внимания.

— Что же это?

— Оказывается, молодого Маккарти арестовали не сразу, а несколько позже, когда он уже вернулся на ферму Хазерлей. Полицейский инспектор заявил ему, что он арестован, а он ответил, что это его ничуть не удивляет, так как он все-таки заслуживает наказания.

Его фраза произвела должный эффект — исчезли последние сомнения, которые, может быть, еще имелись у следователя.

— Это было признание! — воскликнул я.

— Нет, затем он заявил о полной своей невиновности.

— После дьявольски веских улик это звучит подозрительно.

— Наоборот, — сказал Холмс, — это единственный проблеск, который я сейчас вижу среди туч. Ведь он не может не знать, какие тяжелые подозрения падают на него. Если бы он притворился удивленным или возмущенным при известии об аресте, это показалось бы мне в высшей степени подозрительным, потому что подобное удивление или негодование были бы совершенно неискренни при сложившихся обстоятельствах. Такое поведение как раз свидетельствовало бы о его неискренности. Его бесхитростное поведение в минуту ареста говорит либо о его полной

невиновности, либо, наоборот, изобличает его незаурядное самообладание и выдержку. Что же касается его ответа, что он заслуживает ареста, это тоже вполне естественно, если вспомнить, что он настолько забыл о своем сыновнем долге, что нагрубил отцу и даже, как утверждает девочка — а ее показания очень важны, — замахнулся на него. Его ответ, который говорит о раскаянии и об угрызениях совести, представляется мне скорее признаком неиспорченности, чем доказательством преступных намерений.

Я покачал головой.

— Многих вздернули на виселицу и без таких тяжких улик, — заметил я.

— Это верно. И среди них было много невиновных.

— Каковы же объяснения самого молодого человека?

— Не особенно ободряющие для его защитников, хотя есть один или два положительных пункта. Вы здесь это найдете, можете почитать про себя.

Он достал из своей папки несколько местных хартфордширских газет и, перегнув страницу, указал на те строки, в которых несчастный молодой человек дает объяснения всему происшед-

шему. Я уселся в углу купе и стал внимательно читать. Вот что там было написано:

«Затем был вызван мистер Джеймс Маккарти, единственный сын покойного. Он дал следующие показания:

— В течение трех дней меня не было дома: я был в Бристоле и вернулся как раз утром в прошлый понедельник, третьего числа. Когда я приехал, отца не было дома, и горничная сказала, что он поехал в Росс с Джоном Коббом, конюхом. Вскоре после моего приезда я услышал скрип колес его двуколки и, выглянув из окна, увидел, что он быстро пошел со двора, но я не знал, в каком направлении он пойдет. Потом я взял свое ружье и решил пройтись к Боскомскому омуту, чтобы осмотреть пустошь, где живут кролики; пустошь расположена на противоположном берегу озера. По пути я встретил Уильяма Краудера, лесничего, как он уже сообщил в своих показаниях; однако он ошибается, считая, что я догонял отца. Мне и в голову не приходило, что отец идет впереди меня. Когда я был прибли-

зительно в ста шагах от омута, я услышал крик «Коу!», которым я и мой отец обычно звали друг друга. Я сразу побежал вперед и увидел, что он стоит у самого омута. Он, по-видимому, очень удивился, заметив меня, и спросил довольно грубо, зачем я здесь. Разговор дошел до очень резких выражений, чуть ли не до драки, потому что отец мой был человек крайне вспыльчивый. Видя, что ярость его неукротима, я предпочел уйти от него и направился к ферме Хазерлей. Не прошел я и полутораста шагов, как услышал позади себя леденящий душу крик, который заставил меня снова бежать назад. Я увидел распростертого на земле отца; на голове его зияли ужасные раны, в нем едва теплилась жизнь. Ружье выпало у меня из рук, я приподнял голову отца, но почти в то же мгновение он умер. Несколько минут я стоял на коленях возле убитого, потом пошел к привратнику мистера Тэнера попросить его помощи. Дом привратника был ближе других. Вернувшись на крик отца, я никого не увидел возле него, и я не могу себе представить, кто мог его убить.

Его мало кто знал, потому что нрава он был несколько замкнутого и неприветливого. Но все же, насколько мне известно, настоящих врагов у него не было.

I held him in my arms.

Следователь. Сообщил ли вам что-нибудь перед смертью ваш отец?

Свидетель. Он пробормотал несколько слов, но я мог уловить только что-то похожее на «крыса».

Следователь. Что это, по-вашему, зна-

чит?

Свидетель. Не имею понятия. Наверное, он бредил.

Следователь. Что послужило поводом вашей последней ссоры?

Свидетель. Я предпочел бы умолчать об этом.

Следователь. К сожалению, я вынужден настаивать на ответе.

Свидетель. Но я не могу ответить на этот вопрос. Уверяю вас, что разговор наш не имел никакого отношения к ужасной трагедии, которая последовала за ним.

Следователь. Это решит суд. Излишне объяснять вам, что нежелание отвечать послужит вам во вред, когда вы предстанете перед выездной сессией суда присяжных.

Свидетель. И все же я не стану отвечать.

Следователь. По-видимому, криком «Коу!» вы с отцом всегда подзывали друг друга?

Свидетель. Да.

Следователь. Как же могло случиться, что он подал условный знак до того, как

вас увидел, и даже до того, как он узнал, что вы вернулись из Бристоля?

Свидетель. (очень смущенный). Не знаю.

Присяжный заседатель. Не бросилось ли вам в глаза что-нибудь подозрительное, когда вы прибежали на крик и нашли отца смертельно раненным?

Свидетель. Ничего особенного.

Следователь. Что вы хотите этим сказать?

Свидетель. Я был так взволнован и напуган, когда выбежал из лесу, что мог думать только об отце, больше ни о чем. Все же у меня было смутное представление, что в тот момент что-то лежало на земле слева от меня. Мне показалось: какая-то серая одежда — может быть, плед. Когда я встал на ноги и хотел рассмотреть эту вещь, ее уже не было.

— Вы полагаете, что она исчезла прежде, чем вы пошли за помощью?

— Да, исчезла.

— Не можете ли вы сказать, что это было?

— Нет, у меня просто было ощущение,

что там что-то лежит.

— Далеко от убитого?

— Шагах в десяти.

— А на каком расстоянии от леса?

— Приблизительно на таком же.

— Значит, эта вещь находилась на расстоянии менее двадцати шагов от вас, когда она исчезла?

— Да, но я повернулся к ней спиной.

Этим заканчивается допрос свидетеля».

— Мне ясно, — сказал я, взглянув на газетный столбец, — что в конце допроса следователь совершенно беспощаден к молодому Маккарти. Он указал, и не без основания, на противоречия в показании о том, что отец позвал сына, не зная о его присутствии, и также на отказ передать содержание его разговора с отцом, затем на странное объяснение последних слов умирающего. Все это, как заметил следователь, сильно вредит сыну.

Холмс потянулся на удобном диване и с улыбкой сказал:

— Вы со следователем страдаете одним и тем же недостатком: отбрасываете все положительное, что есть в показаниях молодого человека.

Неужели вы не видите, что приписываете ему то слишком много, то слишком мало воображения? Слишком мало — если он не мог придумать такой причины ссоры, которая завоевала бы ему симпатии присяжных; и слишком много — если он мог дойти до такой выдумки, как упоминание умирающего о крысе и происшествие с исчезнувшей одеждой. Нет, сэр, я буду придерживаться той точки зрения, что все, сказанное молодым человеком, — правда. Посмотрим, к чему приведет нас эта гипотеза. А теперь я займусь своим карманным Петраркой. Пока мы не прибудем на место происшествия — об этом деле ни слова. Наш второй завтрак в Суиндоне. Я думаю, мы приедем туда минут через двадцать.

Было около четырех часов, когда мы, миновав прелестную Страудскую долину и широкий сверкающий Сэверн, очутились наконец в милом маленьком провинциальном городке Россе. Аккуратный, похожий на хорька человечек, очень сдержанный, с хитрыми глазками, ожидал нас на платформе. Хотя он был в коричневом пыльнике и в сапогах, которые он считал подходящими для сельской местности, я без труда узнал в нем Лестрейда из Скотленд-Ярда. С ним мы доехали до «Хирфорд Армз», где нам были оставлены

комнаты.

— Я заказал карету, — сказал Лестрейд за чашкой чая. — Мне известна ваша деятельная натура. Ведь вы, до тех пор не можете успокоиться, пока не попадете на место преступления.

— Это очень похвально с вашей стороны, — ответил Холмс. — Но теперь все зависит от показаний барометра.

Лестрейд чрезвычайно удивился.

— Я не совсем понимаю вашу мысль, — сказал он.

— Каковы показания барометра? Двадцать девять ветра нет, на небе ни облачка — дождя не будет. А у меня целая пачка сигарет, которые надо выкурить. К тому же диван здесь несравненно лучше обычной мерзости деревенских гостиниц. Я думаю, что мне не удастся воспользоваться этой каретой сегодня вечером.

Лестрейд снисходительно засмеялся.

— Вы, конечно, уже пришли к какому-то заключению, прочитав газетные отчеты, — сказал он. — Дело это ясное, как день, и чем глубже вникаешь в него, тем яснее оно становится. Но, конечно, нельзя отказать в просьбе женщине, да еще такой очаровательной. Она слышала о вас и захотела пригласить именно вас для защиты

подсудимого, хотя я неоднократно говорил ей, что вы не сделаете ничего, что бы не было уже давно сделано мной. О боже! У дверей ее экипаж!

Едва он сказал это, как в комнату вбежала одна из прелестнейших девушек, каких я когда-либо видел. Голубые глаза сверкали, губы были слегка приоткрыты, нежный румянец заливал щеки. Сильное волнение заставило ее забыть обычную сдержанность.

— О, мистер Шерлок Холмс! — воскликнула она, переводя взгляд с него на меня и наконец с безошибочной женской интуицией останавливаясь на моем друге. — Как я рада, что вы здесь! Я приехала сказать вам это. Я уверена, что Джеймс невиновен. Приступая к вашей работе, вы должны знать то, что известно мне. Не допускайте сомнений ни на одну минуту. Мы с ним дружили с раннего детства, я лучше всех знаю все его слабости, но он так мягкосердечен, что не обидит и мухи. Всем, кто действительно знает его, такое обвинение представляется совершенно нелепым.

— Надеюсь, нам удастся оправдать его, мисс Тэнер, — сказал Шерлок Холмс. — Поверьте, я сделаю все, что в моих силах.

— Но вы читали отчеты, и у вас уже есть определенное мнение обо всем происшедшем? Не

видите ли вы какого-нибудь просвета? Уверены ли вы сами, что он невиновен?

— Я считаю это вполне возможным.

— Вот, наконец! — воскликнула она, гордо поднимая голову и вызывающе глядя на Лестрейда. — Вы слышали? Теперь у меня есть надежда.

Лестрейд пожал плечами.

Lestrade shrugged his shoulders.

— Боюсь, что мой коллега слишком поспешен в своих выводах, — сказал он.

— Но ведь он прав — о, я уверена, что он прав! Джеймс не способен на преступление. Что же касается его ссоры с отцом — я знаю: он потому

ничего не сказал следователю, что в этом была замешана я.

— Каким образом? — спросил Холмс.

— Сейчас не время что-нибудь скрывать. У Джеймса были большие неприятности с отцом из-за меня. Отец Джеймса очень хотел, чтобы мы поженились. Мы с Джеймсом всегда любили друг друга, как брат и сестра, но он, конечно, еще слишком молод, не знает жизни и… и… ну, словом, он, естественно, и думать не хотел о женитьбе. На этой почве возникали ссоры, и, я уверена, это была одна из таких ссор.

— А ваш отец? — спросил Холмс. — Хотел ли он вашего союза?

— Нет, он тоже был против. Кроме отца Джеймса, этого не хотел никто. — Сплошной румянец залил ее свежее лицо, когда Холмс бросил на нее один из своих испытующих взглядов.

— Благодарю вас за эти сведения, — сказал он. — Могу ли я увидеться с вашим отцом, если зайду завтра?

— Боюсь, доктор этого не позволит.

— Доктор?

— Да, разве вы не знаете? Последние годы мой бедный отец все время прихварывал, а это несчастье совсем сломило его. Он слег, и доктор

Уиллоуз говорит, что у него сильное нервное потрясение от перенесенного горя. Мистер Маккарти был единственным оставшимся в живых человеком, кто знал папу в далекие времена в Виктории.

— Хм! В Виктории? Это очень важно.

— Да, на приисках.

— Совершенно верно, на золотых приисках, где, как я понимаю, мистер Тэнер и составил свой капитал?

— Ну конечно.

— Благодарю вас, мисс Тэнер. Вы очень помогли мне.

— Сообщите, пожалуйста, если завтра у вас будут какие-нибудь новости. Вы, наверное, навестите Джеймса в тюрьме? О, если вы увидите его, мистер Холмс, скажите ему, что я убеждена в его невиновности.

— Непременно скажу, мисс Тэнер.

— Я спешу домой, потому что папа серьезно болен. Я ему нужна. Прощайте, да поможет вам бог!

Она вышла из комнаты так же поспешно, как и вошла, и мы услыхали стук колес удаляющегося экипажа.

— Мне стыдно за вас, Холмс, — с достоинством

сказал Лестрейд после минутного молчания. — Зачем вы подаете надежды, которым не суждено оправдаться? Я не страдаю излишней чувствительностью, но считаю, что вы поступили жестоко.

— Кажется, я вижу путь к спасению Джеймса Маккарти, — сказал Холмс. — У вас есть ордер на посещение тюрьмы?

— Да, но только для нас двоих.

— В таком случае, я изменяю свое решение не выходить из дома. Мы поспеем в Хирфорд, чтобы увидеть заключенного сегодня вечером?

— Вполне.

— Тогда поедем! Уотсон, боюсь, вам будет скучно, но часа через два я вернусь.

Я проводил их до станции, прошелся по улицам городка, наконец вернулся в гостиницу, прилег на кушетку и начал читать бульварный роман. Однако сюжет повествования был слишком плоским по сравнению с ужасной трагедией, открывающейся перед нами. Я заметил, что мысли мои все время возвращаются от книги к действительности, поэтому я швырнул книжку в другой конец комнаты и погрузился в размышления о событиях истекшего дня. Если предположить, что показания этого несчастного молодого человека

абсолютно правдивы, то что же за дьявольщина, что за непредвиденное и невероятное бедствие могло произойти в тот промежуток времени, когда он отошел от своего отца, а потом прибежал на его крики? Это было нечто ужасное, кошмарное. Что же это могло быть? Пожалуй, мне, как врачу, дело станет яснее, если я познакомлюсь с характером повреждений. Я позвонил и потребовал последние номера местных газет, содержащие все материалы следствия слово в слово.

I tried to interest myself in a yellow-backed novel.

В показаниях хирурга устанавливалось, что третья задняя теменная кость и левая часть затылочной кости размозжены сильным ударом тупого орудия. Я нащупал это место на своей собственной голове. Несомненно, такой удар мо-

жет быть нанесен только сзади. Это в некоторой степени снимало подозрение с обвиняемого, так как во время ссоры его видели стоящим лицом к лицу с покойным. Но этому нельзя придавать большого значения, потому что отец мог отвернуться, перед тем как его ударили. Однако нужно сообщить Холмсу и об этом. Затем очень странным представилось мне упоминание о крысе. Что это значит? Во всяком случае, не бред. Человек, умирающий от внезапного удара, никогда не бредит. Нет, вероятно, он пытался объяснить, как он встретил свою смерть. Что же он хотел сказать? Я долго пытался найти какое-нибудь подходящее объяснение. Вспомнил и случай с этой серой одеждой, которую заметил молодой Маккарти. Если так было на самом деле, значит, убийца потерял что-то, когда убегал — наверно, пальто, — и у него хватило наглости вернуться и взять его за спиной у сына, в двадцати шагах от него, когда тот опустился на колени возле убитого. Какое сплетение таинственного и невероятного в этом происшествии!

Меня не удивило мнение Лестрейда, но я верил в дальновидность Холмса и не терял надежды: мне казалось, что каждая новая деталь укрепляет его уверенность в невиновности молодого

Маккарти.

Когда вернулся Холмс, было уже совсем поздно. Он был один, так как Лестрейд остановился в городе.

— Барометр все еще не падает, — заметил он, садясь. — Только бы не было дождя, пока мы доберемся до места происшествия! Ведь человек должен вложить в такое славное дело все силы ума и сердца. По правде сказать, я не хотел приниматься за работу, когда был утомлен длинной дорогой. Я виделся с молодым Маккарти.

— Что же вы от него узнали?

— Ничего.

— Дело не стало яснее?

— Ничуть. Я был склонен думать, что ему известно имя преступника и что он скрывает его. Но теперь я убежден — для него это такая же загадка, как и для всех остальных. Молодой Маккарти не особенно умен, но очень миловиден, и мне показалось, что он человек неиспорченный.

— Я не одобряю его вкуса, — заметил я, — если это действительно правда, что он не хотел жениться на такой очаровательной молодой девушке, как мисс Тэнер.

— О, под всем этим кроется пренеприятная история! Он страстно, безумно любит ее. Но как

вы думаете, что он сделал года два назад, когда она была еще в пансионе, а сам он был совсем подростком? Этот идиот попался в лапы одной бристольской буфетчице и зарегистрировал свой брак с нею. Об этом никто не подозревает, но можете себе представить, какое было для него мучение слушать упреки, что он не делает того, за что он сам отдал бы полжизни! Вот это-то отчаяние и охватило его, когда он простер руки к небу в ответ на требование отца сделать предложение мисс Тэнер. С другой стороны, у него не было возможности защищаться, и отец его, который, как все утверждают, был человек крутого нрава, выгнал бы его из дому навеки, если бы узнал всю правду. Это со своей женой-буфетчицей юноша провел в Бристоле последние три дня, а его отец не знал, где он был. Запомните это обстоятельство, это очень важно. Однако не было бы счастья — несчастье помогло. Буфетчица, узнав из газет, что ее мужа обвиняют в тяжелом преступлении и, вероятно, скоро повесят, сразу же его бросила и призналась ему в письме, что у нее уже давно есть другой законный муж, который живет в Бермудских доках, и что с мистером Джеймсом Маккарти ее на самом деле ничто не связывает. Я думаю, это известие искупило все страдания

молодого Маккарти.

— Но если он невиновен, кто же тогда убийца?

— Да, кто убийца? Я бы обратил ваше внимание на следующие два обстоятельства. Первое: покойный должен был с кем-то встретиться у омута, и этот человек не мог быть его сыном, потому что сын уехал и не было известно, когда он вернется. Второе: отец кричал «Коу!» еще до того, как он узнал о возвращении сына. Это основные пункты, которые предрешают исход процесса… А теперь давайте поговорим о творчестве Джорджа Мередита,[14] если вам угодно, и оставим все второстепенные дела до завтра.

Как и предсказывал Холмс, дождя не было; утро выдалось яркое и безоблачное. В девять часов за нами в карете приехал Лестрейд, и мы отправились на ферму Хазерлейи к Боскомскому омуту.

— Серьезные известия, — сказал Лестрейд. — Говорят, что мистер Тэнер из Холла так плох, что долго не протянет.

— Вероятно, он очень стар? — спросил Холмс.

— Около шестидесяти, но он потерял в колониях здоровье и уже очень давно серьезно болеет. Тут большую роль сыграло это дело. Он был ста-

[14] Примечания: ~ n_14 ~

Джордж Мередит (1828-1909) — известный английский писатель.

рым другом Маккарти и, добавлю, его истинным благодетелем. Как мне стало известно, он даже не брал с него арендной платы за ферму Хазерлей.

— Вот как! Это очень интересно! — воскликнул Холмс.

— О да. И он помогал ему всевозможными другими способами. Здесь все говорят о том, что мистер Тэнер был очень добр к покойному.

— Да что вы! А вам не показалось несколько необычным, что этот Маккарти, человек очень небогатый, был так обязан мистеру Тэнеру и все же поговаривал о женитьбе своего сына на дочери Тэнера, наследнице всего состояния? Да еще таким уверенным тоном, будто стоило только сделать предложение — и все будет в порядке! Это чрезвычайно странно. Ведь вам известно, что Тэнер и слышать не хотел об их браке. Его дочь сама рассказала об этом. Не можете ли вы сделать из всего сказанного какие-нибудь выводы методом дедукции?

— Мы занимались дедукцией и логическими выводами, — сказал Лестрейд, подмигивая мне. — Знаете ли, Холмс, если в дальнейшем так же орудовать фактами, можно очень легко удалиться от истины в мир догадок и фантазий.

— Что правда, то правда, — сдержанно ответил

Холмс. — Вы очень плохо пользуетесь фактами.

— Как бы то ни было, я подтвердил один факт, который оказался очень трудным для вашего понимания, — раздраженно возразил Лестрейд.

— То есть, что…

— Что Маккарти-старший встретил свою смерть от руки Маккарти-младшего и что все теории, отрицающие этот факт, — просто лунные блики.

— Ну, лунные-то блики гораздо ярче тумана! — смеясь, ответил Холмс. — Если я не ошибаюсь, слева от нас ферма Хазерлей.

— Она самая.

Это было широко раскинувшееся комфортабельное двухэтажное, крытое шифером здание с большими желтыми пятнами лишайника на сером фасаде. Опущенные шторы на окнах и трубы, из которых не шел дым, придавали дому угрюмый вид, будто кошмарное преступление всей своей тяжестью легло на эти стены.

Мы позвонили у двери, и горничная, по требованию Холмса, показала нам ботинки, в которых был ее хозяин, когда его убили, и обувь сына, которую он надевал в тот день. Холмс тщательно измерил всю обувь в семи или восьми местах, затем попросил провести нас во двор, откуда

мы пошли по извилистой тропинке, ведущей к Боскомскому омуту.

The maid showed us the boots.

Шерлок Холмс весь преображался, когда шел по горячему следу. Люди, знающие бесстрастного мыслителя с Бейкер-стрит, ни за что не узнали бы его в этот момент. Он мрачнел, лицо его покрывалось румянцем, брови вытягивались в две жесткие черные линии, из-под них стальным блеском сверкали глаза. Голова его опускалась, плечи сутулились, губы плотно сжимались, на мускулистой шее вздувались вены. Его ноздри расширялись, как у охотника, захваченного азар-

том преследования. Он настолько был поглощен стоящей перед ним задачей, что на вопросы, обращенные к нему, или вовсе ничего не отвечал, или нетерпеливо огрызался в ответ.

Безмолвно и быстро шел он по тропинке, пролегавшей через лес и луга к Боскомскому омуту. Это глухое, болотистое место, как и вся долина. На тропинке около нее, где растет низкая трава, было видно множество следов. Холмс то спешил, то останавливался, один раз круто повернул и сделал по лужайке несколько шагов назад. Лестрейд и я следовали за ним, сыщик с видом безразличным и пренебрежительным, в то время как я наблюдал за моим другом с большим интересом, потому что был убежден, что каждое его действие ведет к благополучному завершению дела.

Боскомский омут — небольшое, шириной ярдов[15] в пятьдесят, пространство воды, окруженное зарослями камыша и расположенное на границе фермы Хазерлей и парка богача мистера Тэнера. Над лесом, подступающим к дальнему берегу, видны красные остроконечные башенки, возвышающиеся над жилищем богатого землевладельца.

---

[15] Примечания: ~ n_15 ~

Ярд — около 0,9 метра.

Со стороны Хазерлей лес очень густой; только узкая полоска влажной травы шагов в двадцать шириной отделяет последние деревья от камышей, окаймляющих озеро. Лестрейд точно указал, где нашли тело; а земля действительно была такая сырая, что я мог ясно увидеть место, где упал убитый. Что же касается Холмса, то по его энергичному лицу и напряженному взгляду я видел, что он многое разглядел на затоптанной траве. Он метался, как гончая, напавшая на след, а потом обратился к нашему спутнику.

— Что вы здесь делали? — спросил он.

— Я прочесал граблями всю лужайку. Я искал какое-нибудь оружие или другие улики. Но как вам удалось…

— Ну, хватит, у меня нет времени! Вы выворачиваете левую ногу, и следы этой вашей левой ноги видны повсюду. Вас мог бы выследить даже крот. А здесь, в камышах, следы исчезают. О, как было бы все просто, если бы я пришел сюда до того, как это стадо буйволов все здесь вытоптало! Здесь стояли те, кто пришел из сторожки, они затоптали все следы вокруг убитого на шесть или семь футов.[16]

---

[16] Примечания: ~ n_16 ~

Фут — около 0,3 метра.

Он достал лупу, лег на непромокаемый плащ, чтобы было лучше видно, и разговаривал более с самим собой, чем с нами.

— Вот следы молодого Маккарти. Он проходил здесь дважды и один раз бежал так быстро, что следы каблуков почти не видны, а остальная часть подошвы отпечаталась четко. Это подтверждает его показания. Он побежал, когда увидел отца лежащим на земле. Далее, здесь следы ног отца, когда он ходил взад и вперед. Что же это? След от приклада, на который опирался сын, когда стоял и слушал отца. А это? Ха-ха, что же это такое? Кто-то подкрадывался на цыпочках! К тому же это квадратные, совершенно необычные ботинки. Он пришел, ушел и снова вернулся — на этот раз, конечно, за своим пальто. Но откуда он пришел?

Холмс бегал туда и сюда, иногда теряя след, иногда вновь натыкаясь на него, пока мы не очутились у самого леса, в тени очень большой, старой березы. Холмс нашел его следы за этим деревом и снова лег на живот. Раздался радостный возглас. Холмс долго оставался неподвижным, переворачивал опавшие листья и сухие сучья, собрал в конверт что-то похожее на пыль и осмотрел сквозь лупу землю, а также, сколько

мог достать, и кору дерева. Камень с неровными краями лежал среди мха; он поднял и осмотрел его. Затем он пошел по тропинке до самой дороги, где следы терялись.

For a long time he remained there.

— Этот камень представляет большой интерес, — заметил он, возвращаясь к своему обычному тону. — Серый дом справа — должно быть, сторожка. Я зайду к Морану, чтобы сказать ему два слова и написать коротенькую записку. После этого мы еще успеем добраться до гостиницы, ко второму завтраку. Вы идите к карете, я присоединюсь к вам.

Минут через десять мы уже ехали к Россу. В руках у Холмса все еще был камень, который он поднял в лесу.

— Это может заинтересовать вас, Лестрейд, — сказал он, протягивая ему камень. — Вот чем было совершено убийство.

— Я не вижу на нем никаких следов.

— Их нет.

— Тогда как же вы это узнали?

— Под ним росла трава. Он пролежал там всего лишь несколько дней. Нигде вокруг не было видно места, откуда он взят. Это имеет прямое отношение к убийству. Следов какого-нибудь другого оружия нет.

— А убийца?

— Это высокий человек, левша, он хромает на правую ногу, носит охотничьи сапоги на толстой подошве и серое пальто, курит индийские сигары с мундштуком, в кармане у него тупой перочинный нож. Есть еще несколько примет, но и этого достаточно, чтобы помочь нам в наших поисках.

Лестрейд засмеялся.

— К сожалению, я до сих пор остаюсь скептиком, — сказал он. — Ваши теории очень хороши, но мы должны иметь дело с твердолобыми британскими присяжными.

— Ну, это мы увидим, — ответил спокойно Холмс. — У вас одни методы, у меня другие… Кстати, я, может быть, сегодня с вечерним поездом

вернусь в Лондон.

— И оставите ваше дело незаконченным?

— Нет, законченным.

— Но как же тайна?

— Она разгадана.

— Кто же преступник?

— Джентльмен, которого я описал.

— Но кто он?

— Это можно очень легко узнать. Здесь не так уж много жителей.

Лестрейд пожал плечами.

— Я человек действия, — сказал он, — и никак не могу заниматься поисками джентльмена, о котором известно только, что он хромоногий левша. Я бы стал посмешищем всего Скотленд-Ярда.

— Хорошо, — спокойно ответил Холмс. — Я предоставил вам все возможности для разгадки этой тайны. Я ведь ничего не утаил от вас, и вы сами могли разгадать таинственное преступление. Вот мы и приехали. Прощайте. Перед отъездом я вам напишу.

Оставив Лестрейда возле его двери, мы направились к нашему отелю, где нас уже ждал завтрак.

Холмс молчал, погруженный в свои мысли. Лицо его было мрачно, как у человека, который

попал в затруднительное положение.

— Вот послушайте, Уотсон, — сказал он, когда убрали со стола. — Садитесь в это кресло, и я изложу перед вами то немногое, что мне известно. Я не знаю, что мне делать. Я бы хотел получить от вас совет. Закуривайте, а я сейчас начну.

— Пожалуйста.

— Ну вот, при изучении этого дела нас поразили два пункта в рассказе молодого Маккарти, хотя меня они настроили в его пользу, а вас восстановили против него. Во-первых, то, что отец закричал «Коу» до того, как увидел своего сына. Во-вторых, что умирающий упомянул только о крысе. Понимаете, он пробормотал несколько слов, но сын уловил лишь одно. Наше расследование должно начаться с этих двух пунктов. Предположим, что все, сказанное юношей, — абсолютная правда.

— А что такое «коу»?

— Очевидно, он звал не своего сына. Он думал, что сын в Бристоле. Сын совершенно случайно услышал этот зов. Этим Криком «Коу!» он звал того, кто назначил ему свидание. Но «коу» — австралийское слово, оно в ходу только между австралийцами. Это веское доказательство, что человек, которого Маккарти надеялся встретить

у Боскомского омута, бывал в Австралии.

— Ну, а крыса?

Шерлок Холмс достал из кармана сложенный лист бумаги, расправил его на столе.

— Это карта штата Виктория, — сказал он. — Я телеграфировал прошлой ночью в Бристоль, чтобы мне ее прислали. — Он закрыл ладонью часть карты. — Прочтите, — попросил он.

— *Arat*,[17] — прочитал я.

— А теперь? — Он поднял руку.

— *Ballarat*.

— Совершенно верно. Это и есть слово, произнесенное умирающим, но сын уловил только последние два слога. Он пытался назвать имя убийцы. Итак, Балларэт.

— Это потрясающе! — воскликнул я.

— Это вне всяких сомнений. А теперь, как видите, круг сужается. Наличие у преступника серого одеяния было третьим пунктом. Исчезает полная неизвестность, и появляется некий австралиец из Балларэта в сером пальто.

— И в самом деле!

— К тому же он местный житель, потому что возле омута, кроме фермы и усадьбы, ничего нет,

[17] Примечания: ~ n_17 ~

A rat (а рэт) — по-английски значит «крыса».

и посторонний вряд ли забредет туда.

— Конечно.

— Затем наша сегодняшняя экспедиция. Исследуя почву, я обнаружил незначительные улики, о которых и рассказал этому тупоумному Лестрейду. Это касалось установления личности преступника.

— Но как вы их обнаружили?

— Вам известен мой метод. Он базируется на сопоставлении всех незначительных улик.

— О его росте вы, разумеется, могли приблизительно судить по длине шага. О его обуви также можно было догадаться по следам.

— Да, это была необыкновенная обувь.

— А то, что он хромой?

— Следы его правой ноги не так отчетливы, как следы левой. На правую ногу приходится меньше веса Почему? Потому что он прихрамывал — он хромой.

— А то, что он левша?

— Вы сами были поражены характером повреждений, описанных хирургом. Удар был внезапно нанесен сзади, но с левой стороны. Кто же это мог сделать, как не левша? Во время разговора отца с сыном он стоял за деревом. Он даже курил там. Я нашел пепел и благодаря моему знанию раз-

личных сортов табака установил, что он курил индийскую сигару. Я, как вам известно, немного занимался этим вопросом и написал небольшую монографию о пепле ста сорока различных сортов трубочного, сигарного и папиросного табака. Обнаружив пепел сигары, я оглядел все вокруг и нашел место, куда он ее бросил. То была индийская сигара, изготовленная в Роттердаме.

He had stood behind that tree.

— А мундштук?

— Я увидел, что он не брал ее в рот. Следовательно, он курит с мундштуком. Кончик был обрезан, а не откушен, но срез был неровный, поэтому я решил, что нож у него тупой.

— Холмс, — сказал я, — вы опутали преступника сетью, из которой он не сможет вырваться, и вы спасли жизнь ни в чем не повинному юноше, вы просто сняли петлю с его шеи. Я вижу, где сходятся все ваши улики. Имя убийцы…

— Мистер Джон Тэнер, — доложил официант, открывая дверь в нашу гостиную и впуская посетителя.

«Mr. John Turner», said the waiter.

У вошедшего была странная, совершенно необычная фигура. Замедленная, прихрамывающая походка и опущенные плечи делали его дряхлым, в то время как его жесткое, резко очерченное, грубое лицо и огромные конечности говорили о том, что он наделен необыкновенной физической силой. Его спутанная борода, седеющие волосы и всклокоченные, нависшие над глазами брови придавали ему гордый и властный

вид. Но лицо его было пепельно-серым, а губы и ноздри имели синеватый оттенок. Я с первого взгляда понял, что он страдает какой-то неизлечимой, хронической болезнью.

— Присядьте, пожалуйста, на диван, — мягко предложил Холмс. — Вы получили мою записку?

— Да, ее принес привратник. Вы пишете, что хотите видеть меня, дабы избежать скандала.

— Я думаю, будет много толков, если я выступлю в суде.

— Зачем я вам понадобился?

Тэнер посмотрел на моего приятеля. В усталых главах его было столько отчаяния, будто он уже получил ответ на свой вопрос.

— Да, — промолвил Холмс, отвечая более на взгляд его, чем на слова. — Это так. Мне все известно о Маккарти.

Старик закрыл лицо руками.

— Помоги мне, господи! — воскликнул он. — Но я бы не допустил гибели молодого человека! Даю вам слово, что я открыл бы всю правду, если бы дело дошло до выездной сессии суда присяжных…

— Рад это слышать, — сурово сказал Холмс.

— Я бы уже давно все открыл, если бы не моя дорогая девочка. Это разбило бы ее сердце, она не пережила бы моего ареста.

— Можно и не доводить дело до ареста, — ответил Холмс.

— Неужели?

— Я неофициальное лицо. Поскольку меня пригласила ваша дочь, я действую в ее интересах. Вы сами понимаете, что молодой Маккарти должен быть освобожден.

— Я скоро умру, — сказал старый Тэнер. — Я уже много лет страдаю диабетом. Мой доктор сомневается, протяну я месяц или нет. Все-таки мне легче будет умереть под своей собственной крышей, чем в тюрьме.

Холмс встал, подошел к письменному столу, взял перо и бумагу.

— Рассказывайте все, как было, — предложил он, — а я вкратце запишу. Вы это подпишете, а Уотсон засвидетельствует. Я представлю ваше признание только в случае крайней необходимости, если нужно будет спасать Маккарти. В противном случае обещаю вам не прибегать к этой мере.

— Хорошо, — ответил старик. — Скорее всего я не доживу до выездной сессии суда, так что меня это мало волнует. Я хотел бы только избавить Алису от такого удара. А теперь я все вам расскажу… Тянулось это долго, но рассказать я могу

очень быстро… Вы не знали покойного Маккарти. Это был сущий дьявол, уверяю вас. Упаси вас бог от клещей такого человека! Я был в его тисках последние двадцать лет, он совершенно отравил мне жизнь.

Сначала я расскажу вам, как я очутился в его власти. Это произошло в начале шестидесятых годов на золотых приисках. Я тогда был совсем молодым человеком, безрассудным и горячим, готовым на любое дело. Я попал в плохую компанию, начал выпивать. На участке моем не оказалось ни крупинки золота — я стал бродяжничать и сделался, как у вас говорится, рыцарем большой дороги. Нас было шестеро, мы вели дикую, привольную жизнь, совершали время от времени налеты на станцию, останавливали фургоны на дорогах к приискам. Меня называли Балларэтским Черным Джеком. Моих ребят до сих пор помнят в колониях как банду Балларэта.

Однажды из Балларэта в Мельбурн под охраной конвоя отправили золото. Мы устроили засаду. Золото охраняли шесть конвоиров, нас тоже было шесть человек. Произошла жаркая схватка. Первым залпом мы уложили четырех. Но когда мы взяли добычу, нас осталось только трое. Я приставил дуло пистолета к голове кучера — это и был

Маккарти. Господи, лучше бы я убил его тогда! Но я пощадил его, хотя и заметил, что он смотрит на меня своими маленькими злыми глазками, будто хочет запомнить черты моего лица. Мы завладели золотом, стали богатыми людьми и приехали в Англию, никем не заподозренные. Здесь я навсегда расстался со своими бывшими приятелями и начал спокойную, обеспеченную жизнь.

Я купил это имение, которое как раз продавалось в то время, и старался принести хотя бы небольшую пользу своими деньгами, чтобы как-то искупить прошлое. К тому же я женился, и хотя жена моя умерла молодой, она оставила мне милую маленькую Алису. Даже когда Алиса была совсем крошкой, ее ручонки удерживали меня на праведном пути, как ничто в мире. Словом, я навсегда покончил с прошлым. Все шло великолепно, пока я не попался в руки Маккарти…

Я поехал в город по денежным делам и на Риджент-стрит встретил Маккарти. На нем не было ни приличного пальто, ни обуви.

«Вот мы и встретились, Джек, — сказал он, прикасаясь к моей руке. — Теперь уж мы с вами больше не расстанемся. Я не один: у меня есть сынишка, и вы должны о нас позаботиться. В

противном случае, вы знаете: Англия прекрасная страна, где чтут законы. Кроме того, везде есть полисмены».

Вот он и поселился со своим сыном на западе, и я не мог от них отделаться; они бесплатно живут на моей земле. У меня не было ни покоя, ни отдыха, ни забвения. Куда бы я ни шел, я везде натыкался на его хитрую, ухмыляющуюся физиономию. Когда Алиса подросла, стало еще хуже, так как он заметил, что для меня страшнее всякой полиции, если о моем прошлом узнает дочь. Что бы он ни захотел, он получал по первому требованию, будь то земля, постройка или деньги, пока он не потребовал невозможного. Он потребовал Алису. Сын его, видите ли, подрос, моя дочь — тоже, и, так как о моей болезни всем было известно, ему представилось, что это великолепный шанс для его сына завладеть всем моим состоянием. Но на этот раз я был тверд. Я и мысли не мог допустить, что его проклятый род соединится с моим.

Нельзя сказать, чтобы мне не нравился его сын, но в жилах юноши текла кровь его отца, этого было достаточно. Я все же стоял на своем. Маккарти, выведенный из себя, стал угрожать.

Мы должны были встретиться у омута, на полпути между нашими домами, чтобы поговорить

обо всем. Когда я пришел на условленное место, я увидел, что он толкует о чем-то с сыном. Я закурил и ждал за деревом, пока он останется один. Но по мере того как я вслушивался в его слова, во мне закипала горечь и злоба, я не мог больше этого вынести. Он принуждал сына жениться на моей дочери, ничуть не заботясь о том, как она отнесется к этому, будто речь шла об уличной девчонке.

Я чуть с ума не сошел, когда подумал, что все, чем я дорожу, может очутиться во власти такого человека. Не лучше ли разбить эти оковы? Я уже умирающий, доведенный до отчаяния человек. Хотя рассудок мой ясен и силы не покинули меня, я понимал, что моя жизнь кончена. Но мое имя и моя дочь! Я спасу и то и другое, если заставлю Маккарти держать язык за зубами… Я его убил, мистер Холмс… Я бы убил его снова. Я большой грешник, но разве жизнь, полная страданий, не искупает вины? Я все терпел, но мысль, что моя дочь попадет в ту же западню, была невыносимы. Я убил его без угрызения совести, будто это была отвратительная ядовитая тварь. На крик прибежал его сын, но я успел спрятаться в лесу, хотя мне пришлось вернуться за пальто, которое я обронил… Это чистая правда, джентльмены, все

служилось именно так.

— Что же, не мне судить вас, — промолвил Холмс, когда старик подписал свои показания. — Думаю, нам не придется представлять эти сведения в суд.

— Я вам полностью доверяю, сэр! Но что вы хотите предпринять?

— Принимая во внимание ваше здоровье — ничего. Вы сами знаете, что скоро предстанете перед судом, который выше земного суда. Я сохраню ваше признание, мне придется воспользоваться им, если Маккарти будет осужден. Если же он будет оправдан — ни один смертный, будете вы живы или нет, не узнает о вашей тайне, все это останется между нами.

— Тогда прощайте, — торжественно сказал старик. — Когда настанет ваш смертный час, вам будет легче при мысли о том, какое успокоение вы внесли в мою душу.

Шатаясь и дрожа всем своим гигантским телом, он медленно вышел из комнаты, прихрамывая на правую ногу.

— Бедные мы, бедные! — после долгой паузы воскликнул Холмс. — Почему судьба играет такими жалкими, беспомощными созданиями, как мы?

«Farewell, then», said the old man.

Выездная сессия суда присяжных оправдала Джеймса Маккарти под давлением многочисленных доказательств, представленных Холмсом. Старый Тэнер прожил месяцев семь после нашего свидания, сейчас его уже нет в живых. Есть все основания полагать, что Джеймс и Алиса могут спокойно жить в счастливом браке, не думая больше о черных тучах, которые омрачали их прошлое.

Sherlock Holmes.

Пять зернышек апельсина

The Five Orange Pips
First published in the Strand Magazine,
Nov. 1891,
with 6 illustrations by Sidney Paget.

Когда я просматриваю мои заметки о Шерлоке Холмсе за годы от 1882 до 1890, я нахожу так много удивительно интересных дел, что просто не знаю, какие выбрать. Однако одни из них уже известны публике из газет, а другие не дают возможности показать во всем блеске те своеобразные качества, которыми мой друг обладал в такой высокой степени. Все же одно из этих дел было так замечательно по своим подробностям и так неожиданно по результатам, что мне хотелось бы рассказать о нем, хотя с ним связаны такие обстоятельства, которые, по всей вероятности, никогда не будут полностью выяснены.

1887 год принес длинный ряд более или менее интересных дел. Все они записаны мною. Среди них — рассказ о «Парадол-чэмбер», Обществе Нищих-любителей, которое имело роскошный клуб в подвальном этаже большого мебельного

магазина; отчет о фактах, связанных с гибелью британского судна «Софи Эндерсон»; рассказ о странных приключениях Грайса Петерсона на острове Юффа и, наконец, записки, относящиеся к Кемберуэльскому делу об отравлении. В последнем деле Шерлоку Холмсу удалось путем исследования механизма часов, найденных на убитом, доказать, что часы были заведены за два часа до смерти и поэтому покойный лег спать в пределах этого времени, — вывод, который помог обнаружить преступника.

Все эти дела я, может быть, опишу когда-нибудь позже, но ни одно из них не обладает такими своеобразными чертами, как те необычайные события, которые я намерен сейчас изложить.

Был конец сентября, и осенние бури свирепствовали с неслыханной яростью. Целый день завывал ветер, и дождь барабанил в окна так, что даже здесь, в самом сердце огромного Лондона, мы невольно отрывались на миг от привычного течения жизни и ощущали присутствие грозных сил разбушевавшейся стихии. К вечеру буря разыгралась сильнее; ветер в трубе плакал и всхлипывал, как ребенок.

Шерлок Холмс был мрачен. Он расположился у камина и приводил в порядок свою картотеку

преступлений, а я, сидя против него, так углубился в чтение прелестных морских рассказов Кларка Рассела, что завывание бури слилось в моем сознании с текстом, а шум дождя стал казаться мне рокотом морских волн.

Моя жена гостила у тетки, и я на несколько дней устроился в нашей старой квартире на Бейкер-стрит.

— Послушайте, — сказал я, взглянув на Холмса, — это звонок. Кто же может прийти сегодня? Кто-нибудь из ваших друзей?

— Кроме вас, у меня нет друзей, — ответил Холмс. — А гости ко мне не ходят.

— Может быть, клиент?

— Если так, то дело должно быть очень серьезное. Что другое заставит человека выйти на улицу в такой день и в такой час? Но скорее всего это какая-нибудь кумушка, приятельница нашей квартирной хозяйки.

Однако Холмс ошибся, потому что послышались шаги в прихожей и стук в нашу дверь.

Холмс протянул свою длинную руку и повернул лампу от себя так, чтобы осветить пустое кресло, предназначенное для посетителя.

— Войдите! — сказал он.

Вошел молодой человек лет двадцати двух,

изящно одетый, с некоторой изысканностью в манерах. Зонт, с которого бежала вода, и блестевший от дождя длинный непромокаемый плащ свидетельствовали об ужасной погоде. Вошедший тревожно огляделся, и при свете лампы я увидел, что лицо его бледно, а глаза полны беспокойства, как у человека, внезапно охваченного большой тревогой.

He looked about him anxiously.

— Я должен перед вами извиниться, — произнес он, поднося к глазам золотой лорнет. — Надеюсь, вы не сочтете меня навязчивым… Боюсь, что я принес в вашу уютную комнату некоторые следы бури и дождя.

— Дайте мне ваш плащ и зонт, — сказал Холмс. — Они могут повисеть здесь, на крючке, и быстро высохнут. Я вижу, вы приехали с юго-запада.

— Да, из Хоршема.

— Смесь глины и мела на носках ваших ботинок очень характерна для этих мест.

— Я пришел к вам за советом.

— Его легко получить.

— И за помощью.

— А вот это не всегда так легко.

— Я слышал о вас, мистер Холмс. Я слышал от майора Прендергаста, как вы спасли его от скандала в клубе Тэнкервилл.

— А-а, помню. Он был ложно обвинен в нечистой карточной игре.

— Он сказал мне, что вы можете во всем разобраться.

— Он чересчур много мне приписывает.

— По его словам, вы никогда не знали поражений.

— Я потерпел поражение четыре раза. Три раза меня побеждали мужчины и один раз женщина.

— Но что это значит в сравнении с числом ваших успехов!

— Да, обычно у меня бывают удачи.

— В таком случае, вы добьетесь успеха и в моем деле.

— Прошу вас придвинуть ваше кресло к камину в сообщить мне подробности дела.

— Дело мое необыкновенное.

— Обыкновенные дела ко мне не попадают. Я высшая апелляционная инстанция.

— И все же, сэр, я сомневаюсь, чтобы вам приходилось за все время вашей деятельности слышать о таких непостижимых и таинственных происшествиях, как те, которые произошли в моей семье.

— Вы меня очень заинтересовали, — сказал Холмс. — Пожалуйста, сообщите нам для начала основные факты, а потом я расспрошу вас о тех деталях, которые покажутся мне наиболее существенными.

Молодой человек придвинул кресло и протянул мокрые ноги к пылающему камину.

— Меня зовут Джон Опеншоу, — сказал он. — Но, насколько я понимаю, мои личные дела мало

связаны с этими ужасными событиями. Это какое-то наследственное дело, и поэтому, чтобы дать вам представление о фактах, я должен вернуться к самому началу всей истории…

У моего деда было два сына: мой дядя, Элиас, и мой отец, Джозеф. Мой отец владел небольшой фабрикой в Ковентри. Ему удалось расширить ее, когда началось производство велосипедов. Отец изобрел особо прочные шины «Опеншоу», и его предприятие пошло очень успешно, так что когда отец в конце концов продал свою фирму, он удалился на покой вполне обеспеченным человеком.

Мой дядя Элиас в молодые годы эмигрировал в Америку и стал плантатором во Флориде, где, как говорили, дела его шли очень хорошо. Во времена войны[18] он сражался в армии Джексона, а затем под командованием Гуда и достиг чина полковника. Когда Ли сложил оружие,[19] мой дядя возвратился на свою плантацию, где

---

[18] Примечания: ~ n_18 ~

18

Гражданская война Южных и Северных штатов (1861 — 1865), окончившаяся победой северян над рабовладельческим Югом.

[19] Примечания: ~ n_19 ~

19

Генерал Ли командовал Южной армией.
Джексон и Гуд — генералы этой армии.

прожил три или четыре года. В 1869 или 1870 году он вернулся в Европу и арендовал небольшое поместье в Сассексе, вблизи Хоршема. В Соединенных Штатах он нажил большой капитал и покинул Америку, так как питал отвращение к неграм и был недоволен республиканским правительством, освободившим их от рабства.

Дядя был странный человек — жестокий и вспыльчивый. При всякой вспышке гнева он изрыгал страшные ругательства. Жил он одиноко и чуждался людей. Сомневаюсь, чтобы в течение всех лет, прожитых под Хоршемом, он хоть раз побывал в городе. У него был сад, лужайки вокруг дома, и там он прогуливался, хотя часто неделями не покидал своей комнаты. Он много пил и много курил, но избегал общения с людьми и не знался даже с собственным братом. А ко мне он, пожалуй, даже привязался, хотя впервые мы увиделись, когда мне было около двенадцати лет. Это произошло в 1878 году. К тому времени дядя уже восемь или девять лет прожил в Англии. Он уговорил моего отца, чтобы я переселился к нему, и был ко мне по-своему очень добр. В трезвом виде он любил играть со мной в кости и в шашки. Он доверил мне все дела с прислугой, с торговцами, так что к шестнадцати годам я стал

полным хозяином в доме. У меня хранились все ключи, мне позволялось ходить куда угодно и делать все что вздумается при одном условии: не нарушать уединения дяди. Но было все же одно странное исключение: на чердаке находилась комната, постоянно запертая, куда дядя не разрешал заходить ни мне, ни кому-либо другому. Из мальчишеского любопытства я заглядывал в замочную скважину, но ни разу не увидел ничего, кроме старых сундуков и узлов.

Однажды — это было в марте 1883 года — на столе перед прибором дяди оказалось письмо с иностранной маркой. Дядя почти никогда не получал писем, потому что покупки он всегда оплачивал наличными, а друзей у него не было.

«Из Индии, — сказал он, беря письмо. — Почтовая марка Пондишерри! Что это может быть?»

Дядя поспешно разорвал конверт; из него выпало пять сухих зернышек апельсина, которые выкатились на его тарелку. Я было рассмеялся, но улыбка застыла у меня на губах, когда я взглянул на дядю. Его нижняя губа отвисла, глаза выкатились из орбит, лицо стало серым; он смотрел на конверт, который продолжал держать в дрожащей руке.

«К.К.К.»! — воскликнул он. — Боже мой, боже

мой! Вот расплата за мои грехи!»

«Что это, дядя?» — спросил я.

«Смерть», — сказал он, встал из-за стола и ушел в свою комнату, оставив меня в недоумении и ужасе.

Я взял конверт и увидел, что на внутренней его стороне красными чернилами была три раза написана буква «К». В конверте не было ничего, кроме пяти сухих зернышек апельсина. Почему дядю охватил такой ужас?

Я вышел из-за стола и взбежал по лестнице наверх. Навстречу мне спускался дядя. В одной руке у него был старый, заржавевший ключ, по-видимому, от чердачного помещения, а в другой — небольшая шкатулка из латуни.

«Пусть они делают что хотят, я все-таки им не сдамся! — проговорил он с проклятием. — Скажи Мэри, чтобы затопила камин в моей комнате и пошла за Фордхэмом, хоршемским юристом».

Я сделал все, как он велел. Когда приехал юрист, меня позвали в комнату дяди. Пламя ярко пылало, а на решетке камина толстым слоем лежал пепел, по-видимому, от сожженной бумаги. Рядом стояла открытая пустая шкатулка. Взглянув на нее, я невольно вздрогнул, так как заметил на внутренней стороне крышки тройное «К»

— точно такое же, какое я сегодня утром видел на конверте.

«Я хочу, Джон, — сказал дядя, — чтобы ты был свидетелем при составлении завещания. Я оставляю свое поместье моему брату, твоему отцу, от которого оно, несомненно, перейдет к тебе. Если ты сможешь мирно пользоваться им, тем лучше. Если же ты убедишься, что это невозможно, то последуй моему совету, мой мальчик, и отдай поместье своему злейшему врагу. Мне очень грустно, что приходится оставлять тебе такое наследство, но я не знаю, какой оборот примут дела. Будь любезен, подпиши бумагу в том месте, какое тебе укажет мистер Фордхэм».

Я подписал бумагу, как мне было указано, и юрист взял ее с собой.

Этот странный случай произвел на меня, как вы понимаете, очень глубокое впечатление, и я все время думал о нем, не находи объяснений. Я не мог отделаться от смутного чувства страха, хотя оно притуплялось по мере того, как шли недели и ничто не нарушало привычного течения жизни. Правда, я заметил перемену в моем дяде. Он пил больше прежнего и стал еще более нелюдимым. Большую часть времени он проводил, запершись в своей комнате. Но иногда в каком-то пьяном

бреду он выбегал из дому, слонялся по саду с револьвером в руке и кричал, что никого не боится, и не даст ни человеку, ни дьяволу зарезать себя, как овцу. Однако когда эти горячечные припадки проходили, он сразу бежал домой и запирался в комнате на ключ и на засовы, как человек, охваченный непреодолимым страхом. Во время таких припадков его лицо даже в холодные дни блестело от пота, как будто он только что вышел из бани.

Чтобы покончить с этим, мистер Холмс, и не злоупотреблять вашим терпением, скажу только, что однажды настала ночь, когда он совершил одну из своих пьяных вылазок, после которой уже не вернулся. Мы отправились на розыски. Он лежал ничком в маленьком, заросшем тиной пруду, расположенном в глубине нашего сада. На теле не было никаких признаков насилия, а воды в пруду было не больше двух футов. Поэтому суд присяжных, принимая во внимание чудачества дяди, признал причиной смерти самоубийство. Но я, знавший, как его пугала самая мысль о смерти, не мог убедить себя, что он добровольно расстался с жизнью. Как бы то ни было, дело на этом и кончилось, и мой отец вступил во владение поместьем и четырнадцатью тысячами

фунтов, которые лежат на его текущем счете в банке...

We found him face downward in a little green-scummed pool.

— Позвольте, — прервал его Холмс. — Ваше сообщение, как я вижу, одно из самых интересных, какие я когда-либо слышал. Укажите мне дату получения вашим дядей письма и дату его предполагаемого самоубийства.

— Письмо пришло десятого марта 1883 года. Он погиб через семь недель, в ночь на второе мая.

— Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте.

— Когда отец вступил во владения хоршемской

усадьбой, он по моему настоянию произвел тщательный осмотр чердачного помещения, которое всегда было заперто. Мы нашли там латунную шкатулку. Все ее содержимое было уничтожено. Ко внутренней стороне крышки была приклеена бумажная этикетка с тремя буквами «К» и подписью внизу; «Письма, записи, расписки и реестр». Как мы полагаем, эти слова указывали на характер бумаг, уничтоженных полковником Опеншоу. Кроме этого, на чердаке не было ничего существенного, если не считать огромного количества разбросанных бумаг и записных книжек, касавшихся жизни дяди в Америке. Некоторые из них относились ко времени войны и свидетельствовали о том, что дядя хорошо выполнял свой долг и заслужил репутацию храброго солдата. Другие бумаги относились к эпохе преобразования Южных штатов и по большей части касались политических вопросов, так как дядя, очевидно, играл большую роль в оппозиции.

Так вот, в начале 84 года отец поселился в Хоршеме, и все шло у нас как нельзя лучше до 85 года. Четвертого января, когда мы все сидели за завтраком, отец внезапно вскрикнул от изумления. В одной руке он держал только что вскрытый конверт, а на протянутой ладони другой руки

— пять сухих зернышек апельсина. Он всегда смеялся над тем, что он называл «небылицами насчет полковника», а теперь и сам испугался, когда получил такое же послание.

«What on earth does this mean?»

«Что бы это могло значить, Джон?» — пробормотал он.

Мое сердце окаменело.

«Это К.К.К.», — ответил я.

Отец заглянул внутрь конверта.

«Да, здесь те же буквы. Но что это написано под ними?»

«Положите бумаги на солнечные часы», — прочитал я, взглянув ему через плечо.

«Какие бумаги? Какие солнечные часы?» — спросил он.

«Солнечные часы в саду, других здесь нет. Но бумаги, должно быть, те, которые уничтожены».

«Черт возьми! — сказал он. — Мы живем в цивилизованной стране и не можем принимать всерьез такую чушь. Откуда это письмо?»

«Из Данди», — ответил я, взглянув на почтовый штемпель.

«Чья-нибудь нелепая шутка, — сказал он. — Какое мне дело до солнечных часов и бумаг? Нечего и обращать внимания на этакий вздор!»

«Я бы сообщил полиции», — сказал я.

«Чтобы меня высмеяли? И не подумаю».

«Тогда позвольте мне это сделать».

«Ни в коем случае. Я не хочу поднимать шум из-за таких пустяков».

Уговаривать отца было бы напрасным трудом, потому что он был очень упрям. А меня охватили тяжелые предчувствия.

На третий день после получения письма отец поехал навестить своего старого друга, майора Фриботи, который командует одним из фортов Портсдаун-Хилла. Я был рад, что он уехал, так как

мне казалось, что вне дома он дальше от опасности. Однако я ошибся. На второй день после его отъезда я получил от майора телеграмму, в которой он умолял меня немедленно приехать. Отец упал в один из глубоких меловых карьеров, которыми изобилует местность, и лежал без чувств, с раздробленным черепом. Я поспешил к нему, но он умер, не приходя в сознание. По-видимому, он возвращался из Фэрхема в сумерки. А так как местность ему незнакома и меловые шахты не огорожены, суд присяжных, не колеблясь, вынес решение: «Смерть от несчастного случая».

Я тщательно изучил все факты, связанные с его смертью, но не мог обнаружить ничего, что наводило бы на мысль об убийстве. Не было признаков насилия, не было никаких следов на земле, не было ограбления, не было посторонних лиц на дорогах. И все же излишне говорить вам, что я не находил покоя и был почти уверен, что отец мой попал в расставленные кем-то сети.

При таких трагических обстоятельствах я вступил в права наследства. Вы спросите меня, почему я не отказался от него? Отвечу вам: я был убежден, что наши несчастья каким-то образом связаны с давними событиями в жизни моего дяди и что опасность будет мне угрожать одина-

ково в любом доме.

Мой бедный отец скончался в январе 85 года; с тех пор прошло два года и восемь месяцев. Все это время я мирно прожил в Хоршеме и начал уже надеяться, что это проклятье не тяготеет больше над нашей семьей, что оно рассеялось после гибели старшего поколения. Однако я слишком рано успокоился. Вчера утром меня постиг удар в той же самой форме, в какой он постиг моего отца…

Молодой человек достал из кармана смятый конверт и, повернувшись к столу, высыпал на скатерть пять маленьких сухих зернышек апельсина.

He shook out five little dried orange pips.

— Вот конверт, — продолжал он. — Почтовый штемпель — Лондон, Восточный район. Внутри те же самые слова, которые были в письме, полученном моим отцом; «К. К. К.», а затем: «Положите бумаги на солнечные часы».

— Что вы сделали? — спросил Холмс.

— Ничего.

— Ничего?

— По правде говоря, — он опустил лицо на тонкие белые руки, — я почувствовал себя беспомощным, как жалкий кролик, к которому

приближается змея. По-видимому, я во власти какой-то непреодолимой и неумолимой силы, от которой не могут спасти никакие предосторожности.

— Что вы! Что вы! — воскликнул Шерлок Холмс. — Вы должны действовать, иначе вы погибнете. Только энергия может спасти вас. Теперь не время предаваться отчаянию.

— Я был в полиции.

— Ну, и?..

— Но там с улыбкой выслушали мой рассказ. Я убежден, что инспектор считает эти письма чьей-то шуткой, а смерть моих родных, как и установил суд присяжных, — несчастным случаем, никак не связанным с этими предупреждениями.

Холмс потряс в воздухе сжатыми кулаками.

— Невероятная тупость! — воскликнул он.

— Все же ко мне прикомандировали полицейского, который все время дежурит в моем доме.

— Он пришел с вами сейчас?

— Нет, ему приказано находиться при доме.

Холмс снова потряс в воздухе кулаками.

— Зачем вы пришли ко мне? — спросил он. — И главное, почему вы не пришли ко мне сразу?

— Я не знал. Только сегодня я говорил о моих опасениях с майором Прендергастом, и он посо-

ветовал мне обратиться к вам.

— Ведь уже два дня, как вы получили письмо. Вам следовало начать действовать раньше. У вас нет, я полагаю, других данных, кроме тех, которые вы мне сообщили? Нет каких-либо наводящих подробностей, которые могли бы вам помочь?

— Есть одна вещь, — сказал Джон Опеншоу. Он пошарил в кармане пальто и, вынув кусок выцветшей синей бумаги, положил его на стол. — Мне помнится, — сказал он, — что в день, когда дядя жег бумаги, маленькие несгоревшие полоски, лежавшие среди пепла, были такого же цвета. Этот лист я нашел на полу дядиной комнаты и склонен думать, что это одна из бумаг, которая случайно отлетела от остальных и таким образом избежала уничтожения. Кроме упоминания зернышек, я не вижу в этой бумаге ничего, что могло бы нам помочь. Я думаю, что это страница дневника. Почерк, несомненно, дядин.

Холмс повернул лампу, и мы оба нагнулись над листом бумаги, неровные края которого свидетельствовали о том, что лист был вырван из книги. Наверху была надпись: «Март 1869 года», а внизу следующие загадочные заметки:

4-го. Гудзон явился. Прежняя платфор-

ма.

7-го. Посланы зернышки Мак-Коули, Парамору и Джону Свейну из Сент-Августина.

9-го. Мак-Коули убрался.

10-го. Джон Свейн убрался.

12-го. Посетили Парамора. Все в порядке.

— Благодарю вас, — сказал Холмс, складывая бумагу и возвращая ее нашему посетителю. — Теперь вы не должны терять ни минуты. Мы даже не можем тратить время на обсуждение того, что вы мне сообщили. Вы должны немедленно вернуться домой и действовать.

— Что я должен делать?

— Есть только одно дело, и оно должно быть выполнено немедленно. Вы должны положить бумагу, которую только что нам показали, в латунную шкатулку, описанную вами. Вы должны приложить записку и в ней сообщить, что все остальные бумаги были сожжены вашим дядей и остался только этот лист. Вы должны заявить это словами, внушающими доверие. Написав такое письмо, немедленно поставьте шкатулку на диск солнечных часов, как вам указано. Вы

понимаете?

— Вполне понимаю.

— Не думайте в настоящее время о мести или о чем-либо подобном. Я полагаю, что этого мы могли бы добиться законным путем, но ведь нам еще предстоит сплести свою сеть, тогда как их сеть уже сплетена. Прежде всего надо отстранить непосредственную опасность, угрожающую вам. А затем уже выяснить это таинственное дело и наказать виновных.

— Благодарю вас, — сказал молодой человек, вставая и надевая плащ. — Вы вернули мне жизнь и надежду. Я поступлю так, как вы мне советуете.

— Не теряйте ни минуты. И главное, берегите себя, так как не может быть сомнения, что вам угрожает весьма реальная и большая опасность. Каким путем вы думаете вернуться домой?

— Поездом, с вокзала Ватерлоо.

— Еще нет девяти часов. На улицах будет очень людно, так что, я надеюсь, вы будете в безопасности. И все же вы должны очень остерегаться врагов.

— Я вооружен.

— Это хорошо. Завтра я примусь за ваше дело.

— Значит, я увижу вас в Хоршеме?

— Нет, секрет вашего дела — в Лондоне, и здесь я буду его искать.

— В таком случае, я приду к вам через день или два и сообщу все, что будет выяснено насчет шкатулки и бумаг. Я в точности выполню все ваши советы.

Он пожал нам руки и простился.

Ветер по-прежнему завывал и дождь стучал в окна. Казалось, этот странный рассказ навеян обезумевшей стихией, занесен к нам, как морская трава заносится бурей, и теперь снова поглощен ею.

Холмс сидел некоторое время молча, опустив голову и устремив взгляд на красное пламя камина. Затем он закурил трубку и, откинувшись на спинку кресла, стал следить за синими кольцами дыма, которые нагоняли друг друга под потолком.

His eyes bent upon the red glow of the fire.

— Я думаю, Уотсон, — заметил он наконец, — что в нашей практике не было более опасного и фантастического дела.

— Но вы составили себе определенное представление о характере этих опасностей? — спросил я.

— Здесь не может быть сомнения относительно их характера, — ответил он.

— Но в чем дело? Кто этот К. К. К. и почему он преследует несчастную семью?

Шерлок Холмс закрыл глаза и, опершись на подлокотники кресла, соединил концы пальцев.

— Истинный мыслитель, — заметил он, — увидев один-единственный факт во всей полноте, может вывести из него не только всю цепь событий, приведших к нему, но также и все последствия, вытекающие из него. Как Кювье[20] мог правильно описать целое животное на основании одной кости, так и наблюдатель, основательно изучивший одно звено в серии событий, должен быть в состоянии точно установить все остальные звенья — и предшествующие, и последующие. Но чтобы довести искусство мышления до высшей точки, необходимо, чтобы мыслитель мог использовать все установленные факты, а для этого ему нужны самые обширные познания. Если мне не изменяет память, вы в ранние дни нашей дружбы очень точно определили границы моих знаний.

— Да, — ответил я, смеясь, — это был необыкновенный документ. Я помню, что философия, астрономия и политика стояли под знаком нуля. Познание в ботанике — колеблющиеся, в геологии — глубокие, поскольку дело касается пятен грязи из любого района в пределах пятидесяти

---

[20] Примечания: ~ n_20 ~

Кювье (1769-1832) — знаменитый французский ученый, положивший начало палеонтологии (наука об ископаемых животных).

миль вокруг Лондона; в химии — эксцентрические; в анатомии — разрозненные; в области уголовной литературы и судебных отчетов — исключительные: при этом скрипач, боксер, владеет шпагой, юрист, отравляет себя кокаином и табаком. Таковы были главнейшие пункты моего анализа.

Холмс усмехнулся при последних словах.

— Что ж, я говорю сейчас, как говорил и тогда, что человек должен обставить чердачок своего мозга всем, что ему, вероятно, понадобится, а остальные знания он должен сложить в чулан при своей библиотеке, откуда может достать их в случае надобности. Для такого дела, какое было предложено нам сегодня вечером, мы, конечно, должны мобилизовать все доступные нам ресурсы. Дайте мне, пожалуйста, том на букву «К» из Американкой энциклопедии. Он стоит на полке, которая рядом с вами. Благодарю вас. Теперь обсудим все обстоятельства и посмотрим, какой можно сделать из них вывод. Начать мы должны с предположения, что у полковника Опеншоу были весьма серьезные причины, заставившие его покинуть Америку. В его годы люди не склонны нарушать все свои привычки и добровольно отказываться от прелестного климата Флориды

ради уединенной жизни в английском провинциальном городке. Его крайнее пристрастие к уединению в Англии подсказывает мысль, что он боялся кого-то или чего-то. Поэтому мы можем принять как рабочую гипотезу, что то был страх перед кем-то или чем-то, что заставило его покинуть Америку. О том, чего именно он боялся, мы можем судить только на основании зловещих писем, которые получали он и его наследники. Вы заметили почтовые штемпели этих писем?

— Первое было из Пондишерри, второе — из Данди и третье — из Лондона.

— Из Восточного Лондона! Какой вы можете сделать отсюда вывод?

— Это все океанские порты. По-видимому, писавший находился на борту корабля.

— Великолепно! У нас уже есть ключ. Вероятно, весьма вероятно, что писавший письма находился на борту корабля. А теперь посмотрим на это дело с другой стороны. В случае с Пондишерри прошло семь недель между угрозой и ее выполнением. В случае с Данди между угрозой и выполнением прошло всего три-четыре дня. Это вас наводит на какую-нибудь мысль?

— Большее расстояние, которое надо было в первом случае преодолеть.

— Но ведь письмо тоже должно было пройти большое расстояние.

— Тогда я не понимаю, в чем дело.

— Есть основание предполагать, что судно, на котором находится этот человек — или, может быть, их несколько, — парусное судно. Похоже на то, что они всегда посылали свои странные предупреждения или знаки перед тем, как отправиться на выполнение своего дела. Вы видите, как быстро дело последовало за предупреждением, посланным из Данди. Если бы они ехали из Пондишерри пароходом, они прибыли бы почти одновременно с письмом. Но прошло семь недель. Я думаю, что семь недель представляют разницу между скоростью почтового парохода, доставившего письмо, и скоростью парусника, доставившего автора письма.

— Это возможно.

— Это более чем возможно. Это вероятно. Теперь вы видите смертельную опасность в нашем последнем деле и понимаете, почему я настаивал, чтобы молодой Опеншоу был осторожен. Удар всегда настигал к концу срока, который нужен был отправителям письма, чтобы пройти расстояние на паруснике. Но ведь это письмо послано из Лондона, и поэтому мы не можем рассчиты-

вать на отсрочку!

— Боже мой! — воскликнул я. — Что значит это беспощадное преследование?

— Очевидно, бумаги, увезенные Опеншоу, представляют жизненный интерес для человека или людей, находящихся на паруснике. Полагаю, что там не один человек. Один человек не мог бы совершить два убийства таким образом, чтобы ввести в заблуждение судебное следствие. В этом должно было участвовать несколько человек, притом изобретательных и решительных. Свои бумаги они решили получить, в чьих бы руках те ни находились. Таким образом, вы видите что «К. К. К.» перестают быть инициалами человека, а становятся знаком целого общества.

— Но какого общества?

— Вы никогда не слышали о Ку-клукс-клане? — сказал Шерлок Холмс, нагибаясь и понижая голос.

— Никогда не слышал.

Холмс перелистал страницы тома, лежавшего у него на коленях:

— Вот что здесь говорится:

> «Ку-Клукс-Клан — название, происходящее от сходства со звуком взводимого

затвора винтовки. Это ужасное тайное общество было создано бывшими солдатами Южной армии после гражданской войны и быстро образовало местные отделения в различных штатах, главным образом в Теннесси, в Луизиане, в обеих Каролинах, в Джорджии и Флориде. Это общество использовало свои силы в политических целях, главным образом для того, чтобы терроризировать негритянских избирателей, а также для убийства или изгнания из страны тех, кто противился его взглядам. Их преступлениям обычно предшествовало предупреждение, посылаемое намеченному лицу в фантастической, но широко известной форме: в некоторых частях страны — дубовые листья, в других — семена дыни или зернышки апельсина. Получив это предупреждение, человек должен был либо открыто отречься от прежних взглядов, либо покинуть страну. Если он не обращал внимания на предупреждение, его неизменно постигала смерть, обычно странная и непредвиденная. Общество было так хорошо организовано и его мето-

ды были настолько продуманны, что едва ли известен хоть один случай, когда человеку удалось безнаказанно пренебречь предупреждением или когда были раскрыты виновники злодеяния. Несколько лет организация процветала, несмотря на усилия правительства Соединенных Штатов и прогрессивных кругов Юга. В 1869 году движение неожиданно прекратилось, хотя отдельные вспышки расовой ненависти наблюдались и позже…»

— Заметьте, — сказал Холмс, откладывая том энциклопедии, — что внезапное прекращение деятельности общества совпало с отъездом из Америки Опеншоу, когда он увез с собой бумаги этой организации. Весьма возможно, что тут налицо и причина и следствие. Не приходится удивляться, что за молодым Опеншоу и его семьей следят беспощадные люди. Вы понимаете, что эта опись и дневники могут опорочить виднейших деятелей Юга и что многие не заснут спокойно, пока эти бумаги не будут у них в руках?

— Значит, страница, которую мы видели…

— Такая, какую можно было ожидать. Если мне не изменяет память, там было написано: «По-

сланы зернышки А. Б. В.» — то есть послали им предупреждение. Затем последовательно идут записи, что А и Б убрались, то есть покинули страну, и что В навестили. Боюсь, это плохо кончилось для В. Я думаю, доктор, нам удастся пролить некоторый свет на это темное дело. А тем временем единственное спасение для молодого Опеншоу — действовать так, как я ему посоветовал. Сегодня ничего больше мы не можем ни сказать, ни сделать… Передайте мне мою скрипку, и попытаемся на полчаса забыть отвратительную погоду и еще более отвратительные поступки людей.

К утру буря стихла, и солнце тускло светило сквозь туманный покров, нависший над Лондоном. Шерлок Холмс уже завтракал, когда я спустился вниз.

— Извините, что я начал без вас, — сказал он. — Я предвижу, что мне придется много поработать по делу молодого Опеншоу.

— Какие шаги вы собираетесь предпринять? — спросил я.

— Это в значительной степени зависит от результатов моих первых расследований. Может быть, мне придется еще съездить в Хоршем.

— Вы не собираетесь прежде всего поехать туда?

— Нет, я начну с Сити. Позвоните, и служанка принесет нам кофе.

В ожидании кофе я взял со стола газету и стал бегло просматривать ее. Я увидел заголовок, от которого у меня похолодело сердце.

— Холмс, — воскликнул я, — вы опоздали!

— А-а! — сказал он, отставляя чашку. — Я опасался, что так и будет. Как это произошло?

Он говорил спокойно, но я видел, что он глубоко взволнован.

«Holmes,» I cried, «you are too late.»

Мне бросилось в глаза имя Опеншоу и заголовок: «Трагедия у моста Ватерлоо». Вот что было

написано:

«Вчера между девятью и десятью вечера констебль Кук, дежуривший у моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск воды. Однако ночь была очень темная, бушевала буря, так что, несмотря на смелые попытки нескольких прохожих, оказалось невозможным спасти тонувшего. Был дан сигнал тревоги, и с помощью речной полиции тело удалось найти. Это был молодой джентльмен, имя которого, как видно по конверту, найденному в его кармане, Джон Опеншоу, проживавший вблизи Хоршема. Предполагают, что он спешил к последнему поезду, отходившему со станции Ватерлоо, и что в спешке при исключительной темноте сбился с дороги и шагнул через край одной из маленьких пристаней речного пароходства. На теле не было обнаружено следов насилия, и не может быть сомнения в том, что покойный оказался жертвой несчастного случая; это должно заставить власти обратить внимание на состояние речных пристаней».

Несколько минут мы сидели молча. Я никогда не видел Холмса таким угнетенным.

— Это наносит удар моему самолюбию, — сказал он наконец. — Бесспорно, самолюбие мелкое чувство, но с этим ничего не поделаешь. Теперь это становится для меня личным делом, и если бог пошлет мне здоровье, я выловлю всю банду. Он пришел ко мне за помощью, и я же послал его на смерть!

Он вскочил со стула, зашагал по комнате с пылающим румянцем на бледном лице, нервно сжимая и разжимая свои длинные, тонкие пальцы.

— Хитрые дьяволы! — выкрикнул он наконец. — Как им удалось заманить его туда, вниз, к реке? Набережная не лежит по дороге к станции. На мосту, конечно, даже в такую ночь было слишком людно. Ну, Уотсон, посмотрим, кто в конечном счете победит. Сейчас я пойду!

— В полицию?

— Нет, я сам буду полицией. Я сплету паутину, и пусть тогда полиция ловит в нее мух, но не раньше.

Весь день я был занят своей медицинской практикой и вернулся на Бейкер-стрит поздно вечером. Шерлок Холмс еще не приходил. Было

почти десять часов, когда он вошел, бледный и усталый. Он подошел к буфету и, отломив кусок хлеба, стал жадно жевать его, запивая большими глотками воды.

— Проголодались? — заметил я.

— Умираю от голода. Совершенно забыл поесть. С утреннего завтрака у меня не было во рту ни крошки.

— Ничего?

— Ни крошки. Мне некогда было об этом думать.

— А как ваши успехи?

— Хороши.

— Вы нашли ключ?

— Они у меня в руках. Молодой Опеншоу недолго останется неотмщенным. Знаете, Уотсон, поставим на них их собственное дьявольское клеймо! Разве это плохо придумано?

— Что вы хотите сказать?

Он взял из буфета апельсин, разделил его на дольки и выдавил на стол зернышки. Из них он взял пять и положил в конверт. На внутренней стороне конверта он написал: «Ш.Х. за Д.О.». Затем он запечатал конверт и адресовал его: «Капитану Джеймсу Келгуну, парусник „Одинокая звезда“. Саванна, Джорджия».

— Письмо будет ждать Келгуна, когда он войдет в порт, — сказал Холмс, тихо смеясь. — Это ему обеспечит бессонную ночь. Я уверен, что он сочтет письмо вестником той же судьбы, какая постигла Опеншоу.

— А кто этот капитан Келгун?

— Вожак всей шайки. Я доберусь и до других, но он будет первым.

— Как вы его обнаружили?

Он достал из кармана большой лист бумаги, сплошь исписанный датами и именами.

— Я провел весь день над ллойдовскими журналами и связками старых бумаг, прослеживая дальнейшую судьбу каждого корабля, прибывавшего в Пондишерри в январе и феврале 83 года. За эти месяцы было отмечено тридцать шесть судов значительного водоизмещения; из них одно судно, «Одинокая звезда», сразу привлекло мое внимание, так как местом отправления указан был Лондон, между тем «Одинокая звезда» — это прозвище одного из штатов Америки.

— Кажется, Техаса.

— Я не был в этом уверен, не уверен и сейчас. Но я знал, что это судно должно быть американского происхождения.

— И что же?

— Я просмотрел записи прихода и ухода судов в Данди, и, когда я обнаружил, что парусник «Одинокая звезда» был там в январе 85 года, мои подозрения обратились в уверенность. Тогда я навел справки относительно судов, находящихся в настоящее время в Лондонском порту.

— И что же?

— «Одинокая звезда» прибыла сюда на прошлой неделе. Я спустился к докам Альберта и узнал, что сегодня утром с ранним приливом «Одинокая звезда» ушла вниз по реке, чтобы последовать обратно в Саванну. Я телеграфировал в Гревзенд и узнал, что «Одинокая звезда» прошла там недавно, и так как ветер восточный, я не сомневаюсь, что она уже миновала Гудуин и находится недалеко от острова Уайт.

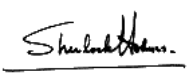
— Что же вы теперь сделаете?

— О, Келгун теперь в моих руках! Он и два матроса, как я узнал, — единственные американцы на корабле. Все остальные финны и немцы. Я знаю также, что прошлую ночь все трое провели не на судне. Это мне сказал грузчик, который работал на погрузке «Одинокой звезды». Прежде чем парусник достигнет Саванны, почтовый пароход доставит мое письмо, а телеграф сообщит полиции в Саванне, что эти три джентльмена

крайне нужны здесь в связи с обвинением их в убийстве.

Однако в самых лучших человеческих планах всегда оказывается какая-нибудь трещина, и убийцам Джона Опеншоу не суждено было получить зернышки апельсина, которые показали бы им, что другой человек, такой же хитрый и решительный, как они, напал на их след.

В том году равноденственные штормы были очень продолжительны и жестоки. Мы долго ждали из Саванны вестей об «Одинокой звезде», но так и не дождались. Наконец мы узнали, что где-то далеко, в Атлантике, видели разбитую корму корабля, залитую волной; на ней были вырезаны буквы «О. З.». Это все, что суждено было нам узнать о судьбе «Одинокой звезды».



Человек с рассеченной губой

The Man with the Twisted Lip
First published in the Strand Magazine, Dec. 1891,
with 10 illustrations by Sidney Paget.

Айза Уитни приучился курить опий. Еще в колледже, прочитав книгу де Куинси, в которой описываются сны и ощущения курильщика опия, он начал подмешивать опий к своему табаку, чтобы пережить то, что пережил этот писатель. Как и многие другие, он скоро убедился, что начать курить гораздо легче, чем бросить, и в продолжение многих лет был рабом своей страсти, внушая сожаление и ужас всем своим друзьям. Я так и вижу перед собой его желтое, одутловатое лицо, его глаза с набрякшими веками и сузившимися зрачками, его тело, бессильно лежащее в кресле, — жалкие развалины человека.

Однажды вечером, в июне 1889 года, как раз в то время, когда начинаешь уже зевать и посматривать на часы, в квартире моей раздался звонок. Я выпрямился в кресле, а жена, опустив свое шитье на колени, недовольно поморщилась.

— Пациент! — сказала она. — Тебе придется идти к больному.

Я вздохнул, потому что незадолго до этого вернулся домой после целого дня утомительной работы.

Мы услышали шум отворяемой двери и чьи-то торопливые шаги в коридоре. Дверь нашей комнаты распахнулась, и вошла дама в темном платье, с черной вуалью на лице.

— Извините, что я ворвалась так поздно, — начала она и вдруг, потеряв самообладание, бросилась к моей жене, обняла ее и зарыдала у нее на плече. — Ох, у меня такое горе! — воскликнула она. — Мне так нужна помощь!

— Да ведь это Кэт Уитни, — сказала жена, приподняв ее вуаль. — Как ты испугала меня, Кэт! Мне и в голову не пришло, что это ты.

— Я обращаюсь к тебе, потому что не знаю, что делать.

Это было обычным явлением. Люди, с которыми случалась беда, устремлялись к моей жене, как птицы к маяку.

— И правильно поступила. Садись поудобнее, выпей вина с водой и рассказывай, что случилось. Может быть, ты хочешь, чтобы я отправила Джеймса спать?

— О нет, нет! От доктора я тоже жду совета и помощи. Дело идет об Айзе. Вот уже два дня, как его нет дома. Я так боюсь за него!

Не в первый раз беседовала она с нами о своем несчастном муже — со мной как с доктором, а с женой как со своей старой школьной подругой. Мы утешали и успокаивали ее как могли. Знает ли она, где находится ее муж? Нельзя ли съездить за ним и привезти его домой?

Оказалось, что это вполне возможно. Ей было известно, что за последнее время он обычно курил опий в притоне, который находился на одной из восточных улиц Сити. До сих пор его оргии всегда ограничивались одним днем и к вечеру он возвращался домой в полном изнеможении, совершенно разбитый, но на этот раз он отсутствует уже сорок восемь часов и, конечно, лежит там среди всяких подозрительных личностей, вдыхая яд или отсыпаясь после курения. Она была убеждена, что он находился именно там, в «Золотом самородке» на Эппер-Суондем-лейн. Но что она может сделать? Как может она, молодая, застенчивая, робкая женщина, войти в такое место и вырвать своего мужа из толпы подонков?

Не пойти ли нам с ней вместе? Впрочем, зачем ей идти? Я лечил Айзу Уитни и, как доктор,

мог повлиять на него. Без нее мне будет легче справиться с ним. Я дал ей слово, что в течение ближайших двух часов усажу ее мужа в кэб и отправлю домой, если он действительно находится в «Золотом самородке».

Через десять минут, покинув уютную гостиную, я уже мчался в экипаже на восток. Я знал, что мне предстоит довольно необычное дело, но в действительности оно оказалось еще более странным, чем я ожидал.

Сначала все шло хорошо. Эппер-Суондем-лейн — грязный переулок, расположенный позади высоких верфей, которые тянутся на восток вдоль северного берега реки, вплоть до Лондонского моста. Притон, который я разыскивал, находился в подвале между грязной лавкой и кабаком; в эту черную дыру, как в пещеру, вели крутые ступени. Посередине каждой ступеньки образовалась ложбинка — такое множество пьяных ног спускалось и поднималось по ним.

Приказав кэбу подождать, я спустился вниз. При свете мигающей керосиновой лампочки, висевшей над дверью, я отыскал щеколду и вошел в длинную низкую комнату, полную густого коричневого дыма; вдоль стен тянулись деревянные нары, как на баке эмигрантского корабля.

Сквозь мрак я не без труда разглядел безжизненные тела, лежащие в странных, фантастических позах: со сгорбленными плечами, с поднятыми коленями, с запрокинутыми головами, с торчащими вверх подбородками. То там, то тут замечал я темные, потухшие глаза, бессмысленно уставившиеся на меня. Среди тьмы вспыхивали крохотные красные огоньки, тускневшие по мере того, как уменьшалось количество яда в маленьких металлических трубках. Большинство лежали молча, но иные бормотали что-то себе под нос, а иные вели беседы странными низкими монотонными голосами, то возбуждаясь и торопясь, то внезапно смолкая, причем никто не слушал своего собеседника — всякий был поглощен лишь собственными мыслями. В самом дальнем конце подвала стояла маленькая жаровня с пылающими углями, возле которой на трехногом стуле сидел высокий, худой старик, опустив подбородок на кулаки, положив локти на колени и неподвижно глядя в огонь.

Как только я вошел, ко мне кинулся смуглый малаец, протянул мне трубку, порцию опия и показал свободное место на нарах.

— Спасибо, я не могу здесь остаться, — сказал я. — Здесь находится мой друг, мистер Айза Уит-

ни. Мне нужно поговорить с ним.

Справа от меня что-то шевельнулось, я услышал чье-то восклицание и, вглядевшись во тьму, увидел Уитни, который пристально смотрел на меня, бледный, угрюмый и какой-то встрепанный.

— Боже, да это Уотсон! — проговорил он.

Он находился в состоянии самой плачевной реакции после опьянения.

— Который теперь час, Уотсон?

— Скоро одиннадцать.

— А какой нынче день?

— Пятница, девятнадцатое июня.

— Неужели? А я думал, что еще среда. Нет, сегодня среда. Признайтесь, что вы пошутили. И что вам за охота пугать человека!

Он закрыл лицо ладонями и зарыдал.

— Говорю вам, что сегодня пятница. Ваша жена ждет вас уже два дня. Право, вам должно быть стыдно!

— Я и стыжусь. Но вы что-то путаете, Уотсон, я здесь всего несколько часов. Три трубки… четыре трубки… забыл сколько! Но я поеду с вами домой. Я не хочу, чтобы Кэт волновалась… Бедная маленькая Кэт! Дайте мне руку. Есть у вас кэб?

— Есть. Ждет у дверей.

— В таком случае, я уеду сейчас же. Но я им должен. Узнайте, сколько я должен, Уотсон. Я совсем размяк и ослабел. Нет сил даже расплатиться.

Staring into the fire.

По узкому проходу между двумя рядами спящих, задерживая дыхание, чтобы не вдыхать одуряющих паров ядовитого зелья, я отправился разыскивать хозяина. Поровнявшись с высоким стариком, сидевшим у жаровни, я почувствовал, что меня кто-то дергает за пиджак, и услышал шепот:

— Пройдите мимо меня, а потом оглянитесь.

Эти слова я расслышал вполне отчетливо. Их мог произнести только находившийся рядом со мной старик. Однако у него по-прежнему был такой вид, будто он погружен в себя и ничего кругом не замечает. Он сидел тощий, сморщенный, согбенный под тяжестью лет; трубка с опием висела у него между колен, словно вывалившись из его обессиленных пальцев. Я сделал два шага вперед и оглянулся. Мне понадобилось все мое самообладание, чтобы не вскрикнуть от удивления. Он повернулся так, что лица его не мог видеть никто, кроме меня. Спина его выпрямилась, морщины разгладились, в тусклых глазах появился их обычный блеск. Возле огня сидел, посмеиваясь над моим удивлением, не кто иной, как Шерлок Холмс. Он сделал мне украдкой знак, чтобы я подошел к нему, и опять превратился в дрожащего старика с отвислой губой.

«Holmes!» I whispered.

— Холмс! — прошептал я. — Что делаете вы в этом притоне?

— Говорите как можно тише, — прошептал он, — у меня превосходный слух. Если вы избавитесь от вашего ошалелого друга, я буду счастлив немного побеседовать с вами.

— Меня за дверью ждет кэб.

— Так отправьте вашего друга домой одного в этом кэбе. Вы можете за него не бояться, так как он слишком слаб, чтобы впутаться в какой-нибудь скандал. Будет лучше всего, если вы пошлете с кучером записку вашей жене, что вы встретили

меня и остались со мной. Подождите меня на улице, я выйду через пять минут.

Трудно отказать Шерлоку Холмсу: его требования всегда так определенны и точны и выражены таким повелительным тоном. К тому же я чувствовал, что, как только я усажу Уитни в кэб, я уже выполню все свои обязательства по отношению к нему и мне уже ничто не помешает принять участие в одном из тех необычайных приключений, которые составляли повседневную практику моего знаменитого друга.

Помогать Шерлоку Холмсу в его изысканиях было для меня наивысшим счастьем. Поэтому я тотчас же написал записку жене, заплатил за Уитни, усадил его в кэб и стал терпеливо ждать неподалеку от дома. Кэб сразу же скрылся во мраке. Через несколько минут из курильни вышел старик, и я зашагал за ним по улице. Два квартала он прошел не разгибая спины и неуверенно шаркая старческими ногами. Потом торопливо оглянулся, выпрямился и от души захохотал. Предо мною был Шерлок Холмс.

— Вероятно, Уотсон, — оказал он, — вы вообразили, что я пристрастился к курению опия.

— По правде сказать, я действительно был удивлен, когда увидел вас в этой трущобе.

— И все же я удивился еще больше, чем вы, когда увидел в этой трущобе вас.

— Я искал там друга.

— А я — врага.

— Врага?

— Да. Короче говоря, Уотсон, я занят чрезвычайно любопытным делом и надеялся узнать кое-что из бессвязной болтовни очумелых курильщиков опия. Прежде мне это иногда удавалось. Если бы меня узнали в той трущобе, жизнь моя не стоила бы медяка, так как я уже бывал там не раз и негодяй ласкар, хозяин притона, поклялся расправиться со мною. На задворках этого дома, возле верфи святого Павла, есть потайная дверца, которая могла бы порассказать много диковинных историй о том, что выбрасывают через нее в черные, безлунные ночи.

— Неужели трупы?

— Да, Уотсон, трупы. Мы с вами были бы миллионерами, если бы получили по тысяче фунтов за каждого несчастного, убитого в этом притоне. Это самая страшная ловушка на всем берегу реки, и я опасаюсь, что Невилл Сент-Клер, попавший в нее, никогда не вернется домой. Но мы тоже устроим ловушку.

Шерлок Холмс сунул два пальца в рот и резко

свистнул. Тотчас же издалека донесся такой же свист, а затем мы услышали грохот колес и стук копыт.

— Ну что же, Уотсон, — сказал Холмс, когда из темноты вынырнула двуколка с двумя фонарями, бросавшими яркие полосы света, — поедете вы со мною?

— Если буду вам полезен…

— Верный товарищ всегда полезен. В моей комнате в «Кедрах» имеются две кровати.

— В «Кедрах»?

— Да. Так называется дом мистера Сент-Клера. Я буду жить в его доме, пока не распутаю это дело.

— Где же этот дом?

— В Кенте, неподалеку от Ли. Нам нужно проехать семь миль.

— Ничего не понимаю.

— Вполне естественно. Сейчас я вам все объясню. Садитесь… Хорошо, Джон, вы нам больше не нужны. Вот вам полкроны. Ждите меня завтра часов в одиннадцать. Дайте мне вожжи. Прощайте.

Он хлестнул лошадь, и мы понеслись по бесконечным темным, пустынным улицам и наконец очутились на каком-то широком мосту, под которым медленно текли мутные воды реки. За мостом были такие же улицы с кирпичными

домами; тишина этих улиц нарушалась только тяжелыми размеренными шагами полицейских да песнями и криками запоздалых гуляк.

He flicked the horse with his whip.

Черные тучи медленно ползли по небу, и в разрывах между ними то там, то здесь тускло мерцали звезды. Холмс молча правил лошадью, в глубокой задумчивости опустив голову на грудь, а я сидел рядом с ним, стараясь отгадать, что занимает его мысли, и не смея прервать его раздумье. Мы проехали несколько миль и уже пересекали

пояс пригородных вилл, когда он наконец очнулся, передернул плечами и закурил трубку.

— Вы наделены великим талантом молчания, Уотсон, — сказал он. — Благодаря этой способности вы незаменимый товарищ. Однако сейчас мне нужен человек, с которым я мог бы поболтать, чтобы разогнать неприятные мысли. Представления не имею, что я скажу этой маленькой милой женщине, когда она встретит меня на пороге.

— Вы забываете, что я ничего не знаю.

— У меня как раз хватит времени рассказать вам все, пока мы доедем до Ли. Дело кажется до смешного простым, а между тем я не знаю, как за него взяться. Нитей много, но ни за одну из них я не могу ухватиться как следует. Я расскажу вам все, Уотсон, и, быть может, вам удастся найти хоть искру света в окружающем мраке.

— Рассказывайте.

— Несколько лет назад — точнее, в мае 1884 года — в Ли появился джентльмен по имени Невилл Сент-Клер, который, видимо, имел много денег. Он снял большую виллу, разбил вокруг нее прекрасный сад и зажил на широкую ногу, по-барски. Мало-помалу он подружился с соседями и в 1887 году женился на дочери местного пивовара, от которой теперь имеет уже двоих

детей. Определенных занятий у него нет, но он прянимает участие в нескольких коммерческих предприятиях и обычно каждое утро ездит в город, возвращаясь оттуда с поездом 5.14. Мистеру Сент-Клеру теперь тридцать семь лет. Живет он скромно; он хороший муж и любящий отец; люди, встречавшиеся с ним, отзываются о нем превосходно. Могу еще прибавить, что долгов у него всего восемьдесят восемь фунтов десять шиллингов, а в банке на его текущем счету двести двадцать фунтов стерлингов. Следовательно, нет оснований предполагать какие-нибудь денежные затруднения.

В прошлый понедельник мистер Невилл Сент-Клер отправился в город раньше обычного, сказав перед отъездом, что у него два важных дела и что он привезет своему сынишке коробку с кубиками. Случайно в тот же самый понедельник, вскоре после его отъезда, жена его получила телеграмму, что на ее имя в Эбердинском пароходном обществе получена небольшая, но весьма ценная посылка, которую она ожидала уже давно. Если вы хорошо знаете Лондон, вам известно, что контора этого пароходного общества помещается на Фресно-стрит, которая упирается в Эппер-Суондем-лейн, где вы нашли меня сегодня вечером.

Миссис Сеит-Клер позавтракала, отправилась в город, сделала кое-какие покупки, заехала в кантору общества, получила там свою посылку и в четыре часа тридцать пять минут шла по Суондем-лейн, направляясь к вокзалу… До сих пор вам все ясно, не правда ли?

— Конечно, здесь нет ничего непонятного.

— Если помните, в понедельник было очень жарко, и миссис Сент-Клер шла медленно, поглядывая, нет ли где кэба, так как ей очень не понравился район города, в котором она очутилась. И вот, идя по Суондем-лейп, она внезапно услышала крик и вся похолодела, увидев своего мужа, который смотрел на нее из окна второго этажа какого-то дома и, как ей показалось, жестами звал ее к себе. Окно было раскрыто, и она ясно разглядела лицо мужа, показавшееся ей чрезвычайно взволнованным. Он протянул к ней обе руки и вдруг исчез так внезапно, будто его насильно оттащили от окна. Однако ее зоркий женский взгляд успел заметить, что, хотя он одет в тот же черный пиджак, в котором он уехал из дому, на нем нет ни воротничка, ни галстука.

Уверенная, что с мужем случилась беда, она сбежала вниз по ступенькам (дом был тот самый, в котором помещается трущоба, где вы

нашли меня нынче вечером) и, пробежав через переднюю комнату, попыталась подняться по лестнице, ведущей в верхние этажи. Но у лестницы она наткнулась на негодяя Ласкара, о котором я вам сейчас говорил. Ласкар с помощью своего подручного выставил ее на улицу. У него есть подручный, датчанин. Обезумев от ужаса, она побежала по улице и, к счастью, на Фресно-стрит встретила полицейских, которые совершали обход во главе с инспектором.

At the foot of the stairs she met this Lascar scoundrel.

Инспектор с двумя констеблями последовал за миссис Сент-Клер, и, несмотря на упорное сопротивление хозяина, им удалось проникнуть в ту комнату, в окне которой она видела мужа. Но здесь его не оказалось. Во всем этаже не нашли никого, кроме какого-то калеки отвратительной внешности, который, видимо, там и живет. И он и ласкар упорно клялись, что тут никого больше не было. Они так решительно все отрицали, что инспектор стал было уже сомневаться, не ошиблась ли миссис Сент-Клер, как вдруг она с криком кинулась к небольшому деревянному ящичку, стоявшему на столе, и сорвала с него крышку. Из ящичка посыпались детские кубики. То была игрушка, которую ее муж обещал привезти из города.

Эта находка и внезапное смущение калеки убедили инспектора в серьезности дела. Комнаты были тщательно обысканы, и обыск привел к открытию гнусного преступления.

Убранство этой квартиры, конечно, убогое. Передняя комната представляет собою что-то вроде гостиной, а рядом с ней помещается небольшая спальня, окно которой выходит на задворки од-

ной из верфей. Между верфью и окном спальни есть узкий канал, который высыхает во время отлива, а во время прилива наполняется водой на четыре с половиной фута. Окно в спальне широкое и открывается снизу.

При осмотре были обнаружены на подоконнике следы крови; несколько кровавых пятен нашли также и на деревянном полу. За шторой в передней комнате удалось обнаружить всю одежду мистера Невилла Сент-Клера. Не было только его пиджака. Его ботинки, его носки, его шляпа, его часы — все оказалось тут. На одежде не нашли никаких следов насилия. Но сам мистер Невилл Сент-Клер бесследно исчез. Исчезнуть он мог только через окно, и зловещие кровавые пятна на подоконнике ясно указывали, что вряд ли ему удалось спастись вплавь, тем более что в тот час, когда совершалась трагедия, прилив достиг наивысшего уровня.

Теперь обратимся к негодяям, на которых падает подозрение. Ласкар известен как человек с темным прошлым, но из рассказа миссис Сент-Клер мы знаем, что через несколько мгновений после появления ее мужа в окне он находился внизу, и, следовательно, его можно считать лишь соучастником преступления. Он отрицает всякую

свою причастность к этому делу. По его словам, у него нет ни малейшего представления о том, чем вообще занимается его жилец, Хью Бун. Появление в комнате одежды пропавшего джентльмена — для него полнейшая загадка.

Вот все, что известно о хозяине-ласкаре. Теперь обратимся к угрюмому калеке, который живет во втором этаже над притоном и безусловно является последним человеком, видевшим Невилла Сент-Клера. Его зовут Хью Бун, и его безобразное лицо хорошо знает всякий, кому приходится часто бывать в Сити. Он профессиональный нищий; впрочем, для того чтобы обойти полицейские правила, он делает вид, будто продает восковые спички.

He is a professional beggar.

Как вы, вероятно, не раз замечали, на левой стороне Трэд-Нидл-стрит есть ниша. В этой нише сидит калека, поджав ноги и разложив у себя на коленях несколько спичечных коробков; вид его вызывает сострадание, и дождь милостыни так и льется в грязную кожаную кепку, которая лежит перед ним на мостовой. Я не раз наблюдал за ним, еще не предполагая, что нам когда-нибудь придется познакомиться с ним, как с преступником, и всегда удивлялся тому, какую обильную жатву он собирает в самое короткое время. У него такая незаурядная внешность, что никто не мо-

жет пройти мимо, не обратив на него внимания. Оранжево-рыжие волосы, бледное лицо, изуродованное чудовищным шрамом, нижний конец которого рассек надвое верхнюю губу, бульдожий подбородок и проницательные темные глаза, цвет которых представляет такой резкий контраст с цветом его волос, — все это выделяет его из серой толпы попрошаек. У него всегда наготове едкая шутка для каждого, кто, проходя мимо, попытается задеть его насмешливым словом.

Таков обитатель верхнего этажа этой подозрительней курильни… После него никто уже не видел джентльмена, которого мы разыскиваем.

— Но ведь он калека! — сказал я. — Как мог он один совладать с сильным, мускулистым молодым человеком?

— У него искалечена только нога, и он слегка прихрамывает на ходу, вообще же он здоровяк и силач. Вы, Уотсон, как медик, конечно, знаете, что часто слабость одной конечности возмещается необычайной силой других.

— Пожалуйста, рассказывайте дальше.

— При виде крови на подоконнике миссис Сент-Клер стало дурно, и ее отправили домой в сопровождении полицейского, тем более что для дальнейшего расследования ее присутствие не

было необходимо. Инспектор Бартон, принявший на себя ведение этого дела, тщательно обыскал весь притон, но не нашел ничего нового. Сделали ошибку: не арестовали Буна в первую же минуту и тем самым предоставили ему возможность в течение нескольких минут обменяться двумя-тремя словами со своим другом, ласкаром. Однако ошибка эта была скоро исправлена: Буна схватили и обыскали. Но обыск не дал никаких улик против него. Правда, на правом рукаве его рубашки оказались следы крови, но он показал полицейским свой безымянный палец, на котором был порез возле самого ногтя, и прибавил, что следы крови на подоконнике, вероятно, являются следствием того же пореза, так как он подходил к окну, когда у него из пальца шла кровь. Он упорно утверждал, что никогда не видел мистера Сент-Клера, и клялся, что присутствие одежды этого джентльмена у него в комнате — такая же тайна для него, как и для полиции. А когда ему передали, что миссис Сент-Клер видела своего мужа в окне его комнаты, он сказал, что это ей либо почудилось в припадке безумия, либо просто приснилось. Буна отвели в участок. Он громко протестовал. Инспектор остался поджидать отлива, надеясь обнаружить на дне капала

какие-нибудь новые улики. И действительно, в липкой грязи, на самом дне, нашли кое-что, но совсем не то, что они с таким страхом ожидали найти. Когда отхлынула вода, они обнаружили в канале не самого Невилла Сент-Клера, а лишь пиджак Невилла Сент-Клера. И как вы думаете, что они нашли в карманах пиджака?

— Представить себе не могу.

— Я и не думаю, чтобы вы могли угадать. Все карманы были набиты монетами в пенни и в полпенни — четыреста двадцать одно пенни и двести семьдесят полпенни. Неудивительно, что отлив не унес пиджака. А вот труп — дело другое. Между домом и верфью очень сильное течение. Вполне допустимо, что труп был унесен в реку, в то время как тяжеловесный пиджак остался на дне.

— Но, если не ошибаюсь, всю остальную одежду нашли в комнате. Неужели на трупе был один лишь пиджак?

— Нет, сэр, но этому можно найти объяснение. Предположим, что Бун выбросил Невилла Сент-Клера через окно и этого никто не видел. Что стал бы он делать дальше? Естественно, что первым долгом он попытался бы избавиться от одежды, которая могла его выдать. Он берет пиджак, хо-

чет выбросить его за окно, но тут ему приходит в голову, что пиджак не потонет, а поплывет. Он страшно торопится, ибо слышит суматоху на лестнице, слышит, как жена Сент-Клера требует, чтобы ее пустили к мужу, да вдобавок, быть может, его сообщник ласкар предупреждает его о приближении полиции. Нельзя терять ни минуты. Он кидается в укромный угол, где спрятаны плоды его нищенства, и набивает карманы пиджака первыми попавшимися под руку монетами. Затем он выбрасывает пиджак и хочет выбросить остальные вещи, но слышит шум шагов на лестнице и перед появлением полиции едва успевает захлопнуть окно.

He stuffs all the coins into the pockets.

— Это правдоподобно.

— Примем это как рабочую гипотезу, за неимением лучшего… Бун, как я вам уже говорил, был арестован и приведен в участок. Прежняя его жизнь, в сущности, безупречна. Правда, в продолжение многих лет он был известен как профессиональный нищий, но жил спокойно и ни в чем дурном замечен не был.

Вот в каком положении находится все это дело в настоящее время. Как видите, по-прежнему остаются нерешенными вопросы о том, что де-

лал Невилл Сент-Клер в этой курильне опия, что там с ним случилось, где он теперь и какое отношение имеет Хью Бун к его исчезновению. Должен признаться, что не помню случая в моей практике, который на первый взгляд казался бы таким простым и был бы в действительности таким трудным.

Пока Шерлок Холмс рассказывал мне подробности этих удивительных происшествий, мы миновали предместье огромного города, оставили позади последние дома и покатили по дороге, с обеих сторон которой тянулись деревенские плетни. Как раз к тому времени, как мы очутились в деревне, весь его рассказ был закончен. Кое-где в окнах мерцали огни.

— Мы въезжаем в Ли, — сказал мой приятель. — За время нашего небольшого путешествия мы побывали в трех графствах Англии: выехали из Миддлсекса, пересекли угол Сэрри и приехали в Кент. Видите те огоньки между деревьями? Это «Кедры». Там возле лампы сидит женщина, настороженный слух которой несомненно уже уловил стук копыт нашей лошади.

— Отчего, ведя это дело, вы живете тут, а не на Бейкер-стрит? — спросил я.

— Оттого, что многое приходится расследовать

здесь... Миссис Сент-Клер любезно предоставила в мое распоряжение две комнаты, и можете быть уверены, что она будет рада оказать гостеприимство моему другу, помогающему мне в моих розысках. О, как тяжело мне встречаться с ней, Уотсон, пока я не могу сообщить ей ничего нового о ее муже! Приехали! Тпру!..

Мы остановились перед большой виллой, окруженной садом. Передав лошадь выбежавшему нам навстречу конюху, мы с Холмсом пошли к дому по узенькой дорожке, посыпанной гравием. При нашем приближении дверь распахнулась, и у порога появилась маленькая белокурая женщина в светлом шелковом платье с отделкой из пышного розового шифона. Одной рукой она держалась за дверь, а другую подняла в нетерпении; нагнувшись вперед, полураскрыв губы, жадно глядя на нас, она, казалось, всем своим обликом спрашивала, что нового мы ей привезли.

— Ну? — громко спросила она.

Заметив, что нас двое, она радостно вскрикнула, но крик этот превратился в стон, когда товарищ мой покачал головой и пожал плечами.

— Узнали что-нибудь хорошее?

— Нет.

— А дурное?

— Тоже нет.

— И то слава богу. Но входите же. У вас был трудный день, вы, наверно, устали.

— Это мой друг, доктор Уотсон. Он был чрезвычайно полезен мне во многих моих расследованиях, и, по счастливой случайности, мне удалось привезти его сюда, чтобы воспользоваться его помощью в наших поисках.

— Рада вас видеть, — сказал она, приветливо пожимая мне руку. — Боюсь, что вам покажется у нас неуютно. Ведь вы знаете, какой удар внезапно обрушился на нашу семью…

— Сударыня, — сказал я, — я отставной солдат, привыкший к походной жизни, но, право, если бы даже я не был солдатом, вам не в чем было бы извиняться передо мною. Буду счастлив, если мне удастся принести пользу вам или моему другу.

— Мистер Шерлок Холмс, — сказала она, вводя нас в ярко освещенную столовую, где нас поджидал холодный ужин, — я хочу задать вам несколько откровенных вопросов и прошу вас ответить на них так же прямо и откровенно.

— Извольте, сударыня.

— Не щадите моих чувств. Со мной не бывает ни истерик, ни обмороков. Я хочу знать ваше настоящее, подлинное мнение.

— О чем?

— Верите ли вы в глубине души, что Невилл жив?

Шерлок Холмс, видимо, был смущен этим вопросом.

— Говорите откровенно, — повторила она, стоя на ковре и пристально глядя Холмсу в лицо.

— Говоря откровенно, сударыня, не верю.

— Вы думаете, что он умер?

— Да, думаю.

— Убит?

— Я этого не утверждаю.

— В какой же день он умер?

— В понедельник.

— В таком случае, мистер Холмс, будьте любезны объяснить мне, каким образом я могла получить от него сегодня это письмо?

«Frankly, now!» she repeated.

Шерлок Холмс вскочил с кресла, словно его ударило электрическим током.

— Что? — закричал он.

— Да, сегодня.

Она улыбалась, держа в руке листок бумаги.

— Можно прочитать?

— Пожалуйста.

Он выхватил письмо у нее из рук, разложил его на столе, разгладил и принялся внимательно рассматривать. Я поднялся с кресла и стал смотреть через его плечо. Конверт был простой, конторский; на конверте стоял почтовый штемпель Гревзенда; на штемпеле — сегодняшнее

или, вернее, вчерашнее число, так как полночь уже миновала.

— Грубый почерк, — пробормотал Холмс. — Уверен, что это почерк не вашего мужа, сударыня.

— Да, на конверте чужой почерк, но внутри — почерк моего мужа.

— Человеку, который надписывал конверт, пришлось наводить справки о вашем адресе.

— Откуда вы это знаете?

— Имя на конверте, как видите, выделяется своей чернотой, потому что чернила, которыми оно написано, высохли сами собою. Адрес же бледноват, потому что к нему прикладывали пресс-папье. Если бы надпись на конверте была сделана сразу и если бы ее всю высушили пресс-папье, все слова были бы одинаково серы. Этот человек написал на конверте сперва только ваше имя и лишь спустя некоторое время приписал к нему адрес, из чего можно заключить, что адрес не был ему вначале известен. Конечно, это пустяк, но в моей профессии нет ничего важнее пустяков. Дайте мне взглянуть на письмо… Ага! Туда было что-то вложено.

— Да, там было кольцо. Его кольцо с печатью.

— А вы уверены, что это почерк вашего мужа?

— Один из его почерков.

— Один из его почерков?

— Его почерк, когда он пишет второпях. Обычно он пишет совсем иначе, но и этот его почерк мне хорошо знаком.

— «Дорогая, не волнуйся. Все кончится хорошо. Произошла ошибка, на исправление которой требуется некоторое время. Жди терпеливо. Невилл»… Написано карандашом на листке, вырванном из блокнота. Гм! Отправлено сегодня из Гревзенда человеком, у которого большой палец чем-то выпачкан. Ха! Если не ошибаюсь, человек, заклеивавший конверт, жует табак… Вы убеждены, сударыня, что это почерк вашего мужа?

— Убеждена. Это письмо написал Невилл.

— Оно отправлено сегодня из Гревзенда. Что ж, миссис Сент-Клер, тучи рассеиваются, хотя я не могу сказать, что опасность уже миновала.

— Однако он жив, мистер Холмс!

— Если только это не ловкая подделка, чтобы направить нас на ложный след. Кольцо, в конце концов, ничего не доказывает. Кольцо могли отнять у него.

— Но это его, его, его почерк!

— Хорошо. Но что, если письмо написано в понедельник, а послано только сегодня?

— Это возможно.

— А за этот срок многое могло произойти.

— О, не отнимайте у меня моей радости, мистер Холмс! Я знаю, что с ним ничего не случилось. Мы с ним настолько близки, что я непременно почувствовала бы, если бы он попал в настоящую беду. За день до того, как он исчез, он порезал себе нечаянно палец. Я была в столовой, он — в спальне, и я сразу побежала к нему, чувствуя, что с ним случилась беда. Неужели вы думаете, что я не знала бы о его смерти, если даже такой пустяк способен повлиять на меня!

— Я человек опытный и знаю, что женское непосредственное чутье может быть иногда ценнее всяких логических выводов. И это письмо, конечно, служит важным указанием, что вы правы. Однако, если мистер Сент-Клер жив, если он может писать вам письма, отчего же он не с вами?

— Не знаю. И представить себе не могу.

— В понедельник, уезжая, он ни о чем вас не предупреждал?

— Нет.

— И вы очень удивились, увидев его на Суондем-лейн?

— Очень.

— Окно было открыто?

— Да.

— Он мог бы окликнуть вас из окна?

— Да.

— Между тем, насколько я понял, у него вырвалось только бессвязное восклицание?

— Да.

— Вы подумали, что он зовет вас на помощь?

— Да. Он махнул мне руками.

— Но, быть может, он вскрикнул от неожиданности. Он мог всплеснуть руками от изумления, что видит вас.

— Возможно.

— И вам показалось, что его оттащили от окна?

— Он исчез так внезапно…

— Он мог просто отскочить от окна. Вы никого больше не видели в комнате?

— Никого. Но ведь этот отвратительный нищий сам признался, что Невилл был там. А лаокар стоял внизу, у лестницы.

— Совершенно верно. Насколько вы могли разглядеть, ваш муж был одет, как всегда?

— Но на нем не было ни воротничка, ни галстука. Я отчетливо видела его голую шею.

— Он когда-нибудь говорил с вами о Суондемлейн?

— Никогда.

— А вы никогда не замечали каких-нибудь признаков, указывающих на то, что он курит опий?

— Никогда.

— Благодарю вас, миссис Сент-Клер. Это основные пункты, о которых я хотел знать всё. Теперь мы поужинаем и пойдем отдохнуть, так как весьма возможно, что завтра нам предстоит много хлопот.

В наше распоряжение была предоставлена просторная, удобная комната с двумя кроватями, и я сразу улегся, так как ночные похождения утомили меня. Но Шерлок Холмс, когда у него была какая-нибудь нерешенная задача, мог не спать по целым суткам и даже неделям, обдумывая ее, сопоставляя факты, рассматривая ее с разных точек зрения до тех пор, пока ему не удавалось либо разрешить ее, либо убедиться, что он находится на ложном пути. Я скоро понял, что он готовится просидеть без сна всю ночь. Он снял пиджак и жилет, надел синий просторный халат и принялся собирать в одну кучу подушки с кровати, с кушетки и с кресел. Из этих подушек он соорудил себе нечто вроде восточного дивана и взгромоздился на него, поджав ноги и положив перед собой пачку табаку и коробок спичек. При

тусклом свете лампы я видел, как он сидит там в облаках голубого дыма, со старой трубкой во рту, рассеянно устремив глаза в потолок, безмолвный, неподвижный, и свет озаряет резкие орлиные черты его лица.

Так сидел он, когда я засыпал, и так сидел он, когда я при блеске утреннего солнца открыл глаза, разбуженный его внезапным восклицанием. Трубка все еще торчала у него изо рта, дым все еще вился кверху, комната была полна табачного тумана, а от пачки табаку, которую я видел вечером, уже ничего не осталось.

The pipe was still between his lips.

— Проснулись, Уотсон? — спросил он.

— Да.

— Хотите прокатиться?

— С удовольствием.

— Так одевайтесь. В доме еще все спят, но я знаю, где ночует конюх, и сейчас у нас будет коляска.

При этих словах он усмехнулся; глаза его блестели, и он нисколько не был похож на того мрачного мыслителя, которого я видел ночью.

Одеваясь, я взглянул на часы. Неудивительно, что в доме все еще спали: было двадцать пять минут пятого. Едва я успел одеться, как вошел Холмс и сказал, что конюх уже запряг лошадь.

— Хочу проверить одну свою версию, — сказал он, надевая ботинки. — Вы, Уотсон, видите перед собой одного из величайших глупцов, какие только существуют в Европе! Я был слеп, как крот. Мне следовало бы дать такого тумака, чтобы я полетел отсюда до Черинг-кросса! Но теперь я, кажется, нашел ключ к этой загадке.

— Где же он, ваш ключ? — спросил я, улыбаясь.

— В ванной, — ответил Холмс. — Нет, я не шучу, — продолжал он, заметив мой недоверчивый взгляд. — Я уже был в ванной, взял его и спрятал

вот сюда, в чемоданчик. Поедем, друг мой, и посмотрим, подойдет ли этот ключ к замку.

Мы спустились с лестницы, стараясь ступать как можно тише. На дворе уже ярко сияло утреннее солнце У ворот нас поджидала коляска; конюх держал под уздцы запряженную лошадь.

Мы вскочили в экипаж и быстро покатили по лондонской дороге. Изредка мы обгоняли телеги, которые везли в столицу овощи, но на виллах кругом все было тихо — все спало, как в заколдованном городе.

— В некоторых отношениях это совершенно исключительное дело, — сказал Холмс, пуская лошадь галопом. — Сознаюсь, я был слеп, как крот, но лучше поумнеть поздно, чем никогда.

Мы въехали в город со стороны Сэрри. В окнах уже начали появляться заспанные лица только что проснувшихся людей. Мы переехали через реку по мосту Ватерлоо, свернули направо по Веллингтон-стрит и очутились на Бау-стрит. Шерлока Холмса хорошо знали в полицейском управлении, и, когда мы подъехали, два констебля отдали ему честь. Один из них взял лошадь под уздцы, а другой повел нас внутрь здания.

— Кто дежурный? — спросил Холмс.

— Инспектор Брэдстрит, сэр.

Из вымощенного каменными плитами коридора навстречу нам вышел высокий грузный полицейский в полной форме.

— А, Брэдстрит! Как поживаете? Я хочу поговорить с вами, Брэдстрит.

— Пожалуйста, мистер Холмс. Зайдите ко мне, в мою комнату.

Комната была похожа на контору: на столе огромная книга для записей, на стене телефон.

Инспектор сел за стол:

— Чем могу служить, мистер Холмс?

— Я хочу расспросить вас о том нищем, который замешан в деле исчезновения мистера Невилла Сент-Клера.

— Его арестовали и привезли сюда для допроса.

— Я знаю. Он здесь?

— В камере.

— Не буйствует?

— Нет, ведет себя тихо. Но как он грязен, этот негодяй!

— Грязен?

— Да. Еле-еле заставили его вымыть руки, а лицо у него черное, как у медника. Вот пусть только кончится следствие, а там уж ему не избежать тюремной ванны! Если бы вы на него посмотре-

ли, вы согласились бы со мною.

— Я очень хотел бы на него посмотреть.

— Правда? Это нетрудно устроить. Идите за мной.

Чемоданчик свой можете оставить здесь.

— Нет, я захвачу его с собой.

— Хорошо. Пожалуйте сюда.

Он открыл запертую дверь, спустился по винтовой лестнице и привел нас в коридор с выбеленными стенами. Справа и слева шла вереница дверей.

— Его камера — третья справа, — сказал инспектор. — Вот здесь.

Он осторожно отодвинул дощечку в верхней части двери и глянул в отверстие.

— Спит, — сказал он. — Вы можете хорошенько его рассмотреть.

Мы оба приникли к решетке. Арестант крепко спал, медленно и тяжело дыша. Лицо его было обращено к нам. Это был мужчина среднего роста, одетый, как и подобает людям его профессии, очень скверно: сквозь прорехи порванного пиджака торчали лохмотья цветной рубахи. Он был действительно необычайно грязен, но даже толстый слой грязи, покрывавший лицо, не мог скрыть его отталкивающего безобразия. Широ-

кий шрам шел от глаза к подбородку, и сквозь щель, прорубленную к верхней губе, постоянным оскалом торчали три зуба. Клок ярчайших рыжих волос падал на лоб и на глаза.

— Красавец, не правда ли? — сказал инспектор.

— Ему необходимо помыться, — заметил Холмс. — Я уже и раньше об этом догадывался и захватил с собой весь инструмент.

Он раскрыл чемоданчик и, к нашему изумлению, вынул из него большую губку.

He took out a very large bath-sponge.

— Хе-хе, да вы шутник! — засмеялся инспектор.

— Будьте любезны, откройте нам тихонько дверь, и мы живо придадим ему более приличный вид.

— Ладно, — оказал инспектор. — А то он и в самом деле позорит нашу тюрьму.

Инспектор открыл дверь, и мы втроем бесшумно вошли в камеру. Арестант шевельнулся, но сразу же заснул еще крепче. Холмс подошел к рукомойнику, намочил свою губку и дважды с силой провел ею по лицу арестанта.

— Позвольте мне представить вас мистеру Невиллу Сент-Клеру из Ли, в графстве Кент! — воскликнул Холмс.

Никогда в жизни не видел я ничего подобного. Лицо сползло с арестанта, как кора с дерева. Исчез грубый темный загар. Исчез ужасный шрам, пересекавший все лицо наискосок. Исчезла разрезанная губа. Исчез отталкивающий оскал зубов. Рыжие лохматые волосы исчезли от одного взмаха руки Холмса, и мы увидели бледного, грустного, изящного человека с черными волосами и нежной кожей, который, сидя в постели, протирал глаза и с недоумением глядел на

нас, еще не вполне очнувшись от сна. Внезапно он понял все, вскрикнул и зарылся головой в подушку.

He broke into a scream.

— Боже, — закричал инспектор, — да ведь это и есть пропавший! Я знаю его, я видел фотографию!

Арестант повернулся к нам с безнадежным видом человека, решившего не противиться судьбе.

— Будь что будет! — сказал он. — За что вы меня держите здесь?

— За убийство мистера Невилла Сент... Тьфу! В убийстве вас теперь обвинить невозможно. Вас могли бы обвинить, пожалуй, только в попытке

совершить самоубийство, — сказал инспектор, усмехаясь. — Я двадцать семь лет служу в полиции, но ничего подобного не видел.

— Раз я мистер Невилл Сент-Клер, то, значит, преступления совершено не было и, следовательно, я арестован незаконно.

— Преступления нет, но сделана большая ошибка, — сказал Холмс. — Вы напрасно не доверились жене.

— Дело не в жене, а в детях, — пылко сказал арестант. — Я не хотел, чтобы они стыдились отца. Боже, какой позор! Что мне делать?

Шерлок Холмс сел рядом с ним на койку и ласково похлопал его по плечу.

— Если вы позволите разбираться в вашем деле суду, вам, конечно, не избежать огласки, — сказал он. — Но если вам удастся убедить полицию, что за вами нет никакой вины, газеты ничего не узнают. Инспектор Брэдстрит может записать ваши показания и передать их надлежащим властям, и дело до суда не дойдет.

— О, как я вам благодарен! — вскричал арестант. — Я охотно перенес бы заточение, даже смертную казнь, лишь бы не опозорить детей раскрытием моей несчастной тайны! Вы первые услышите мою историю…

Отец мой был учителем в Честерфилде, и я получил там превосходное образование. В юности я много путешествовал, работал на сцене и, наконец, стал репортером одной вечерней лондонской газеты. Однажды моему редактору понадобилась серия очерков о нищенстве в столице, и я вызвался написать их. С этого и начались все мои приключения. Чтобы добыть необходимые для моих очерков факты, я решил переодеться нищим и стал попрошайничать. Когда я был еще актером, я славился умением гримироваться. Теперь это умение пригодилось. Я раскрасил себе лицо, а для того чтобы вызывать побольше жалости, намалевал на лице шрам и с помощью пластыря телесного цвета изуродовал себе губу, слегка приподняв ее. Затем, надев лохмотья и рыжий парик, я сел в самом оживленном месте Сити и принялся под видом продажи спичек просить милостыню. Семь часов я просидел не вставая, а вечером, вернувшись домой, к величайшему своему изумлению, обнаружил, что набрал двадцать шесть шиллингов и четыре пенса.

Я написал очерки и позабыл обо всей этой истории. Но вот, некоторое время спустя, мне предъявили вексель, по которому я поручился уплатить за приятеля двадцать пять фунтов. Я

понятия не имел, где достать эти деньги, и вдруг мне в голову пришла отличная мысль. Упросив кредитора подождать две недели, я взял на работе отпуск и провел его в Сити, прося милостыню. За десять дней я собрал необходимую сумму и уплатил долг. Теперь вообразите себе, легко ли работать за два фунта в неделю, когда знаешь, что эти два фунта ты можешь получить в один день, выпачкав себе лицо, положив кепку на землю и ровно ничего не делая?

Долго длилась борьба между моей гордостью в стремлением к наживе, но страсть к деньгам в конце концов победила. Я бросил работу и стал все дни проводить на давно облюбованном мною углу, вызывая жалость своим уродливым видом и набивая карманы медяками.

Только один человек был посвящен в мою тайну — владелец низкопробного притона на Суондем-лейн, в котором я поселился. Каждое утро я выходил оттуда в виде жалкого нищего, и каждый вечер я превращался там в хорошо одетого господина, я щедро платил этому ласкару за его комнаты, так как был уверен, что он никому ни при каких обстоятельствах не выдаст моей тайны.

Вскоре я стал откладывать крупные суммы

денег. Вряд ли в Лондоне есть хоть один нищий, зарабатывающий по семисот фунтов в год, а я зарабатывал и больше. Я навострился шуткой парировать замечания прохожих и скоро прославился на все Сити. Поток пенсов вперемешку с серебром сыпался на меня непрестанно, и я считал неудачными дни, когда получал меньше двух фунтов. Чем богаче я становился, тем шире я жил. Я снял дом за городом, я женился, и никто не подозревал, чем я занимаюсь в действительности. Моя милая жена знает, что у меня есть какие-то дела в Сити. Но какого рода эти дела, она не имеет ни малейшего представления.

В прошлый понедельник, закончив работу, я переодевался у себя в комнате, как вдруг, выглянув в окно, увидел, к своему ужасу, что жена моя стоит на улице и смотрит прямо на меня. Я вскрикнул от изумления, поднял руки, чтобы закрыть лицо, и кинулся к моему соучастнику ласкару, умоляя его никого ко мне не пускать. Я слышал внизу голос жены, но я знал, что подняться она не сможет. Я быстро разделся, натянул на себя нищенские лохмотья, парик и разрисовал лицо. Даже жена не могла бы узнать меня в этом виде.

Но затем мне пришло в голову, что комнату

мою могут обыскать и тогда моя одежда выдаст меня. Я распахнул окно, причем второпях задел раненый палец (я поранил себе палец утром в спальне), и из ранки опять потекла кровь. Потом я схватил пиджак, набитый медяками, которые я только что переложил туда из своей нищенской сумы, швырнул его в окно, и он исчез в Темзе. Я собирался швырнуть туда и остальную одежду, но тут ко мне ворвались полицейские и через несколько минут, вместо того чтобы быть изобличенным как мистер Невилл Сент-Клер, я оказался арестованным как его убийца.

Больше мне нечего прибавить. Желая сохранить грим на лице, я отказывался от умывания. Зная, что жена будет очень тревожиться обо мне, я тайком от полицейских снял с пальца кольцо и передал его ласкару вместе с наскоро нацарапанной запиской, в которой я сообщал ей, что мне не угрожает никакая опасность.

— Она только вчера получила эту записку, — сказал Холмс.

— О боже! Какую неделю она провела!

— За ласкаром следила полиция, — сказал инспектор Брэдстрит, — и ему, видимо, никак не удавалось отправить записку незаметно. Он, вероятно, передал ее какому-нибудь матросу,

завсегдатаю своего притона, а тот в течение нескольких дней все забывал опустить ее в ящик.

— Так это, без сомнения и было, — подтвердил Холмс. — Но неужели вас никогда не привлекали к суду за нищенство?

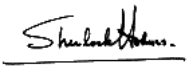
— Много раз. Но что значит для меня незначительный штраф!

— Однако теперь вам придется оставить свое ремесло, — сказал Брэдстрит. — Если вы хотите, чтобы полиция замяла эту историю, Хью Бун должен исчезнуть.

— Я уже поклялся себе в этом самой торжественной клятвой, какую только может дать человек.

— В таком случае, все будет забыто, — сказал Брэдстрит. — Но если вас заметят опять, мы уже не станем скрывать ничего… Мы очень признательны вам, мистер Холмс, за то, что вы раскрыли это дело. Хотел бы я знать, каким образом вы достигаете подобных результатов.

— На этот раз, — отозвался мой друг, — мне понадобилось посидеть на пяти подушках и выкурить полфунта табаку… Мне кажется, Уотсон, что, если мы сейчас поедем на Бейкер-стрит, мы поспеем как раз к завтраку.



Голубой карбункул

The Adventure of the Blue Carbuncle
First published in the Strand Magazine, Jan. 1892,
with 8 illustrations by Sidney Paget.

На третий день Рождества зашел я к Шерлоку Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на кушетке в красном халате; по правую руку от него была подставка для трубок, а по левую — груда помятых утренних газет которые он, видимо, только что просматривал. Рядом с кушеткой стоял стул, на его спинке висела сильно поношенная, потерявшая вид фетровая шляпа. Холмс, должно быть очень внимательно изучал эту шляпу, так как тут же на сиденье стула лежали пинцет и лупа.

A very seedy hard-felt hat.

— Вы заняты? — сказал я. — Я вам не помешал?

— Нисколько, — ответил он. — Я рад, что у меня есть друг, с которым я могу обсудить результаты некоторых моих изысканий. Дельце весьма заурядное, но с этой вещью, — он ткнул большим пальцем в сторону шляпы, — связаны кое-какие любопытные и даже поучительные события.

Я уселся в кресло и стал греть руки у камина, где потрескивал огонь. Был сильный мороз; окна покрылись плотными ледяными узорами.

— Хотя эта шляпа кажется очень невзрачной, она, должно быть, связана с какой-нибудь крова-

вой историей, — заметил я.

— Очевидно, она послужит ключом к разгадке страшной тайны, и благодаря ей вам удастся изобличить и наказать преступника.

— Нет, — засмеялся Шерлок Холмс, — тут не преступление, а мелкий, смешной эпизод, который всегда может произойти там, где четыре миллиона человек толкутся на площади в несколько квадратных миль. В таком колоссальном человеческом улье возможны любые комбинации событий и фактов, возникает масса незначительных, но загадочных и странных происшествий, хотя ничего преступного в них нет. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

— Еще бы! — воскликнул я. — Из последних шести эпизодов, которыми я пополнил свои записки, три не содержат ничего беззаконного.

— Совершенно верно. Вы имеете в виду мои попытки обнаружить бумаги Ирен Адлер, интересный случай с мисс Мэри Сазерлэнд и приключения человека с рассеченной губой. Не сомневаюсь, что и это дело окажется столь же невинным. Вы знаете Питерсона, посыльного?

— Да.

— Этот трофей принадлежит ему.

— Это его шляпа?

— Нет, он нашел ее. Владелец ее неизвестен. Я прошу вас рассматривать эту шляпу не как старую рухлядь, а как предмет, таящий в себе серьезную задачу... Однако прежде всего, как эта шляпа попала сюда. Она появилась в первый день Рождества вместе с отличным жирным гусем, который в данный момент наверняка жарится у Питерсона в кухне. Произошло это так. На Рождество, в четыре часа утра, Питерсон, человек, как вы знаете, благородный и честный, возвращался с пирушки домой по улице Тоттенхем-Корт-роуд. При свете газового фонаря он заметил, что перед ним, слегка пошатываясь, идет какой-то субъект и несет на плече белоснежного гуся. На углу Гудж-стрит к незнакомцу пристали хулиганы. Один из них сбил с него шляпу, а незнакомец, отбиваясь, размахнулся палкой и попал в витрину магазина, оказавшуюся у него за спиной. Питерсон кинулся вперед, чтобы защитить его, но тот, испуганный тем, что разбил стекло, увидев бегущего к нему человека, бросил гуся, помчался со всех ног и исчез в лабиринте небольших переулков, лежащих позади Тоттенхем-Корт-роуд. Питерсон был в форме, и это, должно быть, больше всего и напугало беглеца. Хулиганы тоже разбежались, и посыльный остался один на поле битвы, ока-

завшись обладателем этой помятой шляпы и превосходного рождественского гуся…

The roughs had flet at the appearance of Peterson.

— …которого Питерсон, конечно, возвратил незнакомцу?

— В том-то и загвоздка, дорогой друг. Правда, на карточке, привязанной к левой лапке гуся, было написано: «Для миссис Генри Бейкер», а на подкладке шляпы можно разобрать инициалы «Г. Б.». Но в Лондоне живет несколько тысяч Бейкеров и несколько сот Генри Бейкеров, так что нелегко вернуть потерянную собственность одному из них.

— Что же сделал Питерсон?

— Зная, что меня занимает решение даже самых ничтожных загадок, он попросту принес мне и гуся и шляпу. Гуся мы продержали вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что, несмотря на мороз, его все же лучше незамедлительно съесть. Питерсон унес гуся, и с гусем произошло то, к чему он уготован судьбой, а у меня осталась шляпа незнакомца, потерявшего свой рождественский ужин.

— Он не помещал объявления в газете?

— Нет.

— Как же вы узнаете, кто он?

— Только путем размышлений.

— Размышлений над этой шляпой?

— Конечно.

— Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого рваного фетра?

— Вот лупа. Попробуйте применить мой метод. Что вы можете сказать о человеке, которому принадлежала эта шляпа?

Я взял рваную шляпу и уныло повертел ее в руках. Самая обыкновенная черная круглая шляпа, жесткая, сильно поношенная. Шелковая подкладка, некогда красная, теперь выцвела. Фабричную марку мне обнаружить не удалось,

но, как и сказал Холмс, внутри сбоку виднелись инициалы «Г. Б.». На полях я заметил петельку для придерживавшей шляпу резинки, но самой резинки не оказалось. Вообще шляпа была мятая, грязная, покрытая пятнами. Впрочем, заметны были попытки замазать эти пятна чернилами.

— Я ничего в ней не вижу, — сказал я, возвращая шляпу Шерлоку Холмсу.

— Нет, Уотсон, видите, но не даете себе труда поразмыслить над тем, что видите. Вы слишком робки в своих логических выводах.

— Тогда, пожалуйста, скажите, какие же выводы делаете вы?

Холмс взял шляпу в руки и стал пристально разглядывать ее проницательным взглядом, свойственным ему одному.

— Конечно, не все достаточно ясно, — заметил он, — но кое-что можно установить наверняка, а кое-что предположить с разумной долей вероятия. Совершенно очевидно, например, что владелец ее — человек большого ума и что три года назад у него были изрядные деньги, а теперь настали черные дни. Он всегда был предусмотрителен и заботился о завтрашнем дне, но мало-помалу опустился, благосостояние его упало, и мы вправе предположить, что он

пристрастился к какому-нибудь пороку, — быть может, к пьянству. По-видимому, из-за этого и жена его разлюбила…

— Дорогой Холмс…

— Но в какой-то степени он еще сохранил свое достоинство, — продолжал Холмс, не обращая внимания на мое восклицание. — Он ведет сидячий образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спортом. Этот человек средних лет, у него седые волосы, он мажет их помадой и недавно подстригся. Вдобавок я почти уверен, что в доме у него нет газового освещения.

— Вы, конечно, шутите, Холмс.

— Ничуть. Неужели даже теперь, когда я все рассказал, вы не понимаете, как я узнал об этом?

— Считайте меня идиотом, но должен признаться, что я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Например, откуда вы взяли, что он умен?

Вместо ответа Холмс нахлобучил шляпу себе на голову. Шляпа закрыла его лоб и уперлась в переносицу.

— Видите, какой размер! — сказал он. — Не может же быть совершенно пустым такой большой череп.

— Ну, а откуда вы взяли, что он обеднел?

— Этой шляпе три года. Тогда были модными плоские поля, загнутые по краям. Шляпа лучшего качества. Взгляните-ка на эту шелковую ленту, на превосходную подкладку. Если три года назад человек был в состоянии купить столь дорогую шляпу и с тех пор не покупал ни одной, значит, дела у него пошатнулись.

— Ну ладно, в этом, пожалуй, вы правы. Но откуда вы могли узнать, что он человек предусмотрительный, а в настоящее время переживает душевный упадок?

— Предусмотрительность — вот она, — сказал он, показывая на петельку от шляпной резинки. — Резинки не продают вместе со шляпой, их нужно покупать отдельно. Раз этот человек купил резинку и велел прикрепить к шляпе, значит, он заботился о том, чтобы уберечь ее от ветра. Но когда резинка оторвалась, а он не стал прилаживать новую, это значит, что он перестал следить за своей наружностью, опустился. Однако, с другой стороны, он пытался замазать чернилами пятна на шляпе, то есть не окончательно потерял чувство собственного достоинства.

— Все это очень похоже на правду.

— Что он человек средних лет, что у него се-

дина, что он недавно стригся, что он помадит волосы — все станет ясным, если внимательно посмотреть на нижнюю часть подкладки в шляпе. В лупу видны приставшие к подкладке волосы, аккуратно срезанные ножницами парикмахера и пахнущие помадой. Заметьте, что пыль на шляпе не уличная — серая и жесткая, а домашняя — бурая, пушистая. Значит, шляпа большей частью висела дома. А следы влажности на внутренней ее стороне говорят о том, как быстро потеет ее владелец, потому что не привык много двигаться.

— А как вы узнали, что его разлюбила жена?

— Шляпа не чищена несколько недель. Мой дорогой Уотсон, если бы я увидел, что ваша шляпа не чищена хотя бы неделю и вам позволяют выходить в таком виде, у меня появилось бы опасение, что вы имели несчастье утратить расположение вашей супруги.

— А может быть, он холостяк?

— Нет, он нес гуся именно для того, чтобы задобрить жену. Вспомните карточку, привязанную к лапке птицы.

— У вас на все готов ответ. Но откуда вы знаете, что у него в доме нет газа?

— Одно-два сальных пятна на шляпе — слу-

чайность. Но когда я вижу их не меньше пяти, я не сомневаюсь, что человеку часто приходится пользоваться сальной свечой, может быть, он поднимается ночью по лестнице, держа в одной руке шляпу, а в другой оплывшую свечу. Во всяком случае, от газа не бывает сальных пятен… Вы согласны со мною?

— Да, все это очень остроумно, — смеясь, сказал я. — Но, как вы сами сказали, тут еще нет преступления. Никто не пострадал — разве что человек, потерявший гуся, — значит, вы ломали себе голову зря.

Шерлок Холмс раскрыл было рот для ответа, но в это мгновение дверь распахнулась, и в комнату влетел Питерсон; щеки у него буквально пылали от волнения.

— Гусь-то, гусь, мистер Холмс! — задыхаясь, прокричал он.

— Ну? Что с ним такое? Ожил он, что ли, и вылетел в кухонное окно? — Холмс повернулся на кушетке, чтобы лучше всмотреться в возбужденное лицо Питерсона.

— Посмотрите, сэр! Посмотрите, что жена нашла у него в зобу!

Питерсон протянул руку, и на ладони его мы увидели ярко сверкающий голубой камень чуть

поменьше горошины. Камень был такой чистой воды, что светился на темной ладони, точно электрическая искра. Холмс присвистнул и опустился на кущетку.

«See what my wife found in its crop!»

— Честной слово, Питерсон, вы нашли сокровище! Надеюсь, вы понимаете, что это такое?

— Алмаз, сэр! Драгоценный камень! Он режет стекло, словно масло!

— Не просто драгоценный камень — это тот самый камень, который…

— Неужели голубой карбункул графини Моркар? — воскликнул я.

— Конечно! Узнаю камень по описаниям, по-

следнее время я каждый день вижу объявления о его пропаже в «Таймс». Камень этот единственный в своем роде, и можно только догадываться о его настоящей цене. Награда в тысячу фунтов, которую предлагают нашедшему, едва ли составляет двадцатую долю его стоимости.

— Тысяча фунтов! О, Боже!

Посыльный бухнулся в кресло, изумленно тараща на нас глаза.

— Награда наградой, но у меня есть основания думать, — сказал Холмс, — что по некоторым соображениям графиня отдаст половину всех своих богатств, только бы вернуть этот камень.

— Если память мне не изменяет, он пропал в гостинице «Космополитен», — заметил я.

— Совершенно верно, двадцать второго декабря, ровно пять дней назад. В краже этого камня обвинен Джон Хорнер, паяльщик. Улики против него так серьезны, что дело направлено в суд. Кажется, у меня есть об этом деле газетный отчет.

Шерлок Холмс долго рылся в газетах, наконец вытащил одну, разгладил ее, сложил пополам и прочитал следующее:

«КРАЖА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ В ОТЕЛЕ „КОСМОПОЛИТЕН“

Джон Хорнер, 26 лет, обвиняется в том, что 22 сего месяца похитил у графини Моркар из шкатулки драгоценный камень, известный под названием «Голубой карбункул». Джеймс Райдер, служащий отеля, показал, что в день кражи Хорнер припаивал расшатанный прут каминной решетки в комнате графини Моркар. Некоторое время Райдер находился в комнате с Хорнером, но потом его куда-то вызвали. Возвратившись, он увидел, что Хорнер исчез, бюро взломано и маленький сафьяновый футляр, в котором, как выяснилось впоследствии, графиня имела обыкновение держать дагоценный камень, валялся пустой на туалетном столике. Райдер сейчас же сообщил в полицию, и в тот же вечер Хорнер был арестован, но камня не нашли ни при нем, ни у него дома. Кэтрин Кьюсек, горничная графини, показала, что, услышав отчаянный крик Райдера, она вбежала в комнату и тоже увидела пустой футляр. Полицейский инспектор Бродстрит из округа «Б» сообщил, что Хорнер отчаянно сопротивлялся при аресте и горячо дока-

зывал свою невиновность. Поскольку стало известно, что арестованный и прежде судился за кражу, судья отказался разбирать дело и передал его суду присяжных. Хорнер, все время высказывавший признаки сильнейшего волнения, упал в обморок и был вынесен из зала суда».

— Гм! Вот и все, что дает нам полицейский суд, — задумчиво сказал Холмс, откладывая газету. — Наша задача теперь — выяснить, каким образом из футляра графини камень попал в гусиный зоб. Видите, Уотсон, наши скромные размышления оказались не такими уж незначительными. Итак, вот камень. Этот камень был в гусе, а гусь у мистера Генри Бейкера, у того самого обладателя старой шляпы, которого я пытался охарактеризовать, чем и нагнал на вас невыносимую скуку. Что ж, теперь мы должны серьезно заняться розысками этого джентльмена и установить, какую роль он играл в таинственном происшествии. Прежде всего испробуем самый простой способ: напечатаем объявление во всех вечерних газетах. Если таким путем не достигнем цели, прибегнем к иным методам.

— Что вы напишете в объявлении?

— Дайте мне карандаш и клочок бумаги. «На углу Гуджстрит найдены гусь и черная фетровая шляпа. Мистер Генри Бейкер может получить их сегодня на Бейкер-стрит, 221-б, в 6.30 вечера». Коротко и ясно.

— Весьма. Но заметит ли он объявление?

— Конечно. Он просматривает теперь все газеты: человек он бедный, и рождественский гусь для него целое состояние. Он до такой степени был напуган, услышав звон разбитого стекла и увидев бегущего Питерсона, что кинулся бежать, не думая ни о чем. Но потом он, конечно, пожалел, что испугался и бросил гуся. В газете мы упоминаем его имя, и любой знакомый обратит его внимание на нашу публикацию… Так вот, Питерсон, бегите в бюро объявлений, чтобы они поместили эти строки в вечерних газетах.

— В каких, сэр?

— В «Глоб», «Стар», «Пэлл-Мэлл», «Сент-Джеймс газетт», «Ивнинг ньюс стандард», «Эхо» — во всех, какие придут вам на ум.

— Слушаю, сэр! А как быть с камнем?

— Ах да! Камень я пока оставлю у себя. Благодарю вас. А на обратном пути, Питерсон, купите гуся и принесите его мне. Мы ведь должны дать этому джентльмену гуся взамен того, которым в

настоящее время угощается ваша семья.

Посыльный ушел, а Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

— Славный камешек! — сказал он. — Взгляните, как он сверкает и искрится. Как и всякий драгоценный камень, он притягивает к себе преступников, словно магнит. Вот уж подлинно ловушка сатаны. В больших старых камнях каждая грань может рассказать о каком-нибудь кровавом злодеянии. Этому камню нет еще и двадцати лет. Его нашли на берегу реки Амоу, в Южном Китае, и замечателен он тем, что имеет все свойства карбункула, кроме одного: он не рубиново-красный, а голубой. Несмотря на его молодость, с ним уже связано много ужасных историй. Из-за сорока граней кристаллического углерода многих ограбили, кого-то облили серной кислотой, было два убийства и одно самоубийство. Кто бы сказал, что такая красивая безделушка ведет людей в тюрьму и на виселицу! Я запру камень в свой несгораемый шкаф и напишу графине, что он у нас.

— Как вы считаете, Хорнер не виновен?

— Не знаю.

— А Генри Бейкер замешан в это дело?

— Вернее всего, Генри Бейкер здесь ни при чем.

Я думаю, ему и в голову не пришло, что, будь этот гусь из чистого золота, он и то стоил бы дешевле. Все очень скоро прояснится, если Генри Бейкер откликнется на наше объявление.

— А до тех пор вы ничего не хотите предпринять?

— Ничего.

— В таком случае я навещу своих пациентов, а вечером снова приду сюда. Я хочу знать, чем окончится это запутанное дело.

— Буду рад вас видеть. Я обедаю в семь. Кажется, к обеду будет куропатка. Кстати, в связи с недавними событиями не попросить ли миссис Хадсон тщательно осмотреть ее зоб?

Я немного задержался, и было уже больше половины седьмого, когда я снова попал на Бейкер-стрит. Подойдя к дому Холмса, я увидел, что в ярком полукруге света, падавшем из окна над дверью, стоит высокий мужчина в шотландской шапочке и в наглухо застегнутом до подбородка сюртуке. Как раз в тот момент, когда я подошел, дверь отперли, и мы одновременно вошли к Шерлоку Холмсу.

— Если не ошибаюсь, мистер Генри Бейкер? — сказал Холмс, поднимаясь с кресла и встречая посетителя с тем непринужденным радушным

видом, который он так умело напускал на себя. — Пожалуйста, присаживайтесь поближе к огню, мистер Бейкер. Вечер сегодня холодный, а мне кажется, лето вы переносите лучше, чем зиму… Уотсон, вы пришли как раз вовремя… Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

— Да, сэр, это, несомненно, моя шляпа.

Бейкер был крупный, сутулый человек с большой головой, с широким умным лицом и остроконечной каштановой бородкой. Красноватые пятна на носу и щеках и легкое дрожание протянутой руки подтверждали догадку Холмса о его наклонностях. На нем был порыжелый сюртук, застегнутый на все пуговицы, а на тощих запястьях, торчащих из рукавов, не было видно манжет. Он говорил глухо и отрывисто, старательно подбирая слова, и производил впечатление человека интеллигентного, но сильно помятого жизнью.

— У нас уже несколько дней хранится ваша шляпа и ваш гусь, — сказал Холмс. — Мы ждали, что вы дадите в газете объявление о пропаже. Не понимаю, почему вы этого не сделали.

Наш посетитель смущенно усмехнулся.

— У меня не так много шиллингов, как бывало когда-то, — сказал он. — Я был уверен, что хули-

ганы, напавшие на меня унесли с собой и шляпу, и птицу, и не хотел тратить деньги по-пустому.

— Вполне естественно. Между прочим, нам ведь пришлось съесть вашего гуся.

— Съесть? — Наш посетитель в волнении поднялся со стула.

— Да ведь он все равно испортился бы, — продолжал Холмс. — Но я полагаю, что вон та птица на буфете, совершенно свежая и того же веса, заменит вам вашего гуся.

— О, конечно, конечно! — ответил мистер Бейкер, облегченно вздохнув.

— Правда, у нас от вашей птицы остались перья, лапки и зоб, так что, если захотите…

Бейкер от души расхохотался.

— Разве только на память о моем приключении, — сказал он. — Право, не знаю, на что мне могут пригодиться disjecta membra[21] моего покойного знакомца! Нет, сэр, с вашего разрешения я лучше ограничусь тем превосходным гусем, которого я вижу на буфете.

Шерлок Холмс многозначительно посмотрел на меня и чуть заметно пожал плечами.

— Итак, вот ваша шляпа и ваш гусь, — сказал

---

[21] Примечания: ~ n_21 ~

Останки (лат.)

он. — Кстати, не скажете ли мне, где вы достали того гуся? Я кое-что смыслю в птице и, признаться, редко видывал столь откормленный экземпляр.

— Охотно, сэр, — сказал Бейкер, встав и сунув под мышку своего нового гуся. — Наша небольшая компания посещает трактир «Альфа», близ Британского музея, мы, понимаете ли, проводим в музее целый день. А в этом году хозяин трактира Уиндигейт, отличный человек, основал «гусиный клуб». Каждый из нас выплачивает по нескольку пенсов в неделю и к Рождеству получает гуся. Я целиком выплатил свою долю, ну а остальное вам известно. Весьма обязан вам, сэр, — ведь неудобно солидному человеку в моем возрасте носить шотландскую шапочку.

Он поклонился нам с комически торжественным видом и ушел.

He bowed solemnly to both of us.

— С Генри Бейкером покончено, — сказал Холмс, закрывая за ним дверь. — Совершенно очевидно, что он понятия не имеет о драгоценном камне. Вы очень голодны, Уотсон?

— Не особенно.

— Тогда я предлагаю превратить обед в ужин и немедленно отправиться по горячим следам.

— Я готов.

Был морозный вечер, и нам пришлось надеть пальто и обмотать себе шею шарфом. Звезды холодно сияли на безоблачном, ясном небе, и пар от дыхания прохожих был похож на дым-

ки от пистолетных выстрелов. Четко и гулко раздавались по улицам наши шаги. Мы шли по Уимпол-стрит, Харли-стрит, через Уитмор-стрит, вышли на Оксфорд-стрит и через четверть часа были в Блумсбери, возле трактира «Альфа», скромного заведения на углу одной из улиц, ведущих к Холборну. Холмс вошел в бар и заказал две кружки пива краснощекому трактирщику в белом переднике.

— У вас, надо полагать, превосходное пиво, если оно не хуже ваших гусей, — сказал Холмс.

— Моих гусей? — Трактирщик, казалось, был изумлен.

— Да. Полчаса назад я беседовал с мистером Генри Бейкером, членом вашего «гусиного клуба».

— А, понимаю. Но видите ли, сэр, гуси-то ведь не мои.

— В самом деле? А чьи же?

— Я купил две дюжины гусей у одного торговца в Ковент-Гарден.

— Да ну? Я знаю кое-кого из них. У кого же вы купили?

— Его зовут Брекинридж.

— Нет, Брекинриджа я не знаю. Ну, за ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего заведения! Доброй ночи!

— А теперь к мистеру Брекинриджу, — сказал Холмс, выходя на мороз и застегивая пальто. — Не забудьте, Уотсон, что на одном конце нашей цепи всего только безобидный гусь, зато к другому ее концу прикован человек, которому грозит не меньше семи лет каторги, если мы не докажем его невиновность. Возможно, впрочем, что наши розыски обнаружат, что виноват именно он, но, во всяком случае, в наших руках нить, ускользнувшая от полиции и случайно попавшая к нам. Дойдем же до конца этой нити, как бы печален этот конец ни был. Итак, поворот на юг, и шагом марш!

Мы пересекли Холборн, пошли по Энделл-стрит и через какие-то трущобы вышли на Ковент-гарденский рынок. На одной из самых больших лавок было написано: «Брекинридж». Хозяин лавки, человек с лошадиным лицом и холеными бакенбардами, помогал мальчику запирать ставни.

— Добрый вечер! Каков морозец, а? — сказал Холмс.

Торговец кивнул головой, бросив вопросительный взгляд на моего друга.

— Гуси, видно, распроданы? — продолжал Холмс, указывая на пустой мраморный прила-

вок.

— Завтра утром можете купить хоть пятьсот штук.

— Завтра они мне ни к чему.

— Вон в той лавке, где горит свет, кое-что осталось.

— Да? Но меня направили к вам.

— Кто же?

— Хозяин «Альфы».

— А! Я отослал ему две дюжины.

— Отличные были гуси! Откуда вы их достали?

К моему удивлению, вопрос этот привел торговца в бешенство.

— А ну-ка, мистер, — сказал он, поднимая голову и упирая руки в бока, — к чему вы клоните? Говорите прямо.

— Я говорю достаточно прямо. Мне хотелось бы знать, кто продал вам тех гусей, которых вы поставляете в «Альфу».

— Вот и не скажу.

— Не скажете — и не надо. Велика важность! Чего вы кипятитесь из-за таких пустяков?

— Кипячусь? Небось, на моем месте и вы кипятились бы, если бы к вам так приставали! Я плачу хорошие деньги за хороший товар, и, казалось бы, дело с концом. Так нет: «где гуси?», «у кого

вы купили гусей?», «кому вы продали гусей?» Можно подумать, что на этих гусях свет клином сошелся, когда послушаешь, какой из-за них подняли шум!

— Какое мне дело до других, которые пристают к вам с расспросами! — небрежно сказал Холмс. — Не хотите говорить — не надо. Но я понимаю толк в птице и держал пари на пять фунтов стерлингов, что гусь, которого я ел, выкормлен в деревне.

— Вот и пропали ваши фунты! Гусь-то городской! — выпалил торговец.

— Быть не может.

— А я говорю, городской!

— Ни за что не поверю!

— Уж не думаете ли вы, что смыслите в этом деле больше меня? Я ведь этим делом занимаюсь чуть не с пеленок. Говорю вам, все гуси, проданные в «Альфу», выкормлены в городе.

— И не пытайтесь меня убедить в этом.

— Хотите пари?

— Это значило бы попросту взять у вас деньги. Я уверен, что прав. Но у меня при себе есть соверен, и я готов поставить его, чтобы проучить вас за упрямство.

Торговец ухмыльнулся.

— Принеси-ка мне книги, Билл, — сказал он.

Мальчишка принес две книги: одну тоненькую, а другую большую, засаленную, и положил их на прилавок под лампой.

— Ну-с, мистер Спорщик, — сказал торговец, — я считал, что сегодня распродал всех гусей, но, ей-ей, Бог занес ко мне в лавку еще одного. Видите эту книжку?

— Ну и что же?

— Это список тех, у кого я покупаю товар. Видите? Вот здесь, на этой странице, имена деревенских поставщиков, а цифра после каждой фамилии обозначает страницу в гроссбухе, где ведутся их счета. А эту страницу, исписанную красными чернилами, видите? Это список моих городских поставщиков. Взгляните-ка на третью фамилию. Прочтите ее вслух.

«Just read it out to me.»

— «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117, страница 249», — прочел Холмс.

— Совершенно правильно. Теперь откройте 249-ю страницу в гроссбухе.

Холмс открыл указанную страницу: «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117 — поставщица дичи и яиц».

— А что гласит последняя запись?

— «Декабрь, двадцать второго. Двадцать четыре гуся по семь шиллингов шесть пенсов».

— Правильно. Запомните это. А внизу?

— «Проданы мистеру Уиндигейту, „Альфа“, по двенадцать шиллингов».

— Ну, что вы теперь скажете?

Шерлок Холмс, казалось, был глубоко огорчен. Вынув соверен из кармана, он бросил его на прилавок, повернулся и вышел молча, с расстроенным видом. Однако, пройдя несколько шагов, он остановился под фонарем и рассмеялся своим особенным — веселым и беззвучным — смехом.

— Если у человека такие бакенбарды и такой красный платок в кармане, у него можно выудить все что угодно, предложив ему пари, — сказал он. — Я утверждаю, что и за сто фунтов мне не удалось бы получить у него такие подробные сведения, какие я получил, побившись с ним об заклад. Итак, Уотсон, мне кажется, что мы почти у цели. Единственное, что нам осталось решить, — пойдем ли мы к этой миссис Окшотт сейчас или отложим наше посещение до утра. Из слов того грубияна ясно, что этим делом интересуется еще кто-то и я…

Громкий шум, донесшийся внезапно из лавки, которую мы только что покинули, не дал Холмсу договорить. Обернувшись, мы увидели в желтом свете качающейся лампы какого-то невысокого, краснолицого человека. Брекинридж, стоя в дверях лавки, яростно потрясал перед ним кулаками.

— Хватит с меня и вас и ваших гусей! — орал

Брекинридж. — Проваливайте вы все к дьяволу! Если вы еще раз сунетесь ко мне с дурацкими расспросами, я спущу цепную собаку. Приведите сюда миссис Окшотт, ей я отвечу. А вы то тут при чем? Ваших, что ли, я купил гусей!

— Нет, но все же один из них мой, — захныкал человек.

— Ну и спрашивайте его тогда у миссис Окшотт!

— Она мне велела узнать у вас.

— Спрашивайте хоть у прусского короля! С меня хватит! Убирайтесь отсюда! — Он яростно бросился вперед, и человечек быстро исчез во мраке.

— Ага, нам, кажется, не придется идти на Брикстон-роуд, — прошептал Холмс. — Пойдем посмотрим, не пригодится ли нам этот субъект.

Пробираясь между кучками ротозеев, бродящих вокруг освещенных ларьков, мой друг быстро нагнал человечка и положил ему руку на плечо. Тот порывисто обернулся, и при свете газового фонаря я увидел, как сильно он побледнел.

— Кто вы такой? Что вам надо? — спросил он дрожащим голосом.

— Извините меня, — мягко сказал Холмс, — но я случайно слышал, что вы спрашивали у этого

торговца. Я думаю, что могу быть вам полезен.

— Вы? Кто вы такой? Откуда вы знаете, что мне нужно?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия — знать то, чего не знают другие.

— О том, что мне нужно, вы ничего не можете знать.

— Прошу прощения, но я знаю все. Вы пытаетесь установить, куда попали гуси, проданные миссис Окшотт с Брикстон-роуд торговцу Брекинриджу, который, в свою очередь, продал их мистеру Уиндигейту, владельцу «Альфы», а тот передал «гусиному клубу», членом которого является Генри Бейкер.

— Сэр, вы-то мне и нужны! — вскричал человек, протягивая дрожащие руки. — Я просто не могу выразить, как все это важно для меня!

«You are the very man.»

Шерлок Холмс остановил проезжавшего извозчика.

— В таком случае лучше разговаривать в уютной комнате, чем тут, на ветреной рыночной площади, — сказал он. — Но прежде чем отправиться в путь, скажите, пожалуйста, кому я имею удовольствие оказывать посильную помощь?

Человечек заколебался на мгновение.

— Меня зовут Джон Робинсон, — сказал он, отводя глаза.

— Нет, мне нужно настоящее имя, — ласково

сказал Холмс. — Гораздо удобнее иметь дело с человеком, который действует под своим настоящим именем.

Бледные щеки незнакомца загорелись румянцем.

— В таком случае, — сказал он, — мое имя — Джеймс Райдер.

— Так я и думал. Вы служите в отеле «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, в кэб, и вскоре я расскажу вам все, что вы пожелаете узнать.

Маленький человечек не двигался с места. Он смотрел то на Холмса, то на меня с надеждой и испугом: он не знал, ждет ли его беда или удача. Наконец он сел в экипаж, и через полчаса мы были в гостиной на Бейкер-стрит.

Дорогой никто не произнес ни слова. Но спутник наш так учащенно дышал, так крепко сжимал и разжимал ладони, что было ясно, в каком нервном возбуждении он пребывает.

— Ну, вот мы и дома! — весело сказал Холмс. — Что может быть лучше пылающего камина в такую погоду! Вы, кажется, озябли, мистер Райдер. Садитесь, пожалуйста, в плетеное кресло. Я только надену домашние туфли, и мы сейчас же займемся вашим делом. Ну вот, готово! Так вы хотите знать, что стало с теми гусями?

— Да, сэр.

— Пожалуй, вернее, с тем гусем? Мне кажется, вас интересовал лишь один из них — белый, с черной полосой на хвосте…

Райдер затрепетал от волнения.

— О, сэр! — вскричал он. — Вы можете сказать, где находится этот гусь?

— Он был здесь.

— Здесь?

— Да, и оказался необыкновенным гусем. Не удивительно, что вы заинтересовались им. После своей кончины он снес яичко — прелестное, сверкающее голубое яичко. Оно здесь, в моей коллекции.

Наш посетитель, шатаясь, поднялся с места и правой рукой ухватился за каминную полку. Холмс открыл несгораемый шкаф и вытащил оттуда голубой карбункул, сверкавший, словно звезда, холодным, ярким, переливчатым блеском. Райдер стоял с искаженным лицом, не зная, потребовать ли камень себе или отказаться от него.

— Игра проиграна, Райдер, — спокойно сказал Шерлок Холмс. — Держитесь крепче на ногах, не то упадете в огонь. Помогите ему сесть, Уотсон. Он еще не умеет хладнокровно мошенничать. Дайте

ему глоток бренди. Так! Теперь он хоть немного похож на человека. Ну и жалкая же личность!

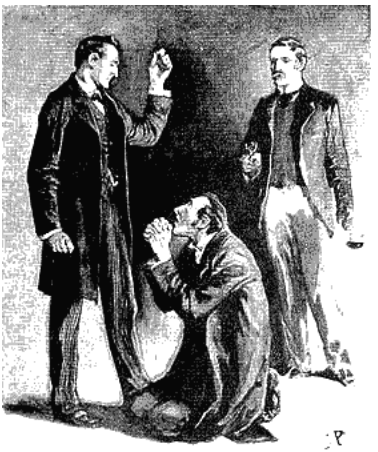
Райдер едва держался на ногах, но водка вызвала у него на щеках слабый румянец, и он сел, испуганно глядя на своего обличителя.

— Я знаю почти все, у меня в руках почти все улики, и вы не многое сможете добавить. И все-таки рассказывайте, чтобы в деле не оставалось ни малейшей неясности. Откуда вы узнали, Райдер, о голубом карбункуле графини Моркар?

— Мне сказала о нем Кэтрин Кьюсек, — ответил тот дрожащим голосом.

— Знаю, горничная ее сиятельства. И искушение легко завладеть богатством оказалось сильнее вас, как это неоднократно бывало и с более достойными людьми. И вы не особенно выбирали средства для достижения своей цели. Мне кажется, Райдер, из вас получится порядочный негодяй! Вы знали, что этот паяльщик Хорнер был уже уличен в воровстве и что подозрения раньше всего падут на него. Что же вы сделали? Вы сломали прут каминной решетки в комнате графини — вы и ваша сообщница Кьюсек — и устроили так, что именно Хорнера послали сделать ремонт. Когда Хорнер ушел, вы взяли камень из футляра, подняли тревогу, и бедняга был аре-

стован. После этого…



«Have mercy!» he shrieked.

Тут Райдер внезапно сполз на ковер и обеими руками обхватил колени моего друга.

— Ради Бога, сжальтесь надо мной! — закричал он. — Подумайте о моем отце, о моей матери. Это убьет их! Я никогда не воровал, никогда! Это не повторится, клянусь вам! Я поклянусь вам на Библии! О, не доводите этого дела до суда! Ради Христа, не доводите дела до суда!

— Ступайте на место, — сурово сказал Холмс. —

Сейчас вы готовы ползать на коленях. А что вы думали, когда отправляли беднягу Хорнера на скамью подсудимых за преступление, в котором он не повинен?

— Я могу скрыться, мистер Холмс! Я уеду из Англии, сэр! Тогда обвинение против него отпадет…

— Гм, мы еще потолкуем об этом. А пока послушаем, что же действительно случилось после воровства. Каким образом камень попал в гуся, и как этот гусь попал на рынок? Говорите правду, ибо для вас правда — единственный путь к спасению.

Райдер повел языком по пересохшим губам.

— Я расскажу всю правду, — сказал он. — Когда арестовали Хорнера, я решил, что мне лучше унести камень на случай, если полиции придет в голову обыскать меня и мою комнату. В гостинице не было подходящего места, чтобы спрятать камень. Я вышел, будто бы по служебному делу, и отправился к своей сестре. Она замужем за неким Окшоттом, живет на Брикстон-роуд и занимается тем, что откармливает домашнюю птицу, для рынка. Каждый встречный казался мне полицейским или сыщиком, и, несмотря на холодный ветер, пот градом струился у меня по лбу. Сестра

спросила, почему я так бледен, не случилось ли чего. Я сказал, что меня взволновала кража драгоценности в нашем отеле. Потом я прошел на задний двор, закурил трубку и стал раздумывать, что бы предпринять.

Есть у меня приятель по имени Модели, который сбился с пути и только что отбыл срок наказания в Пентонвиллской тюрьме. Мы встретились с ним, разговорились, и он рассказал мне, как воры сбывают краденое. Я понимал, что он меня не выдаст, так как я сам знал за ним кое-какие грехи, и потому решил идти прямо к нему в Килберн и посвятить его в свою тайну. Он научил бы меня, как превратить этот камень в деньги. Но как добраться туда? Я вспомнил о тех терзаниях, которые пережил по пути из гостиницы. Каждую минуту меня могли схватить, обыскать и найти камень в моем жилетном кармане. Я стоял, прислонившись к стене, рассеянно глядя на гусей, которые, переваливаясь, бродили у моих ног, и внезапно мне пришла в голову мысль, как обмануть самого ловкого сыщика в мире…

Несколько недель назад сестра обещала, что к Рождеству я получу от нее отборнейшего гуся в подарок, а она слово держит. И я решил взять гуся сейчас же и в нем пронести камень. Во дворе

был какой-то сарай, я загнал за него огромного, очень хорошего гуся, белого, с полосатым хвостом. Потом поймал его, раскрыл ему клюв и как можно глубже засунул камень ему в глотку. Гусь глотнул, и я ощутил рукою, как камень прошел в зоб. Но гусь бился и хлопал крыльями, и сестра вышла узнать в чем дело. Я повернулся, чтобы ответить, и негодный гусь вырвался у меня из рук и смещался со стадом.

«Что ты делал с птицей, Джеймс?» — спросила сестра.

«Да вот ты обещала подарить мне гуся к Рождеству. Я и пробовал, какой из них пожирнее».

«О, мы уже отобрали для тебя гуся, — сказала она, — мы так и называли его: „Гусь Джеймса“. Вон тот, большой, белый. Гусей всего двадцать шесть, из них один тебе, а две дюжины на продажу».

«Спасибо, Мэгги, — сказал я. — Но если тебе все равно, дай мне того, которого я поймал».

«Твой тяжелее по крайне мере фунта на три, и мы специально откармливали его».

«Ничего, мне хочется именно этого, я бы сейчас и взял его с собой».

«Твое дело, — сказала сестра обиженно. — Какого же ты хочешь взять?»

«Вон того белого, с черной полосой на хвосте… Вон он, в середине стада».

«Пожалуйста, режь его и бери!»

Я так и сделал, мистер Холмс, и понес птицу в Килберн. Я рассказал своему приятелю обо всем — он из тех, с которыми можно говорить без стеснения. Он хохотал до упаду, потом мы взяли нож и разрезали гуся. У меня остановилось сердце, когда я увидел, что произошла ужасная ошибка, и камня нет. Я бросил гуся, пустился бегом к сестре. Влетел на задний двор — гусей там не было.

«Где гуси, Мэгги?» — крикнул я.

«Отправила торговцу».

«Какому торговцу?»

«Брекинриджу на Ковент-Гарден».

«А был среди них один с полосатым хвостом — такой же, какого я взял?» — спросил я.

«Да, Джеймс, ведь было два гуся с полосатыми хвостами, я вечно путала их».

Тут, конечно, я понял все и со всех ног помчался к этому самому Брекинриджу. Но он уже распродал гусей и не хотел сказать кому. Вы слышали сами, как он со мной разговаривал. Сестра думает, что я сошел с ума. Порой мне самому кажется, что я сумасшедший. И вот… теперь я презренный вор, хотя даже не прикоснулся к богатству, ради

которого погубил себя. Боже, помоги мне! Боже, помоги! — Он закрыл лицо руками и судорожно зарыдал.

He burst into convulsive sobbing.

Потом наступило долгое молчание, лишь слышны были тяжелые вздохи Райдера, да мой друг мерно постукивал пальцами по столу. Вдруг Шерлок Холмс встал и распахнул настежь дверь.

— Убирайтесь! — проговорил он.

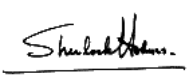
— Что? Сэр, да благословит вас небо!

— Ни слова! Убирайтесь отсюда!

Повторять не пришлось. На лестнице загрохотали стремительные шаги, внизу хлопнула дверь, и с улицы донесся быстрый топот.

— В конце концов, Уотсон, — сказал Холмс,

протягивая руку к глиняной трубке, — я работаю отнюдь не затем, чтобы исправлять промахи нашей полиции. Если бы Хорнеру грозила опасность, тогда другое дело. Но Райдер не станет показывать против него, и обвинение рухнет. Возможно, я укрываю мошенника, но зато спасаю его душу. С этим молодцом ничего подобного не повторится, — он слишком напуган. Упеките его сейчас в тюрьму, и он не развяжется с ней всю жизнь. Кроме того, нынче праздники, надо прощать грехи. Случай столкнул нас со странной и забавной загадкой, и решить ее — само по себе награда. Если вы будете любезны и позволите, мы немедленно займемся новым «исследованием», в котором опять-таки фигурирует птица: ведь к обеду у нас куропатка.



Пестрая лента

The Adventure of the Speckled Band
First published in the Strand Magazine, Feb. 1892,
with 9 illustrations by Sidney Paget.

Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса, — а таких записей, которые я вел на протяжении последних восьми лет, у меня больше семидесяти, — я нахожу в них немало трагических случаев, есть среди них и забавные, есть и причудливые, но нет ни одного заурядного: работая из любви к своему искусству, а не ради денег, Холмс никогда не брался за расследование обыкновенных, будничных дел, его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь необычайное, а порою даже фантастическое.

Особенно причудливым кажется мне дело хорошо известной в Суррее семьи Ройлоттов из Сток-Морона. Мы с Холмсом, два холостяка, жил тогда вместе на Бейкер-стрит. Вероятно, я бы и раньше опубликовал свои записи, но я дал слово держать это дело в тайне и освободился от своего

слова лишь месяц назад, после безвременной кончины той женщины, которой оно было дано. Пожалуй, будет небесполезно представить это дело в истинном свете, потому что молва приписывала смерть доктора Гримеби Ройлотта еще более ужасным обстоятельствам, чем те, которые были в действительности.

Проснувшись в одно апрельское утро 1883 года, я увидел, что Шерлок Холмс стоит у моей кровати. Одет он был не по-домашнему. Обычно он поднимался с постели поздно, но теперь часы на камине показывали лишь четверть восьмого. Я посмотрел на него с удивлением и даже несколько укоризненно. Сам я был верен своим привычкам.

— Весьма сожалею, что разбудил вас, Уотсон, — сказал он. — Но такой уж сегодня день. Разбудили миссис Хадсон, она — меня, а я — вас.

— Что же такое? Пожар?

— Нет, клиентка. Приехала какая-то девушка, она ужасно взволнована и непременно желает повидаться со мной. Она ждет в приемной. А уж если молодая дама решается в столь ранний час путешествовать по улицам столицы и поднимать с постели незнакомого человека, я полагаю, она хочет сообщить что-то очень важное. Дело

может оказаться интересным, и вам, конечно, хотелось бы услышать эту историю с самого первого слова. Вот я и решил предоставить вам эту возможность.

— Буду счастлив услышать такую историю.

Я не хотел большего наслаждения, как следовать за Холмсом во время его профессиональных занятий и любоваться его стремительной мыслью. Порой казалось, что он решает предлагаемые ему загадки не разумом, а каким-то вдохновенным чутьем, но на самом деле все его выводы были основаны на точной и строгой логике.

Я быстро оделся, и через несколько минут мы спустились в гостиную. Дама, одетая в черное, с густой вуалью на лице, поднялась при нашем появлении.

— Доброе утро, сударыня, — сказал Холмс приветливо. — Меня зовут Шерлок Холмс. Это мой близкий друг и помощник, доктор Уотсон, с которым вы можете быть столь же откровенны, как и со мной. Ага! Как хорошо, что миссис Хадсон догадалась затопить камин. Я вижу, вы очень продрогли. Присаживайтесь поближе к огню и разрешите предложить вам чашку кофе.

— Не холод заставляет меня дрожать, мистер Холмс, — тихо сказала женщина, подсаживаясь

к камину.

— А что же?

— Страх, мистер Холмс, ужас!

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, как она возбуждена, какое у нее посеревшее, осунувшееся лицо. В ее глазах был испуг, словно у затравленного зверя. Ей было не больше тридцати лет, но в волосах уже блестела седина, и выглядела она усталой и измученной.

She raised her veil.

Шерлок Холмс окинул ее своим быстрым всепонимающим взглядом.

— Вам нечего бояться, — сказал он, ласково погладив ее по руке. — Я уверен, что нам удастся

уладить все неприятности… Вы, я вижу, приехали утренним поездом.

— Разве вы меня знаете?

— Нет, но я заметил в вашей левой перчатке обратный билет. Вы сегодня рано встали, а потом, направляясь на станцию, долго тряслись в двуколке по скверной дороге.

Дама резко вздрогнула и в замешательстве взглянула на Холмса.

— Здесь нет никакого чуда, сударыня, — сказал он, улыбнувшись. — Левый рукав вашего жакета по крайней мере в семи местах забрызган грязью. Пятна совершенно свежие. Так обрызгаться можно только в двуколке, сидя слева от кучера.

— Все так и было, — сказала она. — Около шести часов я выбралась из дому, в двадцать минут седьмого была в Летерхеде и с первым поездом приехала в Лондон, на вокзал Ватерлоо… Сэр, я больше не вынесу этого, я сойду с ума! У меня нет никого, к кому я могла бы обратиться. Есть, впрочем, один человек, который принимает во мне участие, но чем он мне может помочь, бедняга? Я слышала о вас, мистер Холмс, слышала от миссис Фаринтош, которой вы помогли в минуту горя. Она дала мне ваш адрес. О сэр, помогите и мне или по крайней мере попытайтесь пролить

хоть немного света в тот непроницаемый мрак, который окружает меня! Я не в состоянии отблагодарить вас сейчас за ваши услуги, но через месяц-полтора я буду замужем, тогда у меня будет право распоряжаться своими доходами, и вы увидите, что я умею быть благодарной.

Холмс подошел к конторке, открыл ее, достал оттуда записную книжку.

— Фаринтош… — сказал он. — Ах да, я вспоминаю этот случай. Он связан с тиарой из опалов. По-моему, это было еще до нашего знакомства, Уотсон. Могу вас уверить, сударыня, что я буду счастлив отнестись к вашему делу с таким же усердием, с каким отнесся к делу вашей приятельницы. А вознаграждения мне никакого не нужно, так как моя работа и служит мне вознаграждением. Конечно, у меня будут кое-какие расходы, и их вы можете возместить, когда вам будет угодно. А теперь попрошу вас сообщить нам подробности вашего дела, чтобы мы могли иметь свое суждение о нем.

— Увы! — ответила девушка. — Ужас моего положения заключается в том, что мои страхи так неопределенны и смутны, а подозрения основываются на таких мелочах, казалось бы, не имеющих никакого значения, что даже тот,

к кому я имею право обратиться за советом и помощью, считает все мои рассказы бреднями нервной женщины. Он не говорит мне ничего, но я читаю это в его успокоительных словах и уклончивых взглядах. Я слышала, мистер Холмс, что вы, как никто, разбираетесь во всяких порочных наклонностях человеческого сердца и можете посоветовать, что мне делать среди окружающих меня опасностей.

— Я весь внимание, сударыня.

— Меня зовут Элен Стоунер. Я живу в доме моего отчима, Ройлотта. Он является последним отпрыском одной из старейших саксонских фамилий в Англии, Ройлоттов из Сток-Морона, у западной границы Суррея.

Холмс кивнул головой.

— Мне знакомо это имя, — сказал он.

— Было время, когда семья Ройлоттов была одной из самых богатых в Англии. На севере владения Ройлоттов простирались до Беркшира, а на западе — до Хапшира. Но в прошлом столетии четыре поколения подряд проматывали семейное состояние, пока наконец один из наследников, страстный игрок, окончательно не разорил семью во времена регентства. От прежних поместий остались лишь несколько

акров земли да старинный дом, построенный лет двести назад и грозящий рухнуть под бременем закладных. Последний помещик из этого рода влачил в своем доме жалкое существование нищего аристократа. Но его единственный сын, мой отчим, поняв, что надо как-то приспособиться к новому положению вещей, взял взаймы у какого-то родственника необходимую сумму денег, поступил в университет, окончил его с дипломом врача и уехал в Калькутту, где благодаря своему искусству и выдержке вскоре приобрел широкую практику. Но вот в доме у него случилась кража, и Ройлотт в припадке бешенства избил до смерти туземца-дворецкого. С трудом избежав смертной казни, он долгое время томился в тюрьме, а потом возвратился в Англию угрюмым и разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стоунер, молодой вдове генерал-майора артиллерии. Мы были близнецы — я и моя сестра Джулия, и, когда наша мать выходила замуж за доктора, нам едва минуло два года. Она обладала порядочным состоянием, дававшим ей не меньше тысячи фунтов дохода в год. По ее завещанию, это состояние переходило к доктору Ройлотту, поскольку мы жили вместе. Но если

мы выйдем замуж, каждой из нас должна быть выделена определенная сумма годового дохода. Вскоре после нашего возвращения в Англию наша мать умерла — она погибла восемь лет назад во время железнодорожной катастрофы при Кру. После ее смерти доктор Ройлотт оставил свои попытки обосноваться в Лондоне и наладить там медицинскую практику и вместе с нами поселился в родовом поместье в Сток-Морон. Состояния нашей матери вполне хватало на то, чтобы удовлетворять наши потребности, и, казалось, ничто не должно было мешать нашему счастью.

Но странная перемена произошла с моим отчимом. Вместо того, чтобы подружиться с соседями, которые вначале обрадовались, что Ройлотт из Сток-Морона вернулся в родовое гнездо, он заперся в усадьбе и очень редко выходил из дому, а если и выходил, то всякий раз затевал безобразную ссору с первым же человеком, который попадался ему на пути. Бешеная вспыльчивость, доходящая до исступления, передавалась по мужской линии всем представителям этого рода, а у моего отчима она, вероятно, еще более усилилась благодаря долгому пребыванию в тропиках. Много было у него яростных столкновений с соседями, два раза дело кончалось полицейским участком. Он

сделался грозой всего селения… Нужно сказать, что он человек невероятной физической силы, и, так как в припадке гнева совершенно не владеет собой, люди при встрече с ним буквально шарахались в сторону.

На прошлой неделе он швырнул в реку местного кузнеца, и, чтобы откупиться от публичного скандала, мне пришлось отдать все деньги, какие я могла собрать. Единственные друзья его — кочующие цыгане, он позволяет этим бродягам раскидывать шатры на небольшом, заросшем ежевикой клочке земли, составляющем все его родовое поместье, и порой кочует вместе с ними, по целым неделям не возвращаясь домой. Еще есть у него страсть к животным, которых присылает ему из Индии один знакомый, и в настоящее время по его владениям свободно разгуливают гепард и павиан, наводя на жителей почти такой же страх, как и он сам.

«He hurled the blacksmith over a parapet.»

Из моих слов вы можете заключить, что мы с сестрой жили не слишком-то весело. Никто не хотел идти к нам в услужение, и долгое время всю домашнюю работу мы исполняли сами. Сестре было всего тридцать лет, когда она умерла, а у нее уже начинала пробиваться седина, такая же, как у меня.

— Так ваша сестра умерла?

— Она умерла ровно два года назад, и как раз о ее смерти я и хочу рассказать вам. Вы сами понимаете, что при таком образе жизни мы почти

не встречались с людьми нашего возраста и нашего круга. Правда, у нас есть незамужняя тетка, сестра нашей матери, мисс Гонория Уэстфайл, она живет близ Харроу, и время от времени нас отпускали погостить у нее. Два года назад моя сестра Джулия проводила у нее Рождество. Там она встретилась с отставным майором флота, и он сделался ее женихом. Вернувшись домой, она рассказала о своей помолвке нашему отчиму. Отчим не возражал против ее замужества, но за две недели до свадьбы случилось ужасное событие, лишившее меня единственной подруги…

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и положив голову на длинную подушку. Глаза его были закрыты. Теперь он приподнял веки и взглянул на посетительницу.

— Прошу вас рассказывать, не пропуская ни одной подробности, — сказал он.

— Мне легко быть точной, потому что все события тех ужасных дней врезались в мою память… Как я уже говорила, наш дом очень стар, и только одно крыло пригодно для жилья. В нижнем этаже размещаются спальни, гостиные находятся в центре. В первой спальне спит доктор Ройлотт, во второй спала моя сестра, а в третьей — я. Спальни не сообщаются между собой, но все они имеют

выход в один коридор. Достаточно ли ясно я рассказываю?

— Да, вполне.

Окна всех трех спален выходят на лужайку. В ту роковую ночь доктор Ройлотт рано удалился в свою комнату, но мы знали, что он еще не лег, так как сестру мою долго беспокоил запах крепких индийских сигар, которые он имел привычку курить. Сестра не выносила этого запаха и пришла в мою комнату, где мы просидели некоторое время, болтая о ее предстоящем замужестве. В одиннадцать часов она поднялась и хотела уйти, но у дверей остановилась и спросила меня:

«Скажи, Элен, не кажется ли тебе, будто кто-то свистит по ночам?»

«Нет», — сказала я.

«Надеюсь, что ты не свистишь во сне?»

«Конечно, нет. А в чем дело?»

«В последнее время, часа в три ночи, мне ясно слышится тихий, отчетливый свист. Я сплю очень чутко, и свист будит меня. Не могу понять, откуда он доносится, — быть может, из соседней комнаты, быть может, с лужайки. Я давно уже хотела спросить у тебя, слыхала ли ты его».

«Нет, не слыхала. Может, свистят эти мерзкие цыгане?»

«Очень возможно. Однако, если бы свист доносился с лужайки, ты тоже слышала бы его».

«Я сплю гораздо крепче тебя».

«Впрочем, все это пустяки», — улыбнулась сестра, закрыла мою дверь, и спустя несколько мгновений я услышала, как щелкнул ключ в ее двери.

— Вот как! — сказал Холмс. — Вы на ночь всегда запираетесь на ключ?

— Всегда.

— А почему?

— Я, кажется, уже упомянула, что у доктора жили гепард и павиан. Мы чувствовали себя в безопасности лишь тогда, когда дверь была закрыта на ключ.

— Понимаю. Прошу продолжать.

— Ночью я не могла уснуть. Смутное ощущение какого-то неотвратимого несчастья охватило меня. Мы близнецы, а вы знаете, какими тонкими узами связаны столь родственные души. Ночь была жуткая: выл ветер, дождь барабанил в окна. И вдруг среди грохота бури раздался дикий вопль. То кричала моя сестра. Я спрыгнула с кровати и, накинув большой платок, выскочила в коридор. Когда я открыла дверь, мне показалось, что я слышу тихий свист, вроде того, о котором мне

рассказывала сестра, а затем что-то звякнуло, словно на землю упал тяжелый металлический предмет. Подбежав к комнате сестры, я увидела, что дверь тихонько колышется взад и вперед. Я остановилась, пораженная ужасом, не понимая, что происходит. При свете лампы, горевшей в коридоре, я увидела свою сестру, которая появилась в дверях, шатаясь, как пьяная, с бельм от ужаса лицом, протягивая вперед руки, словно моля о помощи. Бросившись к ней, я обняла ее, но в это мгновение колени сестры подогнулись, и она рухнула наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, руки и ноги ее сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнает, но когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула… О, я никогда не забуду ее страшного голоса.

«Боже мой, Элен! — кричала она. — Лента! Пестрая лента!»

Она пыталась еще что-то сказать, указывая пальцем в сторону комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал ее слова. Я выскочила и, громко крича, побежала за отчимом. Он уже спешил мне навстречу в ночном халате. Сестра была без сознания, когда он приблизился к ней. Он влил ей в рот коньяку и тотчас же послал за

деревенским врачом, но все усилия спасти ее были напрасны, и она скончалась, не приходя в сознание. Таков был ужасный конец моей любимой сестры…

Her face blanched with terror.

— Позвольте спросить, — сказал Холмс. — Вы уверены, что слышали свист и лязг металла? Могли бы вы показать это под присягой?

— Об этом спрашивал меня и следователь. Мне кажется, что я слышала эти звуки, однако меня могли ввести в заблуждение и завывание бури и потрескивания старого дома.

— Ваша сестра была одета?

— Нет, она выбежала в одной ночной рубашке.

В правой руке у нее была обгорелая спичка, а в левой спичечная коробка.

— Значит, она чиркнула спичкой и стала осматриваться, когда что-то испугало ее. Очень важная подробность. А к каким выводам пришел следователь?

— Он тщательно изучил все обстоятельства — ведь буйный характер доктора Ройлотта был известен всей округе, но ему так и не удалось найти мало-мальски удовлетворительную причину смерти моей сестры. Я показала на следствии, что дверь ее комнаты была заперта изнутри, а окна защищены снаружи старинными ставнями с широкими железными засовами. Стены были подвергнуты самому внимательному изучению, но они повсюду оказались очень прочными. Осмотр пола тоже не дал никаких результатов. Каминная труба широка, но ее перекрывают целых четыре вьюшки. Итак, нельзя сомневаться, что сестра во время постигшей ее катастрофы была совершенно одна. Никаких следов насилия обнаружить не удалось.

— А как насчет яда?

— Врачи исследовали ее, но не нашли ничего, что указывало бы на отравление.

— Что же, по-вашему, было причиной смерти?

— Мне кажется, она умерла от ужаса и нервного потрясения. Но я не представляю себе, кто мог бы ее так напугать.

— А цыгане были в то время в усадьбе?

— Да, цыгане почти всегда живут у нас.

— А что, по-вашему, могли означать ее слова о ленте, о пестрой ленте?

— Иногда мне казалось, что слова эти были сказаны просто в бреду, а иногда — что они относятся к цыганам. Но почему лента пестрая? Возможно, что пестрые платки, которые носят цыганки, внушили ей этот странный эпитет.

Холмс покачал головой: видимо, объяснение не удовлетворяло его.

— Это дело темное, — сказал он. — Прошу вас, продолжайте.

— С тех пор прошло два года, и жизнь моя была еще более одинокой, чем раньше. Но месяц назад один близкий мне человек, которого я знаю много лет, сделал мне предложение. Его зовут Армитедж, Пэрси Армитедж, он второй сын мистера Армитеджа из Крейнуотера, близ Рединга. Мой отчим не возражал против нашего брака, и этой весной мы должны обвенчаться. Два дня назад в западном крыле нашего дома начались кое-какие переделки. Была пробита стена моей спальни,

и мне пришлось перебраться в ту комнату, где скончалась сестра, и спать на той самой кровати, на которой спала она. Можете себе представить мой ужас, когда прошлой ночью, лежа без сна и размышляя о ее трагической смерти, я внезапно услышала в тишине тот самый тихий свист, который был предвестником гибели сестры. Я вскочила, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Снова лечь я не могла — я была слишком взволнована, поэтому я оделась и, чуть рассвело, выскользнула из дому, взяла двуколку в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, поехала в Летерхед, а оттуда сюда — с одной только мыслью повидать вас и спросить у вас совета.

— Вы очень умно поступили, — сказал мой друг. — Но все ли вы рассказали мне?

— Да, все.

— Нет, не все, мисс Ройлотт: вы щадите и выгораживаете своего отчима.

— Я не понимаю вас…

Вместо ответа Холмс откинул черную кружевную отделку на рукаве нашей посетительницы. Пять багровых пятен — следы пяти пальцев — ясно виднелись на белом запястье.

— Да, с вами обошлись жестоко, — сказал Холмс.

Девушка густо покраснела и поспешила опустить кружева.

— Отчим — суровый человек, — сказала она. — Он очень силен, и, возможно, сам не замечает своей силы.

Наступило долгое молчание. Холмс сидел, подперев руками подбородок и глядя на потрескивавший в камине огонь.

— Сложное дело, — сказал он наконец. — Мне хотелось бы выяснить еще тысячу подробностей, прежде чем решить, как действовать. А между тем нельзя терять ни минуты. Послушайте, если бы мы сегодня же приехали в Сток-Морон, удалось бы нам осмотреть эти комнаты, но так, чтобы ваш отчим ничего не узнал.

— Он как раз говорил мне, что собирается ехать сегодня в город по каким-то важным делам. Возможно, что его не будет весь день, и тогда никто вам не помешает. У нас есть экономка, но она стара и глупа, и я легко могу удалить ее.

— Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Уотсон?

— Ровно ничего.

— Тогда мы приедем оба. А что вы сами собираетесь делать?

— У меня в городе есть кое-какие дела. Но я вер-

нусь двенадцатичасовым поездом, чтобы быть на месте к вашему приезду.

— Ждите нас вскоре после полудня. У меня здесь тоже есть кое-какие дела. Может быть вы останетесь и позавтракаете с нами?

— Нет, мне надо идти! Теперь, когда я рассказала вам о своем горе, у меня просто камень свалился с души. Я буду рада снова увидеться с вами.

Она опустила на лицо черную густую вуаль и вышла из комнаты.

— Так что же вы обо всем этом думаете, Уотсон? — спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

— По-моему, это в высшей степени темное и грязное дело.

— Достаточно грязное и достаточно темное.

— Но если наша гостья права, утверждая, что пол и стены в комнате крепки, так что через двери, окна и каминную трубу невозможно туда проникнуть, значит, ее сестра в минуту своей таинственной смерти была совершенно одна…

— В таком случае, что означают эти ночные свисты и странные слова умирающей?

— Представить себе не могу.

— Если сопоставить факты: ночные свисты,

цыгане, с которыми у этого старого доктора такие близкие отношения, намеки умирающей на какую-то ленту и, наконец, тот факт, что мисс Элен Стоунер слышала металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни… если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы, — я полагаю, что мы напали на верные следы, которые помогут нам разгадать это таинственное происшествие.

— Но тогда при чем здесь цыгане?

— Понятия не имею.

— У меня все-таки есть множество возражений…

— Да и у меня тоже, и поэтому мы сегодня едем в Сток-Морон. Я хочу проверить все на месте. Не обернулись бы кое-какие обстоятельства самым роковым образом. Может быть их удастся прояснить. Черт возьми, что это значит?

Так воскликнул мой друг, потому что дверь внезапно широко распахнулась, и в комнату ввалился какой-то субъект колоссального роста. Его костюм представлял собою странную смесь: черный цилиндр и длинный сюртук указывали на профессию врача, а по высоким гетрам и охотничьему хлысту в руках его можно было принять

за сельского жителя. Он был так высок, что шляпой задевал верхнюю перекладину нашей двери, и так широк в плечах, что едва протискивался в дверь. Его толстое, желтое от загара лицо со следами всех пороков было перерезано тысячью морщин, а глубоко сидящие, злобно сверкающие глаза и длинный, тонкий, костлявый нос придавали ему сходство со старой хищной птицей.

«Which of you is Holmes?»

Он переводил взгляд то на Шерлока Холмса, то на меня.

— Который из вас Холмс? — промолвил наконец посетитель.

— Это мое имя, сэр, — спокойно ответил мой друг. — Но я не знаю вашего.

— Я доктор Гримеби Ройлотт из Сток-Морона.

— Очень рад. Садитесь, пожалуйста, доктор, — любезно сказал Шерлок Холмс.

— Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она говорила вам?

— Что-то не по сезону холодная погода нынче, — сказал Холмс.

— Что она говорила вам? — злобно закричал старик.

— Впрочем, я слышал, крокусы будут отлично цвести, — невозмутимо продолжал мой приятель.

— Ага, вы хотите отделаться от меня! — сказал наш гость, делая шаг вперед и размахивая охотничьим хлыстом. — Знаю я вас, подлеца. Я уже и прежде слышал про вас. Вы любите совать нос в чужие дела.

Мой друг улыбнулся.

— Вы проныра!

Холмс улыбнулся еще шире.

— Полицейская ищейка!

Холмс от души расхохотался.

— Вы удивительно приятный собеседник, — сказал он. — Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит.

— Я выйду только тогда, когда выскажусь. Не вздумайте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стоунер была здесь, я следил за ней! Горе тому, кто станет у меня на пути! Глядите!

Он быстро подошел к камину, взял кочергу и согнул ее своими огромными загорелыми руками.

— Смотрите, не попадайтесь мне в лапы! — прорычал он, швырнув искривленную кочергу в камин и вышел из комнаты.

— Какой любезный господин! — смеясь, сказал Холмс. — Я не такой великан, но если бы он не ушел, мне пришлось бы доказать ему, что мои лапы ничуть не слабее его лап.

С этими словами он поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил ее.

— Какая наглость смешивать меня с сыщиками из полиции! Что ж, благодаря этому происшествию наши исследования стали еще интереснее. Надеюсь, что наша приятельница не пострадает от того, что так необдуманно позволила этой скотине выследить себя. Сейчас, Уотсон, мы позавтракаем, а затем я отправлюсь к юристам и наведу у них несколько справок.

Было уже около часа, когда Холмс возвратился домой. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

— Я видел завещание покойной жены доктора, — сказал он. — Чтобы точнее разобраться в нем, мне пришлось справиться о нынешней стоимости ценных бумаг, в которых помещено состояние покойной. В год смерти общий доход ее составлял почти тысячу фунтов стерлингов, но с тех пор в связи с падением цен на сельскохозяйственные продукты, уменьшился до семисот пятидесяти фунтов стерлингов. Выйдя замуж, каждая дочь имеет право на ежегодный доход в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Следовательно, если бы обе дочери вышли замуж, наш красавец получал бы только жалкие крохи. Его доходы значительно уменьшились бы и в том случае, если бы замуж вышла лишь одна из дочерей. Я не напрасно потратил утро, так как получил ясные доказательства, что у отчима были весьма веские основания препятствовать замужеству падчериц. Обстоятельства слишком серьезны, Уотсон, и нельзя терять ни минуты, тем более что старик уже знает, как мы интересуемся его делами. Если вы готовы, надо поскорей вызвать кэб и ехать на вокзал. Буду вам чрез-

вычайно признателен, если вы сунете в карман револьвер. Револьвер — превосходный аргумент для джентльмена, который может завязать узлом стальную кочергу. Револьвер да зубная щетка — вот и все, что нам понадобится.

На вокзале Ватерлоо нам посчастливилось сразу попасть на поезд. Приехав в Летерхед, мы в гостинице возле станции взяли двуколку и проехали миль пять живописными дорогами Суррея. Был чудный солнечный день, и лишь несколько перистых облаков плыло по небу. На деревьях и на живой изгороди возле дорог только что распустились зеленые почки, и воздух был напоен восхитительным запахом влажной земли.

Странным казался мне контраст между сладостным пробуждением весны и ужасным делом, из-за которого мы прибыли сюда. Мой приятель сидел впереди, скрестив руки, надвинув шляпу на глаза, опустив подбородок на грудь, погруженный в глубокие думы. Внезапно он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал куда-то вдаль.

— Посмотрите!

Обширный парк раскинулся по склону холма, переходя в густую рощу на вершине; из-за веток виднелись очертания высокой крыши и шпиль старинного помещичьего дома.

— Сток-Морон? — спросил Шерлок Холмс.

— Да, сэр, это дом Гримеби Ройлотта, — ответил возница.

— Видите, вон там строят, — сказал Холмс. — Нам нужно попасть туда.

— Мы едем к деревне, — сказал возница, указывая на крыши, видневшиеся в некотором отдалении слева. — Но если вы хотите скорей попасть к дому, вам лучше перелезть здесь через забор, а потом пройти полями по тропинке. По той тропинке, где идет эта леди.

— А эта леди как будто мисс Стоунер, — сказал Холмс, заслоняя глаза от солнца. — Да, мы лучше пойдем по тропинке, как вы советуете.

We got off, paid our fare.

Мы вышли из двуколки, расплатились, и экипаж покатил обратно в Летерхед.

— Пусть этот малый думает, что мы архитекторы, — сказал Холмс, когда мы лезли через забор, — тогда наш приезд не вызовет особых толков. Добрый день, мисс Стоунер! Видите, мы сдержали свое слово!

Наша утренняя посетительница радостно спешила нам навстречу.

— Я с таким нетерпением ждала вас! — воскликнула дна, горячо пожимая нам руки. — Все устроилось чудесно: доктор Ройлотт уехал в город и вряд ли возвратится раньше вечера.

— Мы имели удовольствие познакомиться с доктором, — сказал Холмс и в двух словах рассказал о том, что произошло.

Мисс Стоунер побледнела.

— Боже мой! — воскликнула она. — Значит, он шел за мной следом!

— Похоже на то.

— Он так хитер, что я никогда не чувствую себя в безопасности. Что он скажет, когда возвратится?

— Придется ему быть осторожнее, потому что здесь может найтись кое-кто похитрее его. На ночь запритесь от него на ключ. Если он будет

буйствовать, мы увезем вас к вашей тетке в Харроу… Ну, а теперь надо как можно лучше использовать время, и потому проводите нас, пожалуйста, в те комнаты, которые мы должны обследовать.

Дом был из серого, покрытого лишайником камня и имел два полукруглых крыла, распростертых, словно клешни у краба, по обеим сторонам высокой центральной части. В одном из этих крыльев окна были выбиты и заколочены досками; крыша местами провалилась. Центральная часть казалась почти столь же разрушенной, зато правое крыло было сравнительно недавно отделано, и по шторам на окнах, по голубоватым дымкам, которые вились из труб, видно было, что живут именно здесь. У крайней стены были воздвигнуты леса, начаты кое-какие работы. Но ни одного каменщика не было видно.

Холмс стал медленно расхаживать по нерасчищенной лужайке, внимательно глядя на окна.

— Насколько я понимаю, тут комната, в которой вы жили прежде. Среднее окно — из комнаты вашей сестры, а третье окно, то, что поближе к главному зданию, — из комнаты доктора Ройлотта…

— Совершенно правильно. Но теперь я живу в

средней комнате.

— Понимаю, из-за ремонта. Кстати, как-то незаметно, чтобы эта стена нуждалась в столь неотложном ремонте.

— Совсем не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы убрать меня из моей комнаты.

— Весьма вероятно. Итак, вдоль противоположной стены тянется коридор, куда выходят двери всех трех комнат. В коридоре, без сомнения, есть окна?

— Да, но очень маленькие. Пролезть сквозь них невозможно.

— Так как вы обе запирались на ключ, то из коридора попасть к вам в комнаты нельзя. Будьте любезны, пройдите в свою комнату и закройте ставни.

Мисс Стоунер исполнила его просьбу. Холмс предварительно осмотрев окно, употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно: не было ни одной щелки, сквозь которую можно было бы просунуть хоть лезвие ножа, чтобы поднять засов. При помощи лупы он осмотрел петли, но они были из твердого железа и крепко вделаны в массивную стену.

— Гм! — проговорил он, в раздумье почесывая подбородок.

— Моя первоначальная гипотеза не подтверждается фактами. Когда ставни закрыты, в эти окна не влезть… Ладно, посмотрим, не удастся ли нам выяснить что-нибудь, осмотрев комнаты изнутри.

Маленькая боковая дверь открывалась в выбеленный известкой коридор, в который выходили двери всех трех спален. Холмс не счел нужным осматривать третью комнату, и мы сразу прошли во вторую, где теперь спала мисс Стоунер и где умерла ее сестра. Это была просто обставленная комнатка с низким потолком и с широким камином, одним из тех, которые встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод; другой угол занимала узкая кровать, покрытая белым одеялом; слева от окна находился туалетный столик. Убранство комнаты довершали два плетеных стула да квадратный коврик посередине. Панели на стенах были из темного, источенного червями дуба, такие древние и выцветшие, что казалось, их не меняли со времени постройки дома.

Холмс взял стул и молча уселся в углу. Глаза его внимательно скользили вверх и вниз по стенам, бегали вокруг комнаты, изучая и осматривая каждую мелочь.

— Куда проведен этот звонок? — спросил он наконец указывая на висевший над кроватью толстый шнур от звонка, кисточка которого лежала на подушке.

— В комнату прислуги.

— Он как будто новее всех прочих вещей.

— Да, он проведен всего несколько лет назад.

— Вероятно, ваша сестра просила об этом?

— Нет, она никогда им не пользовалась. Мы всегда все делали сами.

— Действительно, здесь этот звонок — лишняя роскошь. Вы меня извините, если я задержу вас на несколько минут: мне хочется хорошенько осмотреть пол.

С лупой в руках он ползал на четвереньках взад и вперед по полу, пристально исследуя каждую трещину в половицах. Также тщательно он осмотрел и панели на стенах. Потом подошел к кровати, внимательно оглядел ее и всю стену снизу доверху. Потом взял шнур от звонка и дернул его.

— Да ведь звонок поддельный! — сказал он.

— Он не звонит?

— Он даже не соединен с проволокой. Любопытно! Видите, он привязан к крючку как раз над тем маленьким отверстием для вентилятора.

— Как странно! Я и не заметила этого.

— Очень странно… — бормотал Холмс, дергая шнур. — В этой комнате многое обращает на себя внимание. Например, каким нужно быть безумным строителем, чтобы вывести вентилятор в соседнюю комнату, когда его с такой же легкостью можно было вывести наружу!

— Все это сделано тоже очень недавно, — сказала Элен.

— Примерно в одно время со звонком, — заметил Холмс.

— Да, как раз в то время здесь произвели кое-какие переделки.

— Интересные переделки: звонки, которые не звонят, и вентиляторы, которые не вентилируют. С вашего позволения, мисс Стоунер, мы перенесем наши исследования в другие комнаты.

Комната доктора Гримеби Ройлотта была больше, чем комната его падчерицы, но обставлена так же просто. Походная кровать, небольшая деревянная полка, уставленная книгами, преимущественно техническими, кресло рядом с кроватью, простой плетеный стул у стены, круглый стол и большой железный несгораемый шкаф — вот и все, что бросалось в глаза при входе в комнату. Холмс медленно похаживал вокруг, с

живейшим интересом исследуя каждую вещь.

— Что здесь? — спросил он, стукнув по несгораемому шкафу.

— Деловые бумаги моего отчима.

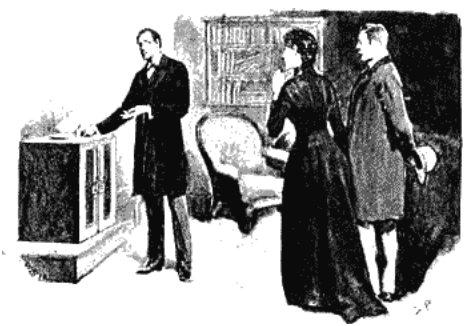
— Ого! Значит, вы заглядывали в этот шкаф?

— Только раз, несколько лет назад. Я помню, там была кипа бумаг.

— А нет ли в нем, например, кошки?

— Нет. Что за странная мысль!

— А вот посмотрите!



«Well, look at this.»

Он снял со шкафа маленькое блюдце с молоком.

— Нет, кошек мы не держим. Но зато у нас есть гепард и павиан.

— Ах, да! Гепард, конечно, всего только большая кошка, но сомневаюсь, что такое маленькое блюдце молока может насытить этого зверя. Да, в этом надо разобраться.

Он присел на корточки перед стулом и принялся с глубоким вниманием изучать сиденье.

— Благодарю вас, все ясно, — сказал он, поднимаясь и кладя лупу в карман. — Ага, вот еще кое-что весьма интересное!

Внимание его привлекла небольшая собачья плеть, висевшая в углу кровати. Конец ее был завязан петлей.

— Что вы об этом думаете, Уотсон?

— По-моему, самая обыкновенная плеть. Не понимаю, для чего понадобилось завязывать на ней петлю.

— Не такая уж обыкновенная… Ах, сколько зла на свете, и хуже всего, когда злые дела совершает умный человек!.. Ну, с меня достаточно, мисс, я узнал все, что мне нужно, а теперь с вашего разрешения мы пройдемся по лужайке.

Я никогда не видел Холмса таким угрюмым и насупленным. Некоторое время мы расхаживали взад и вперед в глубоком молчании, и ни я, ни мисс Стоунер не прерывали течения его мыслей, пока он сам не очнулся от задумчивости.

— Очень важно, мисс Стоунер, чтобы вы в точности следовали моим советам, — сказал он.

— Я исполню все беспрекословно.

— Обстоятельства слишком серьезны, и колебаться нельзя. От вашего полного повиновения зависит ваша жизнь.

— Я целиком полагаюсь на вас.

— Во-первых, мы оба — мой друг и я — должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стоунер и я взглянули на него с изумлением.

— Это необходимо. Я вам объясню. Что это там, в той стороне? Вероятно, деревенская гостиница?

— Да, там «Корона».

— Очень хорошо. Оттуда видны ваши окна?

— Конечно.

— Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, уйдите в свою комнату и заприте ставни, откроете ставни вашего окна и поставите на подоконник лампу; эта лампа будет для нас сигналом. Тогда, захватив с собой все, что пожелаете, вы перейдете в свою бывшую комнату. Я убежден, что, несмотря на ремонт, вы можете один раз переночевать в ней.

— Безусловно.

— Остальное предоставьте нам.

— Но что же вы собираетесь сделать?

— Мы проведем ночь в вашей комнате и выясним причину шума, напугавшего вас.

— Мне кажется, мистер Холмс, что вы уже пришли к какому-то выводу, — сказала мисс Стоунер, дотрагиваясь до рукава моего друга.

— Быть может, да.

— Тогда, ради всего святого, скажите хотя бы, отчего умерла моя сестра?

— Прежде чем ответить, я хотел бы собрать более точные улики.

— Тогда скажите по крайней мере, верно ли мое предположение, что она умерла от внезапного испуга?

— Нет, неверно: я полагаю, что причина ее смерти была более вещественна… А теперь, мисс Стоунер, мы должны покинуть вас, потому что, если мистер Ройлотт вернется и застанет нас, вся поездка окажется совершенно напрасной. До свидания! Будьте мужественны, сделайте все, что я сказал, и не сомневайтесь, что мы быстро устраним грозящую вам опасность.

«Good-bye, and be brave.»

Мы с Шерлоком Холмсом без всяких затруднений сняли номер в гостинице «Корона». Номер наш находился в верхнем этаже, и из окна видны были ворота парка и обитаемое крыло сток-моронского дома. В сумерках мы видели, как мимо проехал доктор Гримеби Ройлотт; его грузное тело вздымалось горой рядом с тощей фигурой мальчишки, правившего экипажем. Мальчишке не сразу удалось открыть тяжелые железные ворота, и мы слышали, как рычал на него доктор,

и видели, с какой яростью он потрясал кулаками. Экипаж въехал в ворота, и через несколько минут сквозь деревья замелькал свет от лампы, зажженной в одной из гостиных. Мы сидели в потемках, не зажигая огня.

— Право, не знаю, — сказал Холмс, — брать ли вас сегодня ночью с собой! Дело-то очень опасное.

— А я могу быть полезен вам?

— Ваша помощь может оказаться неоценимой.

— Тогда я непременно пойду.

— Спасибо.

— Вы говорите об опасности. Очевидно, вы видели в этих комнатах что-то такое, чего не видел я.

— Нет, я видел то же, что и вы, но сделал другие выводы.

— Я не заметил в комнате ничего примечательного, кроме шнура от звонка, но, признаюсь, не способен понять, для какой цели он может служить.

— А на вентилятор вы обратили внимание?

— Да, но мне кажется, что в этом маленьком отверстии между двумя комнатами нет ничего необычного. Оно так мало, что даже мышь едва ли может пролезть сквозь него.

— Я знал об этом вентиляторе прежде, чем мы приехали в Сток-Морон.

— Дорогой мой Холмс!

— Да, знал. Помните, мисс Стоунер сказала, что ее сестра чувствовала запах сигар, которые курит доктор Ройлотт? А это доказывает, что между двумя комнатами есть отверстие, и, конечно, оно очень мало, иначе его заметил бы следователь при осмотре комнаты. Я решил, что тут должен быть вентилятор.

— Но какую опасность может таить в себе вентилятор?

— А посмотрите, какое странное совпадение: над кроватью устраивают вентилятор, вешают шнур, и леди, спящая на кровати, умирает. Разве это не поражает вас?

— Я до сих пор не могу связать эти обстоятельства.

— А в кровати вы не заметили ничего особенного?

— Нет.

— Она привинчена к полу. Вы когда-нибудь видели, чтобы кровати привинчивали к полу?

— Пожалуй, не видел.

— Леди не могла передвинуть свою кровать, ее кровать всегда оставалась в одном и том же по-

ложении по отношению к вентилятору и шнуру. Этот звонок приходится называть просто шнуром, так как он не звонит.

— Холмс! — вскричал я. — Кажется, я начинаю понимать, на что вы намекаете. Значит, мы явились как раз вовремя, чтобы предотвратить ужасное и утонченное преступление.

— Да, утонченное и ужасное. Когда врач совершает преступление, он опаснее всех прочих преступников. У него крепкие нервы и большие знания. Палмер и Причард[22] были лучшими специалистами в своей области. Этот человек очень хитер, но я надеюсь, Уотсон, что нам удастся перехитрить его. Сегодня ночью нам предстоит пережить немало страшного, и потому, прошу вас, давайте пока спокойно закурим трубки и проведем эти несколько часов, разговаривая о чем-нибудь более веселом.

Часов около девяти свет, видневшийся между деревьями, погас, и усадьба погрузилась во тьму. Так прошло часа два, и вдруг ровно в одиннадцать одинокий яркий огонек засиял прямо против

---

[22] Примечания: ~ n_22 ~

Палмер, Уильям — английский врач, отравивший стрихнином своего приятеля; казнен в 1856 году.

Причард, Эдуард Уильям — английский врач, отравивший свою жену и тещу; казнен в 1865 году.

нашего окна.

— Это сигнал для нас, — сказал Холмс, вскакивая. — Свет горит в среднем окне.

Выходя, он сказал хозяину гостиницы, что мы идем в гости к одному знакомому и, возможно, там и переночуем. Через минуту мы вышли на темную дорогу. Свежий ветер дул нам в лицо, желтый свет, мерцая перед нами во мраке, указывал путь.

Попасть к дому было нетрудно, потому что старая парковая ограда обрушилась во многих местах. Пробираясь между деревьями, мы достигли лужайки, пересекли ее и уже собирались влезть в окно, как вдруг какое-то существо, похожее на отвратительного урода-ребенка, выскочило из лавровых кустов, бросилось, корчась, на траву, а потом промчалось через лужайку и скрылось в темноте.

— Боже! — прошептал я. — Вы видели?

В первое мгновение Холмс испугался не меньше меня. Он схватил мою руку и сжал ее, словно тисками. Потом тихо рассмеялся и, приблизив губы к моему уху, пробормотал еле слышно:

— Милая семейка! Ведь это павиан.

Я совсем забыл о любимцах доктора. А гепард, который каждую минуту может оказаться у

нас на плечах? Признаться, я почувствовал себя значительно лучше, когда, следуя примеру Холмса, сбросил ботинки, влез в окно и очутился в спальне. Мой друг бесшумно закрыл ставни, переставил лампу на стол и быстро оглядел комнату. Здесь было все как днем. Он приблизился ко мне и, сложив руку трубкой, прошептал так тихо, что я едва понял его:

— Малейший звук погубит нас.

Я кивнул головой, показывая, что слышу.

— Нам придется сидеть без огня. Сквозь вентилятор он может заметить свет.

Я кивнул еще раз.

— Не засните — от этого зависит ваша жизнь. Держите револьвер наготове. Я сяду на край кровати, а вы на стул.

Я вытащил револьвер и положил его на угол стола. Холмс принес с собой длинную, тонкую трость и поместил ее возле себя на кровать вместе с коробкой спичек и огарком свечи. Потом задул лампу, и мы остались в полной темноте.

Забуду ли я когда-нибудь эту страшную бессонную ночь! Ни один звук не доносился до меня. Я не слышал даже дыхания своего друга, а между тем знал, что он сидит в двух шагах от меня с открытыми глазами, в таком же напря-

женном, нервном состоянии, как и я. Ставни не пропускали ни малейшего луча света, мы сидели в абсолютной тьме. Изредка снаружи доносился крик ночной птицы, а раз у самого нашего окна раздался протяжный вой, похожий на кошачье мяуканье: гепард, видимо, гулял на свободе. Слышно было, как вдалеке церковные часы гулко отбивали четверти. Какими долгими они казались нам, эти каждые пятнадцать минут! Пробило двенадцать, час, два, три, а мы все сидели молча, ожидая чего-то неизбежного.

Внезапно у вентилятора мелькнул свет и сразу же исчез, но тотчас мы почувствовали сильный запах горелого масла и накаленного металла. Кто-то в соседней комнате зажег потайной фонарь. Я услышал, как что-то двинулось, потом все смолкло, и только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, напряженно вглядываясь в темноту. Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась из котла тонкая струйка пара. И в то же мгновение Холмс вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру.

— Вы видите ее, Уотсон? — проревел он. — Видите?

Но я ничего не видел. Пока Холмс чиркал

спичкой, я слышал тихий отчетливый свист, но внезапный яркий свет так ослепил мои утомленные глаза, что я не мог ничего разглядеть и не понял, почему Холмс так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отвращения на его мертвенно-бледном лице.

Holmes lashed furiously.

Холмс перестал хлестать и начал пристально разглядывать вентилятор, как вдруг тишину ночи прорезал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни. Этот хриплый крик, в котором смешались страдание, страх и ярость, становился все громче и громче. Рассказывали

потом, что не только в деревне, но даже в отдаленном домике священника крик этот разбудил всех спящих. Похолодевшие от ужаса, мы глядели друг на друга, пока последний вопль не замер в тишине.

— Что это значит? — спросил я, задыхаясь.

— Это значит, что все кончено, — ответил Холмс. — И в сущности, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдем в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было сурово. Он зажег лампу и пошел по коридору. Дважды он стукнул в дверь комнаты доктора, но изнутри никто не ответил. Тогда он повернул ручку и вошел в комнату. Я шел следом за ним, держа в руке заряженный револьвер.

Необычайное зрелище представилось нашим взорам. На столе стоял фонарь, бросая яркий луч света на железный несгораемый шкаф, дверца которого была полуоткрыта. У стола на соломенном стуле сидел доктор Гримиби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого виднелись голые лодыжки. Ноги его были в красных турецких туфлях без задников. На коленях лежала та самая плеть, которую мы еще днем заметили в его комнате. Он сидел, задрав подбородок кверху, неподвижно устремив глаза в потолок; в глазах

застыло выражение страха. Вокруг его головы туго обвилась какая-то необыкновенная, желтая с коричневыми крапинками лента. При нашем появлении доктор не шевельнулся и не издал ни звука.

— Лента! Пестрая лента! — прошептал Холмс.

He made neither sound nor motion.

Я сделал шаг вперед. В то же мгновение странный головной убор зашевелился, и из волос доктора Ройлотта поднялась граненая головка и раздувшаяся шея ужасной змеи.

— Болотная гадюка! — вскричал Холмс. — Самая смертоносная индийская змея! Он умер через девять секунд после укуса. «Поднявший меч от меча и погибнет», и тот, кто роет другому

яму, сам в нее попадет. Посадим эту тварь в ее логово, отправим мисс Стоунер в какое-нибудь спокойное место и дадим знать полиции о том, что случилось.

Он схватил плеть с колен мертвого, накинул петлю на голову змеи, стащил ее с ужасного насеста, швырнул внутрь несгораемого шкафа и захлопнул дверцу.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройлотта из Сток-Морона. Не стану подробно рассказывать, как мы сообщили печальную новость испуганной девушке, как утренним поездом мы препроводили ее на попечение тетки в Харроу и как туповатое полицейское следствие пришло к заключению, что доктор погиб от собственной неосторожности, забавляясь со своей любимицей — ядовитой змеей. Остальное Шерлок Холмс рассказал мне, когда мы на следующий день ехали обратно.

— В начале я пришел к совершенно неправильным выводам, мой дорогой Уотсон, — сказал он, — и это доказывает, как опасно опираться на неточные данные. Присутствие цыган, восклицание несчастной девушки, пытавшейся объяснить, что она увидела, чиркнув спичкой, — всего этого было достаточно, чтобы навести меня

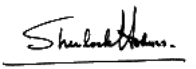
на ложный след. Но когда мне стало ясно, что в комнату невозможно проникнуть ни через дверь, ни через окно, что не оттуда грозит опасность обитателю этой комнаты, я понял свою ошибку, и это может послужить мне оправданием. Я уже говорил вам, внимание мое сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим вентилятор с кроватью. Мне сразу же пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими тварями, я понял, что, пожалуй, угадал. Только такому хитрому, жестокому злодею, прожившему много лет на Востоке могло прийти в голову прибегнуть к яду, который нельзя обнаружить химическим путем. В пользу этого яда, с его точки зрения, говорило и то, что он действует мгновенно. Следователь должен был бы обладать поистине необыкновенно острым зрением, чтобы разглядеть два крошечных темных пятнышка, оставленных зубами змеи. Потом я вспомнил о свисте. Свистом доктор звал змею обратно, чтобы ее не увидели на рассвете рядом с мертвой. Вероятно, давая ей молоко, он приучил

ее возвращаться к нему. Змею он пропускал через вентилятор в самый глухой час ночи и знал наверняка, что она поползет по шнуру и спустится на кровать. Рано или поздно девушка должна была стать жертвой ужасного замысла, змея ужалила бы ее, если не сейчас, то через неделю. Я пришел к этим выводам еще до того, как посетил комнату доктора Ройлотта. Когда же я исследовал сиденье его стула, я понял, что у доктора была привычка становиться на стул, чтобы достать до вентилятора. А когда я увидел несгораемый шкаф, блюдце с молоком и плеть, мои последние сомнения окончательно рассеялись. Металлический лязг, который слышала мисс Стоунер, был, очевидно, стуком дверцы несгораемого шкафа, куда доктор прятал змею. Вам известно, что я предпринял, убедившись в правильности своих выводов. Как только я услышал шипение змеи — вы, конечно, тоже слыхали его, — я немедленно зажег свет и начал стегать ее тростью.

— Вы прогнали ее назад в вентилятор…

— …и тем самым заставил напасть на хозяина. Удары моей трости разозлили ее, в ней проснулась змеиная злоба, и она напала на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Гримеби

Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть.



Палец инженера

The Adventure of the Engineer's Thumb
First published in the Strand Magazine,
Mar. 1892,
with 8 illustrations by Sidney Paget.

Из всех задач, какие приходилось решать моему другу мистеру Шерлоку Холмсу, мною его вниманию было предложено лишь две, а именно: случай, когда мистер Хэдерли лишился большого пальца, и происшествие с обезумевшим полковником Уорбэртоном. Последняя представляла собой обширное поле деятельности для тонкого и самобытного наблюдателя, зато первая оказалась столь своеобразной и столь драматичной по своим подробностям, что скорее заслуживает изложения в моих записках, хотя и не позволила моему приятелю применить те дедуктивные методы мышления, благодаря которым он неоднократно добивался таких примечательных результатов. Об этой истории, мне помнится, не раз писали газеты, но, как и все подобные события, втиснутая в газетный столбец, она казалась значительно менее увлекательной, нежели то-

гда, когда ее рассказывал участник событий, и действие как бы медленно развертывалось перед нашими глазами, и мы шаг за шагом проникали в тайну и приближались к истине. В свое время обстоятельства этого дела произвели на меня глубокое впечатление, и прошедшие с тех пор два года ничуть не ослабили этот эффект.

События, о которых я хочу рассказать, произошли летом 1889 года, вскоре после моей женитьбы. Я снова занялся врачебной практикой и навсегда распрощался с квартирой на Бейкер-стрит, хотя часто навещал Холмса и время от времени даже убеждал отказаться от богемных привычек и почаще приходить к нам. Практика моя неуклонно росла, а поскольку я жил неподалеку от Паддингтона, то среди пациентов у меня было несколько служащих этого вокзала. Один из них, которого мне удалось вылечить от тяжелой, изнурительной болезни, без устали рекламировал мои достоинства и посылал ко мне каждого страждущего, кого он был способен уговорить обратиться к врачу.

Однажды утром, часов около семи, меня разбудила, постучав в дверь, наша служанка. Она сказала, что с Паддингтона пришли двое мужчин и ждут меня в кабинете. Я быстро оделся, зная

по опыту, что несчастные случаи на железной дороге редко бывают пустячными, и сбежал вниз. Из приемной, плотно прикрыв за собой дверь, вышел мой старый пациент — кондуктор.

— Он здесь, — прошептал он, указывая на дверь. — Все в порядке.

— Кто? — не понял я. По его шепоту можно было подумать, что он запер у меня в кабинете какое-то необыкновенное существо.

— Новый пациент, — так же шепотом продолжал он. — Я решил, что лучше сам приведу его, тогда ему не сбежать. Он там, все в порядке. А мне пора. У меня, доктор, как и у вас, свои обязанности.

И он ушел, мой верный поклонник, не дав мне даже возможности поблагодарить его.

Я вошел в приемную; возле стола сидел человек. Он был одет в недорогой костюм из пестротканого твида; кепка его лежала на моих книгах. Одна рука у него была обвязана носовым платком сплошь в пятнах крови. Он был молод, лет двадцати пяти, не больше, с выразительным мужественным лицом, но страшно бледен и словно чем-то потрясен — он был совершенно не в силах овладеть собою.

— Извините, что так рано потревожил вас,

доктор, — сказал он, — но со мной нынче ночью произошло нечто серьезное. Я приехал в Лондон утренним поездом, и, когда начал узнавать в Паддингтоне, где найти врача, этот добрый человек любезно проводил меня к вам. Я дал служанке свою карточку, но, вижу, она оставила ее на столе.

Я взял карточку и прочел имя, род занятий и адрес моего посетителя: «Мистер Виктор Хэдерли, инженер-гидравлик. Виктория-стрит, 16-а (4-й этаж)».

— Очень сожалею, что заставил вас ждать, — сказал я, усаживаясь в кресло у письменного стола. — Вы ведь всю ночь ехали — занятие само по себе не из веселых.

— О, эту ночь скучной я никак не могу назвать, — ответил он и расхохотался.

Откинувшись на спинку стула, он весь трясся от смеха, и в его смехе звучала какая-то высокая, звенящая нота. Мне, как медику, его смех не понравился.

— Прекратите! Возьмите себя в руки! — крикнул я и налил ему воды из графина.

Но и это не помогло. Им овладел один из тех истерических припадков, которые случаются у сильных натур, когда переживания уже позади.

Наконец смех утомил его, и он несколько успокоился.

— Я веду себя крайне глупо, — задыхаясь, вымолвил он.

— Вовсе нет. Выпейте это! — Я плеснул в воду немного коньяку, и его бледные щеки порозовели.

— Спасибо, — поблагодарил он. — А теперь, доктор, будьте добры посмотреть мой палец, или, лучше сказать, то место, где он когда-то был.

Он снял платок и протянул руку. Даже я, привычный к такого рода зрелищам, содрогнулся. На руке торчало только четыре пальца, а на месте большого было страшное красное вздутие. Палец был оторван или отрублен у самого основания.

He unwound the handkerchief and held out his hand.

— Боже мой! — воскликнул я. — Какая ужасная рана! Крови, наверное, вытекло предостаточно.

— Да. После удара я упал в обморок и, наверное, был без сознания очень долго. Очнувшись, я увидел, что кровь все еще идет, тогда я туго завязал платок вокруг запястья и закрутил узел щепкой.

— Превосходно! Из вас вышел бы хороший хирург.

— Да нет, просто я разбираюсь в том, что имеет отношение к гидравлике.

— Рана нанесена тяжелым и острым инструментом, — сказал я, осматривая руку.

— Похожим на нож мясника, — добавил он.

— Надеюсь, случайно?

— Никоим образом.

— Неужели покушение?

— Вот именно.

— Не пугайте меня.

Я промыл и обработал рану, а затем укутал руку ватой и перевязал пропитанными корболкой бинтами. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и ни разу не поморщился, хотя время от времени закусывал губы.

— Ну, как? — закончив, спросил я.

— Превосходно! После вашего коньяка и перевязки я словно заново родился. Я очень ослабел, ведь мне пришлось немало испытать.

— Может, лучше не говорить о случившемся? Вы будете волноваться.

— О нет. Сейчас уже нет. Все равно придется выкладывать всю историю в полиции. Но, между нами говоря, только моя рана может заставить их поверить моему заявлению. История эта совершенно необычная, а я ничем подтвердить ее не могу. Даже если мне поверят, доводы, которые я способен представить в доказательство ее, настолько неопределенны, что вряд ли здесь восторжествует правосудие.

— Значит, это загадка, которую нужно разрешить, — воскликнул я. — Тогда я настоятельно рекомендую вам, прежде чем обращаться в полицию, пойти к моему другу мистеру Шерлоку Холмсу.

— Я слышал об этом человеке, — ответил мой пациент, — и был бы очень рад, если бы он взял это дело на себя, хотя, разумеется, все равно придется заявить в полицию. Может, вы порекомендуете меня ему?

— Больше того, я сам отвезу вас к нему.

— Премного буду вам обязан.

— Давайте вызовем экипаж и поедем. Мы как раз поспеем к завтраку. Вы в состоянии ехать?

— Да. На душе у меня будет неспокойно до тех пор, пока я не расскажу мою историю.

— Тогда я попрошу служанку вызвать кэб и через минуту буду готов.

Я побежал наверх, в нескольких словах рассказал о случившемся жене и через пять минут вместе с моим новым знакомым уже ехал по направлению к Бейкер-стрит.

Как я и предполагал, Шерлок Холмс — еще в халате — сидел в гостиной, читал ту колонку из «Таймса», в которой публикуются сведения о розыске различных лиц, и курил трубку. Эту

трубку он обычно выкуривал до завтрака, набивая всякими остатками всех табаков — они с особой тщательностью собирались и сушились на каминной доске. Он принял нас с присущим ему спокойствием и радушием, заказал для нас яичницу с ветчиной, и мы на славу позавтракали. Когда с едой было покончено, он усадил нашего нового знакомого на диван, подложил ему под спину подушку, а рядом поставил стакан воды с коньяком.

He settled our new acquaintance on the sofa.

— Вам, видно, пришлось пережить нечто необычное, мистер Хэдерли, — сказал он. — Про-

шу вас прилечь на диван и чувствовать себя как дома. Рассказывайте, пока сможете, но, если почувствуете себя плохо, помолчите и попробуйте восстановить силы при помощи вот этого легкого средства.

— Благодарю вас, — ответил мой пациент, — но я чувствую себя другим человеком после того, как доктор перевязал мне руку, а ваш завтрак, по-видимому, завершил курс лечения. Я постараюсь недолго занимать у вас драгоценное время и поэтому тотчас же приступаю к рассказу о моих удивительных приключениях.

Опустив тяжелые веки, будто от усталости — что на самом деле лишь скрывало присущее ему жадное любопытство, — Холмс поудобнее уселся в кресло, я пристроился напротив, и мы принялись слушать действительно невероятную историю, которую наш посетитель изложил во всех подробностях.

— Должен сказать вам, — начал он, — что родители мои умерли, я не женат и потому живу совершенно один в своей лондонской квартире. По профессии я инженер-гидравлик и приобрел немалый опыт в течение тех семи лет, что пробыл в подручных в известной гринвичской фирме «Веннер и Мейтсон». Два года назад, унаследовав

солидную сумму денег после смерти отца, я решил завести собственное дело и открыл контору на Виктория-стрит.

Наверное, каждому, кто открывает собственное дело, сначала приходится туго. Во всяком случае, так было со мной. В течение двух лет мне довелось дать всего три консультации и выполнить одну небольшую работу — вот и все, что дала мне моя специальность. Весь мой доход составляет на сегодняшний день двадцать семь фунтов десять шиллингов. Ежедневно с девяти утра до четырех я сидел в своей захудалой конторе и наконец о тяжелым сердцем начал понимать, что у меня не будет настоящей работы.

Но вот вчера, когда я собрался было уходить, вошел мой клерк, доложил, что меня желает видеть по делу какой-то джентльмен, и подал мне визитную карточку: «Полковник Лизандер Старк». А следом в комнату вошел и сам полковник, человек роста выше среднего, но чрезвычайно худой. До сих пор мне не доводилось встречать таких худых людей. Кожа так обтягивала выпирающие скулы, что лицо его, казалось, состояло лишь из носа и подбородка. Тем не менее худым он был по природе, а не от какой-либо болезни, ибо взгляд у него сверкал, двигался он проворно и держался

уверенно. Он был просто, но аккуратно одет, а по возрасту, решил я, ему под сорок.

Colonel Lysander Stark.

— Мистер Хэдерли? — спросил он с немецким акцентом. — Вас порекомендовали мне как человека не только опытного, но и скромного, умеющего хранить тайну.

Я поклонился, чувствуя себя польщенным, как и всякий молодой человек при обращении

подобного рода.

— Разрешите узнать, кто дал мне такую лестную характеристику? — полюбопытствовал я.

— Я предпочитаю пока умолчать об этом. Из того же источника мне стало известно, что родители ваши умерли, вы холосты и живете в Лондоне один.

— Совершенно правильно, — ответил я, — но простите, я не совсем понимаю, какое это имеет отношение к моей деятельности. Вы ведь желали увидеть меня по делу?

— Именно так. Вы сейчас убедитесь, что все, о чем я говорю, имеет непосредственное отношение к делу. Я хочу поручить вам одну работу, но при этом должна сохраняться полная тайна, полная тайна, понятно? Чего, разумеется, можно скорее ожидать от человека одинокого, нежели от человека, который живет в кругу семьи.

— Если я дам слово хранить тайну, — сказал я, — можете быть уверены, я его не нарушу.

Он пристально посмотрел на меня, и я подумал, что ни разу не видел столь подозрительного и недоверчивого взгляда.

— Итак, вы обещаете? — спросил он.

— Да, обещаю.

— Обещаете хранить полное молчание до, во

время и после работы? Никогда не упоминать об этом деле ни устно, ни письменно?

— Я уже дал вам слово.

— Очень хорошо.

Вдруг он вскочил и, молнией метнувшись по комнате, распахнул дверь настежь. За дверью никого не было.

— Все в порядке, — заметил он, возвращаясь на место. — Известно, как клерки порой интересуются делами своих хозяев. Теперь можем поговорить спокойно.

Он подвинул свой стул вплотную к моему и уставился на меня тем же недоверчиво-пронзительным взглядом.

Чувство отвращения и что-то похожее на страх начало расти во мне при столь странном поведении этого чересчур худого человека. Даже боязнь потерять клиента не могла заставить меня терпеливо ждать, пока он заговорит.

— Прошу вас, сэр, изложить дело, я дорожу своим временем.

Да простит мне небо эти слова, но они сами сорвались с моих уст.

— Вас устроят пятьдесят гиней за одну ночь работы? — спросил он.

— Вполне.

— Я сказал — за ночь работы, но правильнее сказать — за час. Мне просто нужно ваше мнение по поводу гидравлического пресса, который вышел из строя. Если вы подскажете, в чем дело, мы сумеем сами устранить неисправность. Что скажете?

— Дело несложное, плата хороша.

— Именно так. Нам хотелось бы, чтобы вы приехали сегодня вечером последним поездом.

— Куда?

— В Айфорд. Это небольшая деревушка в Брекшире, на границе с Оксфордширом, в семи милях от Рединга. От Паддингтона есть поезд, который прибывает туда примерно в одиннадцать пятнадцать.

— Превосходно.

— Я приеду в экипаже встретить вас.

— Значит, придется добираться на лошадях?

— Да, наш дом находится в стороне от железной дороги. От Айфорд до него добрых семь миль.

— Значит, вряд ли мы доберемся до места к полуночи. И обратного поезда уже не будет. Мне придется провести у вас всю ночь.

— Что же, это не проблема.

— Но не очень-то удобно. А не мог бы я приехать в какое-нибудь другое, более подходящее время?

— Самое лучшее, считаем мы, если вы приедете поздно вечером. Именно за неудобства мы и платим вам, никому не известному молодому человеку, сумму, за которую можем получить совет самых крупных специалистов по вашей профессии. Конечно, если предложение вам не по душе, еще есть время от него отказаться.

Я подумал, как мне пригодятся пятьдесят гиней.

— Нет, нет, — заспешил я, — я готов сделать так, как вы считаете нужным. Однако мне хотелось бы более четко представить себе, что именно от меня требуется.

— Совершенно справедливо. Обещание хранить тайну, которое мы взяли с вас, вполне естественно, возбудило ваше любопытство. Я отнюдь не хочу, чтобы вы брали какие-то обязательства, не ознакомившись предварительно со всеми деталями. Надеюсь, нас никто не подслушивает?

— Никто.

— Дело обстоит следующим образом. Вам, вероятно известно, что сукновальная глина — довольно ценное сыры и что залежи ее в Англии встречаются в одном-двух местах.

— Я слышал об этом.

— Некоторое время назад я купил маленький участок земли, совсем крохотный, в десяти милях от Рединга. И вдруг оказалось, что мне повезло: я обнаружил на одном поле пласт сукновальной глины. Я исследовал его и выяснил, что он составляет лишь небольшую перемычку, соединяющую два очень мощных пласта слева и справа, расположенных на участках моих соседей. В их земле хранится сырье не менее ценное, чем золото, а эти добрые люди пребывают в полном неведении. Мне, естественно, было бы выгодно купить у них землю, прежде чем они узнают ее истинную стоимость, но, к сожалению, я не располагаю для этого достаточным капиталом. Поэтому я посвятил в тайну нескольких своих приятелей, и они предложили потихоньку, не говоря никому ни слова, разрабатывать наш собственный небольшой пласт, чтобы заработать деньги, а впоследствии купить землю у соседей. Этим мы и заняты вот уже некоторое время и в помощь установили гидравлический пресс. Но пресс, как я уже сказал, вышел из строя, и нам нужен ваш совет. Мы ревностно храним наш секрет, и если станет известно, что к нам приезжал гидравлик, то тотчас же начнутся расспросы, факты выплывут наружу, и тогда прощай соседские поля, а с

ними и наши планы. Вот почему я взял с вас слово никому не рассказывать, что вы сегодня вечером едете в Айфорд. Надеюсь, теперь все ясно?

— Единственное, что мне не совсем ясно, — ответил я, — это зачем вам гидравлический пресс. Сукновальную глину, насколько я знаю, вычерпывают, как песок из карьера.

— А, — небрежно махнул он рукой, — у нас свои методы работы. Чтобы соседи ничего не заметили, мы прессуем глину в кирпичи. Но это деталь. Я доверяю вам, мистер Хэдерли, и рассказал все. — Он встал. — Итак, жду вас в Айфорде в 23:15.

— Я обязательно приеду.

— И помните: никому ни слова.

Он еще раз посмотрел на меня долгим вопросительным взглядом и, пожав мне руку своей холодной, влажной рукой, поспешно вышел.

«Not a word to a soul!»

Хладнокровно поразмыслив, я, как вы представляете, не мог все-таки отделаться от удивления по поводу этого странного поручения. С одной стороны, я, разумеется, был рад, ибо плату мне предложили в десять раз большую, чем та, которую запросил бы я сам. Кроме того, есть надежда, что за этим поручением последуют и другие. С другой стороны, облик и манеры моего клиента произвели на меня такое гнетущее впечатление, что я не мог отвязаться от мысли, что вся эта исто-

рия с сукновальной глиной не вполне объясняет необходимость приехать непременно в полночь и избежать огласки. Однако я отбросил от себя страхи, на славу поужинал, доехал до Паддингтона и отправился в путь.

В Рединге мне пришлось сделать пересадку. Но я успел на последний поезд в Айфорд и в начале двенадцатого прибыл на маленькую, тускло освещенную станцию. Я оказался единственным, кто там сошел, на платформе не было ни души, кроме заспанного носильщика с фонарем в руках. За станционной оградой я увидел моего утреннего знакомого — он стоял в тени на противоположной стороне. Не сказав ни слова, он схватил меня за руку и втащил в экипаж, дверца которого предусмотрительно оказалась открытой. Опустив с обеих сторон окошки, полковник постучал кучеру, и лошадь рванулась вперед.

— Одна лошадь? — перебил Холмс.

— Да одна.

— Вы не заметили масть?

— Заметил при свете фонаря, когда садился в экипаж. Лошадь рыжей масти.

— Усталая или свежая?

— Свежая, шерсть у нее лоснилась.

— Благодарю. Извините, что перебил. Прошу

продолжать ваше весьма интересное повествование.

— Итак, мы тронулись в путь и ехали по меньшей мере с час. Полковник Лизандер Старк сказал, что до места всего семь миль, но, если принять во внимание скорость, с какой мы мчались, и время, что нам потребовалось, мне показалось, что расстояние там, должно быть, миль в двенадцать. Он молча сидел рядом, и я чувствовал, когда поглядывал на него, что он не спускает с меня глаз. Проселочные дороги в тех местах, по-видимому, в неважном состоянии, и нас ужасно кидало из стороны в сторону. Я попытался было в окошко разглядеть, где мы едем, но сквозь матовое стекло мог различить только мелькавшие кое-где световые пятна. Несколько раз я хотел завести разговор — уж очень монотонным было наше путешествие, но полковник отвечал односложно, и разговор быстро затухал. Наконец ямы и ухабы закончились, колеса захрустели по посыпанной гравием дорожке, и экипаж остановился. Полковник Лизандер Старк спрыгнул на землю, я последовал за ним, и он тут же потащил меня на крыльцо, где зияла отворенная дверь. Таким образом, прямо из экипажа я очутился в прихожей и не сумел даже краем глаза разглядеть фасад

дома. Едва я переступил порог, дверь тяжело захлопнулась за нами, и я услышал слабый стук отъезжающего экипажа.

В доме царил полный мрак, и полковник, что-то бормоча себе под нос, принялся шарить по карманам в поисках спичек. Внезапно в дальнем конце коридора дверь отворилась, и в коридор упал длинный луч золотистого света. Луч становился шире и шире, и в дверях, держа высоко над головой лампу, появилась женщина; вытянув шею, она вглядывалась в нас. Я заметил, что она очень красивая, а блеск, которым отливало ее темное платье, свидетельствовал о том, что оно из дорогого материала. Она произнесла несколько слов на каком-то языке, и по тону я догадался, что она о чем-то спросила моего попутчика, но тот лишь сердито буркнул в ответ, и она так вздрогнула, что чуть не выронила лампу. Полковник Старк подошел к ней, шепнул что-то на ухо и, проводив обратно в комнату, вернулся ко мне с лампой в руках.

— Будьте добры подождать несколько минут здесь, — сказал он, отворяя другую дверь в незатейливо убранную комнатку с круглым столом посредине, на котором лежало несколько немецких книг. Полковник Старк поставил лампу на

крышку фисгармонии рядом с дверью. — Я постараюсь не задержать вас, — добавил он и исчез в темноте.

Я посмотрел книги на столе и, хотя не знаю немецкого, все же понял, что две из них были научные, а остальные — сборники поэзии. Затем я подошел к окну в надежде разглядеть, где нахожусь, но оно было плотно прикрыто дубовыми ставнями. Удивительно молчаливый дом! Кругом царила мертвая тишина, лишь где-то в коридоре громко тикали часы.

Смутное чувство тревоги овладевало мною. Кто эти немцы и что они делают в этом странном, уединенном доме? И где находится сам дом? Милях в десяти от Айфорда — вот и все, что мне было известно, но к северу, югу, востоку или западу от него, я и представления не имел. Однако неподалеку от Айфорда находится и Рединг и, наверное, другие города, так что место это не может быть очень уж уединенным. Все же царившая вокруг полная тишина ясно давала понять, что мы в деревне. Я ходил взад и вперед по комнате, мурлыкая что-то себе под нос, чтобы окончательно не упасть духом, и размышляя, что недаром получу обещанные пятьдесят гиней.

И вдруг беззвучно и медленно отворилась

дверь, и в темном проеме появилась та женщина. Желтый свет от моей лампы упал на ее красивое лицо. Я понял, что она чего-то боится, и мне самому стало страшно. Дрожащим пальцем она подала мне знак хранить молчание и прошептала что-то на ломаном английском языке, то и дело косясь назад во мрак, словно напуганная лошадь.

— Я уйду, — сказала она, очевидно, изо всех сил стараясь говорить спокойно. — Я уйду. Я не могу оставаться здесь. И вам здесь тоже нечего делать.

— Сударыня, — возразил я, — я ведь еще не выполнил того, ради чего приехал. Я не могу уехать, пока не осмотрю пресс.

— Не нужно медлить, — настаивала она. — Уходите в эту дверь. Там никого нет. — Видя, что я лишь улыбаюсь и качаю головой, она вдруг отбросила всю свою сдержанность и, стиснув руки, шагнула ко мне. — Во имя неба, — прошептала она, — уходите отсюда, пока не поздно.

«Get away from here before it is too late!»

Но я довольно упрям по характеру, и, когда на пути у меня возникает какое-нибудь препятствие, я загораюсь еще больше и хочу довести дело до конца. Я подумал об обещанных пятидесяти гинеях, об утомительном путешествии и о тех неудобствах, что меня ожидают, если мне придется провести ночь на станции. Значит, все впустую? Почему я должен уехать, не выполнив работы и не получив тех денег, которые мне должны? Может, эта женщина — ведь я ничего о ней

не знаю — помешанная? С самым независимым видом, хотя, признаться, ее поведение напугало меня больше, чем хотелось бы показать, я снова покачал головой и заявил о своем намерении остаться. Она было принялась уговаривать меня, но где-то наверху стукнула дверь, и послышались шаги на лестнице. На мгновение она прислушалась, а потом, заломив в отчаянии руки, исчезла так же внезапно и бесшумно, как и появилась.

В комнату вошли полковник Лизандер Старк и маленький толстый человек с седой бородой, торчащей из складок его двойного подбородка. Его представили мне как мистера Фергюсона.

— Это мой секретарь и управляющий, — сказал полковник.

— Между прочим, мне казалось, что, уходя, я закрыл эту дверь. Вас не просквозило?

— Наоборот, — возразил я, — это я приоткрыл дверь, в комнате душновато.

Полковник вновь нацелился на меня подозрительным взглядом.

— Пора перейти к делу, — сказал он. — Мы с мистером Фергюсоном покажем вам, где стоит пресс.

— Я, пожалуй, надену шляпу.

— Зачем? Пресс находится в доме.

— Что? Разве залежи сукновальной глины здесь в доме?

— Нет-нет! Мы только прессуем здесь. Да, собственно, какая разница? Нам нужно, чтобы вы посмотрели машину и сказали, в чем неисправность.

Мы поднялись наверх, впереди полковник с лампой, за ним толстяк-управляющий, а потом я. Это был не дом, а настоящий лабиринт — с бесчисленными коридорами, галереями, узкими винтовыми лестницами и низкими дверцами, пороги которых были истоптаны ногами многих поколений. На первом этаже не было ни ковров, ни мебели, со стен сыпалась штукатурка, и зелеными пятнами проступала сырость. Я старался сделать вид, что все это меня мало трогает, но отнюдь не забывал предостережения женщины — хоть и пренебрег им — и зорко следил за своими спутниками. Фергюсон был угрюм и молчалив, но по тем нескольким словам, что он произнес, я понял, что он по крайней мере уроженец Англии.

Наконец полковник Лизандер Старк остановился и отпер какую-то дверь. Она вела в маленькую квадратную комнату, в которой мы трое вряд ли могли поместиться. Фергюсон остался в коридоре, а мы с полковником вошли в комнату.

— Мы находимся сейчас, — сказал он, — внутри гидравлического пресса, и если бы кто-нибудь включил его, нам не сдобровать. Потолок этой камеры в действительности — плоскость рабочего поршня, который с силой, равной весу нескольких тонн, опускается на металлический пол. Снаружи установлены боковые цилиндры, в которые поступает вода, она действует на поршень… Впрочем, с механикой вы знакомы. Пресс работает, но что-то заедает, и он не развивает полную мощность. Будьте добры осмотреть его и подсказать нам, что следует исправить.

Я взял у него лампу и внимательно осмотрел пресс. Это была машина гигантских размеров, способная создавать огромное давление. Когда я вышел из камеры я включил рычаги управления, где-то зашипело, и я понял, что в боковом цилиндре имеется небольшая утечка. Осмотр показал, что резиновая прокладка в одном месте потеряла эластичность и сквозь нее просачивается вода. Именно это было причиной падения мощности. Мои спутники весьма внимательно выслушали меня и задали несколько практических вопросов насчет того, как устранить неисправность. Объяснив им все подробно, я возвратился в главную камеру и из любопытства принялся ее осматри-

вать. С первого же взгляда было ясно, что история с сукновальной глиной — сплошная выдумка, ибо глупо было даже предположить, что столь мощный механизм предназначен для столь ничтожной цели. Стены камеры были деревянные, но основание из железа, и я увидел на нем металлическую накипь. Я наклонился и попытался соскоблить кусочек, чтобы получше его рассмотреть, как услышал приглушенное восклицание по-немецки и увидел мертвенно-бледное лицо полковника.

— Что вы тут делаете? — спросил он.

Я разозлился, когда понял, как был обманут той искусно придуманной историей, которую он мне поведал.

— Любуюсь вашей сукновальной глиной, — ответил я. — Думается, я мог бы дать вам лучший совет, если бы знал истинное назначение этого пресса.

Едва я произнес эти слова, как тут же пожалел о своей несдержанности. Лицо его окаменело, в серых глазах вспыхнул зловещий огонек.

— Ну что ж, — прошипел он, — сейчас вы узнаете все подробности.

Он сделал шаг назад, захлопнул дверцу и повернул ключ в замке. Я бросился к двери, стал

дергать за ручку, колотить, но дверь оказалась весьма надежной и никак не поддавалась.

— Эй, полковник! — закричал я. — Выпустите меня.

I rushed to the door.

И вдруг в тишине раздался звук, от которого душа у меня ушла в пятки. Он включил пресс. Лампа стояла на полу, где я ее поставил, когда рассматривал накипь, и при свете ее я увидел,

что черный потолок начал двигаться на меня, медленно, толчками, но с такой силой, что через минуту — и я понимал это лучше, чем кто-либо другой — от меня останется мокрое место. Я снова с криком бросился к двери, ногтями пытался сорвать замок. Я умолял полковника выпустить меня, но беспощадный лязг рычагов заглушал мои крики. Потолок уже находился на расстоянии одного-двух футов от меня, и, подняв руку, я мог дотронуться до его твердой и неровной поверхности. И в тот же момент в голове у меня сверкнула мысль о том, что смерть моя может показаться менее болезненной в зависимости от положения, в каком я ее приму. Если лечь на живот, то вся тяжесть придется на позвоночник, и я содрогнулся, представив себе, как он захрустит. Лучше, конечно, лечь на спину, но достанет ли у меня духу смотреть, как неумолимо надвигается черная тень? Я уже не мог стоять в полный рост, но тут я увидел нечто такое, от чего в душе моей затрепетала надежда.

Я уже сказал, что пол и потолок были железными, а стены камеры обшиты деревянной панелью. И вот в ту минуту, когда я в последний раз лихорадочно озирался вокруг, я заметил тонкую щель желтого света между двумя досками, которая

ширилась и ширилась по мере того, как потолок опускался. На мгновение я даже не поверил, что это выход, который может спасти меня от смерти. В следующую секунду я бросился вперед и в полуобморочном состоянии свалился с другой стороны. Отверстие закрылось. Хруст лампы, а затем и стук металлических плит поведали о том, что я был на волосок от гибели.

Я пришел в себя оттого, что кто-то отчаянно дергал меня за руку, и увидел, что лежу на каменном полу в узком коридоре, надо мной склонилась женщина, одной рукой она тянет меня, а другой — держит свечу. Это была та самая моя благожелательница, чьим предупреждением я по глупости пренебрег.

— Идемте! Идемте! — задыхаясь, вскричала она. — Они сейчас будут здесь. Они увидят, что вас там нет. О, не теряйте драгоценного времени, идемте!

На этот раз я внял ее совету. Кое-как поднявшись на ноги, я вместе с ней бросился по коридору, а потом вниз по винтовой лестнице. Лестница привела нас в более широкий коридор, и тут же мы услышали топот и крики: кто-то, находящийся на том этаже, с которого мы только что спустились, отвечал на возгласы снизу. Моя

провожатая остановилась и огляделась вокруг, не зная, что предпринять. Затем она распахнула дверь в спальню, где в окно полным светом светила луна.

— Это единственная возможность, — сказала она. — Окно высоко, но, может, вам удастся спрыгнуть.

В это время в дальнем конце коридора появился свет, и я увидел полковника Лизандера Старка: он бежал, держа в одной руке фонарь, а в другой что-то похожее на нож мясника. Я бросился в комнату к окну, распахнул его и выглянул. Каким тихим, приветливыми и спокойным казался сад, залитый лунным светом; окно было не более тридцати футов над землей. Я взобрался на подоконник, но медлил: мне хотелось узнать, что станется с моей спасительницей. Я решил, несмотря ни на что, прийти ей на помощь, если ей придется плохо. Едва я подумал об этом, как этот негодяй ворвался в комнату и бросился ко мне. Она обхватила его обеими руками и пыталась удержать.

— Фриц! Фриц! Вспомни свое обещание после прошлого раза, — кричала она на английском языке. — Ты обещал, что этого не повторится. Он будет молчать! Он будет молчать!

— Ты сошла с ума, Эльза! — гремел он, стараясь вырваться от нее. — Ты нас погубишь. Он видел слишком много. Пусти меня, говорю я тебе!

Он отбросил ее в сторону, метнулся к окну и замахнулся своим оружием. Я успел соскользнуть с подоконника и висел, держась за раму, когда он нанес мне удар. Я почувствовал тупую боль, руки мои разжались, и я упал в сад под окном.

He cut at me.

Падение меня оглушило, но и только. Я вскочил

и со всех ног бросился в кусты, понимая, что не ушел еще от опасности. На бегу меня вдруг охватила страшная слабость и тошнота. Руку дергало от боли, и только тогда я заметил, что у меня нет большого пальца и из раны хлещет кровь. Я попытался было обвязать руку носовым платком, но в этот момент в висках у меня застучало, и я свалился в тяжелом обмороке среди кустов роз.

Сколько я был без сознания, сказать не могу. Наверное, очень долго, потому что, когда я пришел в себя, луна уже зашла и занимался день. Одежда моя промокла до нитки от выпавшей ночью росы, а рукав пиджака был насквозь пропитан кровью. Жгучая боль напомнила мне о событиях минувшей ночи, и я вскочил на ноги, сознавая, что не могу считать себя в полной безопасности. Но каково же было мое удивление, когда, оглядевшись вокруг, я не увидел ни дома, ни сада. Я лежал у изгороди возле дороги, а немного подальше виднелось длинное строение; когда я подошел к нему, оно оказалось той самой станцией, куда я и прибыл накануне вечером. И если бы не страшная рана на руке, все происшедшее могло бы показаться просто ночным кошмаром. Ничего не понимая, я вошел в здание и спросил, скоро ли будет утренний поезд. Менее чем через час

будет поезд на Рединг, ответили мне. Дежурил тот самый носильщик, что и накануне. Я спросил у него, не знает ли он полковника Лизандера Старка. Нет, имя это ему незнакомо. Не видел ли он экипаж у станции вчера вечером? Нет, не видел. Есть ли поблизости полицейский участок? Да, милях в трех от станции.

Я совсем ослабел, а рука у меня так болела, что нечего было и думать туда дойти. Я решил сначала вернуться в город, а потом уж пойти в полицию. Я приехал в Лондон в начале седьмого, прежде всего отправился перевязывать рану, и доктор оказался настолько любезен, что сам привез меня к вам. Целиком полагаюсь на вас и готов следовать любому вашему совету.

Он закончил свое удивительное повествование, и некоторое время мы сидели молча. Затем Шерлок Холмс взял с полки один из увесистых альбомов, в которых хранил вырезки из газет.

— Вот заметка, которая может вас заинтересовать, — сказал он. — Она появилась в газетах около года назад. Послушайте: «9-го числа этого месяца пропал без вести мистер Джереми Хейлинг, двадцати шести лет, по профессии инженер-гидравлик. Он ушел из дома в десять часов вечера, и с тех пор о нем ничего не известно.

Был одет...» и так далее и так далее. Это и был, по-видимому, именно тот «прошлый раз», когда полковнику понадобилось ремонтировать свой пресс.

— Боже мой! — воскликнул мой пациент. — Так вот что означали слова женщины.

— Несомненно! Совершенно ясно, что полковник — человек хладнокровный и отчаянный и, подобно головорезам, которые не оставляли в живых ни одного человека на захваченном судне, сметает любые препятствия на своем пути. Однако нельзя терять ни минуты, и если вы в состоянии двигаться, мы немедленно отправимся в Скотланд-Ярд, а потом поедем в Айфорд.

Через каких-нибудь три часа или около того мы все сидели в поезде, направлявшемся из Рединга в маленькую беркширскую деревню. Мы — это Шерлок Холмс, гидротехник, инспектор Бродстрит из Скотланд-Ярда, агент в штатском и я. Бродстрит расстелил на скамейке подробную карту Англии и циркулем вычертил на ней окружность с центром в Айфорде.

— Смотрите, эта окружность имеет радиус в десять миль, — сказал он. — Нужное нам место находится где-то внутри этого круга. Вы, кажется, сказали, десять миль, сэр?

— Да, мы ехали около часа.

— И вы предполагаете, что они отвезли вас обратно, пока вы были без сознания?

— По-видимому, так. Мне смутно помнится, что меня поднимали и куда-то несли.

— Не понимаю, — вмешался я, — почему они сохранили вам жизнь, когда нашли вас без сознания в саду. Может, женщина умолила этого негодяя пощадить вас?

— Вряд ли. За всю мою жизнь не видел более зверской физиономии.

— Все это мы скоро выясним, — сказал Бродстрит. — Итак, окружность готова, сейчас остается узнать только, в какой точке находятся те люди, которых мы ищем.

— Мне думается, я могу вам показать, — спокойно ответил Холмс.

— Вот как? — воскликнул инспектор. — Значит, у вас уже есть определенное мнение. Посмотрим, что думают остальные. Я утверждаю, что это произошло на юге, ибо там местность менее населенная.

— А я говорю, на востоке, — возразил мой пациент.

— Я стою за запад, — заметил человек в штатском. — Там расположено несколько тихих

деревушек.

— А я — за север, — сказал я. — На севере нет холмов, а наш друг утверждает, что не заметил, чтобы дорога шла в гору.

— Ну и ну! Неплохой букет мнений, — смеясь подытожил инспектор. — Мы назвали все румбы компаса. Кого же вы поддерживаете, мистер Холмс?

— Вы все ошибаетесь.

— Как же могут все ошибаться?

— Могут. Я считаю, что это произошло здесь. — И Холмс ткнул пальцем в центр окружности. — Тут мы их и найдем.

— А двенадцатимильная поездка? — удивился Хэдерли.

— Нет ничего проще: шесть миль туда и шесть обратно. Вы сами сказали, что когда вы садились в экипаж, лошадь была свежей и шерсть у нее лоснилась. Могло ли это быть, если она прошла двенадцать миль по плохой дороге?

— Они в самом деле могли использовать такую уловку, — задумчиво заметил Бродстрит и добавил: — Дела этой шайки, конечно, сомнений не вызывают.

— Разумеется, нет, — ответил Холмс. — Они фальшивомонетчики, причем крупного масшта-

ба, пресс они используют для чеканки амальгамы, которая заменяет серебро.

— Нам уже некоторое время известно о существовании очень ловкой шайки, которая в огромном количестве выпускает полукроны, — сказал инспектор. — Мы даже выследили их до Рединга, но потом застряли. Они так умело замели следы, что сразу видно: стреляные воробьи. И все-таки на этот раз благодаря счастливой случайности их, пожалуй, накроем.

Но инспектор ошибся: преступникам не суждено было попасть в руки правосудия. Подъехав к Айфорду, мы увидели огромный столб дыма, который гигантским страусовым пером висел над деревьями.

«A house on fire!»

— Пожар? — спросил Бродстрит у начальника станции, когда поезд, пыхтя, двинулся дальше.

— Да, сэр, — ответил тот.

— Когда начался?

— Говорят ночью, сэр, но сейчас усилился, весь дом в огне.

— А чей это дом?

— Доктора Бичерта.

— Скажите, — вмешался Холмс, — доктор Бичер — это тощий немец с длинным острым носом?

Начальник станции громко рассмеялся.

— Нет, сэр, доктор Бичер — самый настоящий англичанин. Но у него в доме живет какой-то джентльмен, его пациент, говорят, вот он иностранец, и вид у него такой, что ему не помешало бы отведать нашей доброй беркширской говядины.

Не успел начальник станции договорить, как мы все были уже на пути к горящему дому. Дорога поднималась на невысокий холм, на вершине которого стояло большое приземистое, выбеленное известкой строение; из окон и дверей его вырывался огонь, а три пожарные машины тщетно пытались прибить пламя.

— Ну конечно же! — воскликнул Хэдерли в крайнем волнении. — Вон дорожка, посыпанная гравием, а вон розовые кусты, где я лежал. А вот это окно, второе с краю, — то самое, из которого я прыгнул.

— Что ж, — заметил Холмс, — вы по крайней мере сумели им отомстить. Огонь из вашей керосиновой лампы, когда ее сплющило, перекинулся на стены, а преступники, увлекшись погоней, этого не заметили. Смотрите-ка внимательнее, нет ли в этой толпе ваших вчерашних приятелей, думается мне, они сейчас уже в доброй сотне миль отсюда.

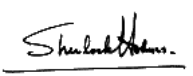
Предположение Холмса оправдалось, ибо с тех пор мы ни слова не слышали ни о красивой женщине, ни о злом немце, ни о мрачном англичанине. Правда, утром в тот день один крестьянин встретил повозку с людьми, доверху набитую какими-то громоздкими ящиками. Повозка направлялась в сторону Рединга, но затем следы беглецов терялись, и даже Холмс при всей его проницательности оказался не в состоянии установить хотя бы приблизительно их местонахождение.

Пожарники были немало озадачены тем странным устройством, которое они обнаружили внутри дома, и еще более тем, что на подоконнике окна на третьем этаже они нашли отрубленный большой палец. На заходе солнца их усилия увенчались наконец успехом, огонь погас, хотя к тому времени крыша уже провалилась и весь дом превратился в руины; от машины, осмотр которой так дорого обошелся нашему незадачливому знакомому, ничего не осталось, если не считать помятых труб и цилиндров. В сарае обнаружили большие запасы никеля и жести, но ни единой монеты не нашли — их, по-видимому, увезли в тех громоздких ящиках, о которых уже говорилось.

Мы оба так никогда бы и не узнали, каким образом наш гидравлик очутился на том месте, где он пришел в себя, если бы не мягкая почва, поведавшая нам весьма простую историю. Его, очевидно, несли двое, у одного из них были удивительно маленькие ноги, а у второго — необыкновенно большие. В общем, весьма вероятно, что молчаливый англичанин, более трусливый или менее жестокий, чем его компаньон, помог женщине избавить потерявшего сознание человека от грозившей ему опасности.

— Да, для меня это хороший урок, — уныло заметил Хэдерли, когда мы сели в поезд, направлявшийся обратно, в Лондон. — Я лишился пальца и пятидесяти гиней, а что я приобрел?

— Опыт, — смеясь, ответил Холмс. — Может, он вам и пригодится. Нужно только облечь его в слова, чтобы всю жизнь слыть отличным рассказчиком.



Знатный холостяк

The Adventure of the Noble Bachelor
First published in the Strand Magazine, Apr. 1892,
with 8 illustrations by Sidney Paget.

Женитьба лорда Сент-Саймона, закончившаяся таким удивительным образом, давно перестала занимать те круги великосветского общества, где вращается злополучный жених. Новые скандальные истории своими более пикантными подробностями затмили эту драму и отвлекли от нее внимание салонных болтунов, тем более что с тех пор прошло уже четыре года. Но так как я имею основание думать, что многие факты так и не дошли до широкой публики, и так как это дело прояснилось главным образом благодаря моему другу Шерлоку Холмсу, я считаю, что мои воспоминания о нем были бы неполны без краткого очерка об этом любопытном эпизоде.

Как-то днем, за несколько недель до моей собственной свадьбы, когда я еще жил вместе с Холмсом на Бейкер-стрит, на его имя пришло письмо. Холмса не было дома, он где-то бродил

после обеда, я же весь день сидел в комнате, потому что погода внезапно испортилась, поднялся сильный осенний ветер, пошел дождь, и застрявшая в ноге пуля, которую я привез с собой на память об афганском походе, напоминала о себе тупой непрерывной болью. Удобно усевшись в одном кресле и положив ноги на другое, я занялся чтением газет, но потом, пресыщенный злободневными новостями, отшвырнул весь этот бумажный ворох в сторону и от нечего делать стал разглядывать лежавшее на столе письмо. Огромный герб и монограмма красовались на конверте, и я лениво размышлял о том, какая же это важная особа состоит в переписке с моим другом.

— Вас ждет великосветское послание, — сообщил я Холмсу, когда он вошел в комнату. — А с утренней почтой вы, если не ошибаюсь, получили письма от торговца рыбой и таможенного чиновника?

— Вся прелесть моей корреспонденции именно в ее разнообразии, — ответил он улыбаясь, — и в большинстве случаев, чем скромнее автор письма, тем интереснее письмо. А вот это, мне кажется, одно из тех несносных официальных приглашений, которые либо нагоняют на вас

скуку, либо заставляют прибегнуть ко лжи.

He broak the seal and glanced over the contents.

Он сломал печать и быстро пробежал письмо.

— Э, нет! Тут, пожалуй, может оказаться кое-что интересное.

— Значит, это не приглашение?

— Нет, письмо сугубо деловое.

— И от знатного клиента?

— От одного из самых знатных в Англии.

— Поздравляю вас, милый друг.

— Даю вам слово, Уотсон, — и поверьте, я не рисуюсь, — что общественное положение моего клиента значит для меня гораздо меньше, чем его дело. Однако этот случай может оказаться

любопытным. Вы, кажется, довольно усердно читали газеты в последнее время?

— Как видите! — ответил я уныло, показывая на груду газет в углу. — Больше мне ничего было делать.

— Это очень кстати. В таком случае вы сможете информировать меня. Я ведь ничего не читаю, кроме уголовной хроники и объявлений о розыске пропавших родственников. Там бывают поучительные вещи. Ну, а если вы следили за происшествиями, то, вероятно, читали о лорде Сент-Саймоне и его свадьбе?

— О да! С большим интересом.

— Отлично. Так вот, в руке у меня письмо от лорда Сент-Саймона. Сейчас я прочитаю его вам, а вы за это время еще раз просмотрите газеты и расскажете все, что имеет отношение к этой истории. Вот что он пишет:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс!

Лорд Бэкуотер сказал мне, что я вполне могу довериться Вашему чутью и Вашему умению хранить тайну. Поэтому я решил обратиться к Вам за советом по поводу прискорбного события, которое произошло в связи с моей свадьбой.

Мистер Лестрейд из Скотланд-Ярда уже ведет расследование по этому делу, но он ничего не имеет против Вашего сотрудничества, и даже считает, что оно может оказаться полезным. Я буду у Вас сегодня в четыре часа дня и надеюсь, что ввиду первостепенной важности моего дела Вы отложите все другие встречи, если они назначены Вами на это время.

Уважающий вас Роберт Сент-Саймон».

— Письмо отправлено из особняка в Гровнере и написано гусиным пером, причем благородный лорд имел несчастье испачкать чернилами тыльную сторону правого мизинца, — сказал Холмс, складывая послание.

— Он пишет, что приедет в четыре часа. Сейчас три. Через час он будет здесь.

— Значит, я как раз успею с вашей помощью выяснить кое-какие обстоятельства. Просмотрите газеты и подберите заметки в хронологическом порядке, а я, покамест, взгляну, что представляет собой наш клиент.

Он взял с полки толстую книгу в красном переплете, стоявшую в ряду с другими справочниками.

— Вот он! — сказал Холмс, усевшись в кресло и раскрыв книгу у себя на коленях. — «Роберт Уолсингэм де Вир Сент-Саймон, второй сын герцога Балморалского». Гм!.. «Герб: голубое поле, три звездочки чертополоха над полоской собольего меха. Родился в 1846». Значит, ему сорок один год — достаточно зрелый возраст для женитьбы. Был товарищем министра колоний в прежнем составе Кабинета. Герцог, его отец, был одно время министром иностранных дел. Потомки Плантагенетов по мужской линии и Тюдоров — по женской. Так… Все это ничего нам не дает. Надеюсь, что вы, Уотсон, приготовили что-нибудь более существенное?

— Мне было совсем нетрудно найти нужный материал, — сказал я. — Ведь события эти произошли совсем недавно и сразу привлекли мое внимание. Я только потому не рассказывал вам о них, что вы были заняты каким-то расследованием, а мне известно, как вы не любите, когда вас отвлекают.

— А, вы имеете в виду ту пустячную историю с фургоном для перевозки мебели по Гровнер-сквер? Она уже совершенно выяснена, да, впрочем, там все было ясно с самого начала. Ну, расскажите же, что вы там откопали.

— Вот первая заметка. Она помещена несколько недель назад в «Морнинг пост», в разделе «Хроника светской жизни»: «Состоялась помолвка, и, если верить слухам, в скором времени состоится бракосочетание лорда Роберта Сент-Саймона, второго сына герцога Балморалского, и мисс Хетти Доран, единственной дочери эсквайра Алоизиеса Дорана, из Сан-Франциско, Калифорния, США».

— Коротко и ясно, — заметил Холмс, протягивая поближе к огню свои длинные, тонкие ноги.

— На той же самой неделе в какой-то газете, в светской хронике, был столбец, в котором более подробно говорилось об этой происшествии. Ага, вот он:

> «В скором времени понадобится издание закона об охране нашего брачного рынка, ибо принцип свободной торговли, господствующий ныне, весьма вредно отражается на нашей отечественной продукции. Власть над отпрысками благороднейших фамилий Великобритании постепенно переходит в ручки наших прелестных заатлантических кузин. Список трофеев, захваченных очаровательными завоевательницами, пополнился

на прошлой неделе весьма ценным приобретением. Лорд Сент-Саймон, который в течение двадцати с лишним лет был неуязвим для стрел Амура, недавно объявил о своем намерении вступить в брак с мисс Хетти Доран, пленительной дочерью калифорнийского миллионера. Мисс Доран, чья грациозная фигура и прелестное лицо произвели фурор на всех празднествах в Вестбери-Хаус, является единственной дочерью, и, по слухам, ее приданое приближается к миллиону, не говоря уже о видах на будущее. Так как ни для кого не секрет, что герцог Балморальский был вынужден за последние годы распродать свою коллекцию картин, а у лорда Сент-Саймона нет собственного состояния, если не считать небольшого поместья в Берчмуре, ясно, что от этого союза, который с легкостью превратит гражданку республики в титулованную английскую леди, выиграет не только калифорнийская наследница».

— Что-нибудь еще? — спросил Холмс, зевая.
— О да, и очень много. Вот другая заметка. В

ней говорится, что свадьба будет самая скромная, что венчание состоится в церкви святого Георгия, на Гановер-сквер, и приглашены будут только пять-шесть самых близких друзей, а потом все общество отправится в меблированный особняк на Ланкастер-гейт, нанятый мистером Алоизиесом Дораном. Два дня спустя, то есть в прошлую среду, появилось краткое сообщение о том, что венчание состоялось и что медовый месяц молодые проведут в поместье лорда Бэкуотера, близ Питерсфилда. Вот и все, что было в газетах до исчезновения невесты.

— Как вы сказали? — спросил Холмс, вскакивая с места.

— До исчезновения новобрачной, — повторил я.

— Когда же она исчезла?

— Во время свадебного обеда.

— Вот как! Дело становится куда интереснее. Весьма драматично.

— Да, мне тоже показалось, что тут что-то не совсем заурядное.

— Женщины нередко исчезают до брачной церемонии, порою во время медового месяца, но я не могу припомнить ни одного случая, когда бы исчезновение произошло столь скоропалитель-

но. Расскажите мне, пожалуйста, подробности.

— Предупреждаю, что они далеко не полны.

— Ну, может быть, нам самим удастся их пополнить.

— Вчера появилась статья в утренней газете, и это все. Сейчас я прочту вам ее. Заголовок: «Удивительное происшествие на великосветской свадьбе».

> «Семья лорда Роберта Сент-Саймона потрясена загадочными и в высшей степени прискорбными событиями, связанными с его женитьбой. Венчание действительно состоялось вчера утром, как об этом коротко сообщалось во вчерашних газетах, но только сегодня мы можем подтвердить странные слухи, упорно циркулирующие в публике. Несмотря на попытки друзей замять происшествие, оно привлекло к себе всеобщее внимание, и теперь уже нет смысла замалчивать то, что сделалось достоянием толпы.
>
> Свадьба была очень скромная и происходила в церкви святого Георгия. Присутствовали только отец невесты — мистер Алоизиес Доран, герцогиня Бал-

моралская, лорд Бэкуотер, лорд Юсташ и леди Клара Сент-Саймон (младшие брат и сестра жениха), а также леди Алисия Уитингтон. После венчания все общество отправилось на Ланкастер-гейт, где в доме мистера Алоизиеса Дорана их ждал обед. По слухам, там имел место небольшой инцидент: неизвестная женщина — ее имя так и не было установлено — пыталась проникнуть в дом вслед за гостями, утверждая, будто у нее есть какие-то права на лорда Сент-Саймона. И только после продолжительной и тяжелой сцены дворецкому и лакею удалось выпроводить эту особу. Невеста, к счастью, вошла в дом до этого неприятного вторжения. Она села за стол вместе с остальными, но вскоре пожаловалась на внезапное недомогание и ушла в свою комнату. Так как она долго не возвращалась, гости начали выражать недоумение. Мистер Алоизиес Доран отправился за дочерью, но ее горничная сообщила, что мисс Хетти заходила в комнату только на минутку, что она накинула длинное дорожное пальто, надела шляпу и быстро пошла к выходу.

Один из лакеев подтвердил, что какая-то дама в пальто и в шляпке действительно вышла из дому, но он никак не мог признать в ней свою госпожу, так как был уверен, что та в это время сидит за столом с гостями. Убедившись, что дочь исчезла, мистер Алоизиес Доран немедленно отправился с новобрачным в полицию, и начались энергичные поиски, которые, вероятно, очень скоро прольют свет на это удивительное происшествие. Однако пока что местопребывание исчезнувшей леди не выяснено. Ходят слухи, что тут имеет место шантаж и что женщина, которая разыскивала лорда Сент-Саймона, арестована, ибо полиция предполагает, что из ревности или из иных побуждений она могла быть причастна к таинственному исчезновению новобрачной».

She was ejected by the butler and the footman.

— И это все?

— Есть еще одна заметка в другой утренней газете. Пожалуй, она даст вам кое-что.

— О чем же она?

— О том, что мисс Флора Миллар, виновница скандала, и в самом деле арестована. Кажется, она была прежде танцовщицей в «Аллегро» и встречалась с лордом Сент-Саймоном в течение нескольких лет. Других подробностей нет, так что теперь вам известно все, что напечатано об этом случае в газетах.

— Дело представляется мне чрезвычайно интересным. Я был бы крайне огорчен, если бы оно прошло мимо меня. Но кто-то звонит, Уотсон. Пятый час. Не сомневаюсь, что это идет наш высокородный клиент. Только не вздумайте уходить: мне может понадобиться свидетель, хотя бы на тот случай, если я что-нибудь забуду.

— Лорд Роберт Сент-Саймон! — объявил наш юный слуга, распахивая дверь.

Lord Robert St. Simon.

Вошел джентльмен с приятными тонкими чертами лица, бледный, с крупным носом, с чуть надменным ртом и твердым, открытым взглядом — взглядом человека, которому выпал счастливый жребий повелевать и встречать повиновение. Движения у него были легкие и живые, но из-за некоторой сутулости и манеры сгибать колени при ходьбе он казался старше своих лет. Волосы на висках у него поседели, а когда он снял шляпу с загнутыми полями, обнаружилось, что они, кроме того, сильно поредели на макушке. Его костюм представлял верх изящества, граничившего с фатовством: высокий крахмальный воротничок, черный сюртук с белым жилетом, желтые перчатки, лакированные ботинки и светлые гетры. Он медленно вошел в комнату и огляделся по сторонам, нервно вертя в руке шнурок от золотого лорнета.

— Добрый день, лорд Сент-Саймон, — любезно сказал Холмс, поднимаясь навстречу посетителю. — Садитесь, пожалуйста, сюда, в плетеное кресло. Это мой друг и коллега, доктор Уотсон. Придвиньтесь поближе к огню, и потолкуем о вашем деле…

— … как нельзя более мучительном для меня,

мистер Холмс! Я потрясен. Разумеется, вам не раз приходилось вести дела щекотливого свойства, сэр, но вряд ли ваши клиенты принадлежали к такому классу общества, к которому принадлежу я.

— Да, вы правы, это для меня ступень вниз.

— Простите?

— Последним моим клиентом по делу такого рода был король.

— Вот как! Я не знал. Какой же это король?

— Король Скандинавии.

— Как, у него тоже пропала жена?

— Надеюсь, вы понимаете, — самым учтивым тоном произнес Холмс, — что в отношении всех моих клиентов я соблюдаю такую же тайну, какую обещаю и вам.

— О, конечно, конечно! Вы совершенно правы, прошу меня извинить. Что касается моего случая, я готов сообщить вам любые сведения, какие могут помочь вам составить мнение по поводу происшедшего.

— Благодарю вас. Я уже ознакомился с тем, что было в газетах, но не знаю ничего больше. Надо полагать, что можно считать их сообщения верными? Хотя бы вот эту заметку — об исчезновении невесты?

Лорд Сент-Саймон наскоро пробежал заметку.

— Да, это более или менее верно.

— Но для того, чтобы я мог прийти к определеному заключению, мне понадобится ряд дополнительных данных. Пожалуй, лучше будет, если я задам вам несколько вопросов.

— Я к вашим услугам.

— Когда вы познакомились с мисс Хетти Доран?

— Год назад, в Сан-Франциско.

— Вы путешествовали по Соединенным Штатам?

— Да.

— Вы еще там обручились с нею?

— Нет.

— Но вы ухаживали за ней?

— Мне было приятно ее общество, и я этого не скрывал.

— Отец ее очень богат?

— Он считается самым богатым человеком на всем Тихоокеанском побережье.

— А где и как он разбогател?

— На золотых приисках. Еще несколько лет назад у него ничего не было. Потом ему посчастливилось напасть на богатую золотоносную жилу, он удачно поместил капитал и быстро пошел в гору.

— А не могли бы вы обрисовать мне характер молодой леди — вашей супруги? Что она за человек?

Лорд Сент-Саймон начал быстро раскачивать лорнет и посмотрел в огонь.

— Видите ли, мистер Холмс, — сказал он, — моей жене было уже двадцать лет, когда ее отец стал богатым человеком. До того она свободно носилась по прииску и бродила по лесам и горам, так что ее воспитанием занималась скорее природа, чем школа. Настоящая «сорви-голова», как мы называем таких девушек в Англии, натура сильная и свободолюбивая, не скованная никакими традициями. У нее порывистый, я бы даже сказал, бурный характер. Быстро принимает решения и бесстрашно доводит до конца то, что задумала. С другой стороны, я не дал бы ей имени, которое имею честь носить, — тут он с достоинством откашлялся, — если бы не был уверен, что, в сущности, это благороднейшее создание. Я твердо знаю, что она способна на героическое самопожертвование и что все бесчестное ее отталкивает.

— Есть у вас ее фотография?

— Я принес с собой вот это.

Он открыл медальон и показал нам прелестное

женское лицо. Это была не фотография, а миниатюра на слоновой кости. Художнику удалось передать прелесть блестящих черных волос, больших темных глаз, изящно очерченного рта. Холмс долго и внимательно рассматривал миниатюру, потом закрыл медальон и вернул его лорду Сент-Саймону.

— А потом молодая девушка приехала в Лондон и вы возобновили знакомство с нею?

— Да, на этот сезон отец привез ее в Лондон, мы начали встречаться, обручились, и вот теперь я женился на ней.

— За ней дали, должно быть, порядочное приданое?

— Прекрасное приданое, но такова традиция в нашей семье.

— И поскольку ваш брак — уже совершившийся факт, оно конечно, останется в вашем распоряжении?

— Право, не знаю. Я не наводил никаких справок на этот счет.

— Ну, понятно. Скажите, виделись вы с мисс Доран накануне свадьбы?

— Да.

— И в каком она была настроении?

— В отличном. Все время строила планы нашей

будущей совместной жизни.

— Вот как? Это чрезвычайно любопытно. А утром в день свадьбы?

— Она была очень весела — по крайней мере до конца церемонии.

— А потом вы, стало быть, заметили в ней какую-то перемену?

— Да, по правде говоря, я тогда впервые имел случай убедиться в некоторой неровности ее характера. Впрочем, этот эпизод настолько незначителен, что не стоит о нем и рассказывать. Он не имеет ни малейшего значения.

— Все-таки расскажите, прошу вас.

— Хорошо, но это такое ребячество… Когда мы с ней шли от алтаря, она уронила букет. В этот момент мы как раз поравнялись с передней скамьей, и букет упал под скамью. Произошло минутное замешательство, но какой-то джентльмен, сидевший на скамье, тут же нагнулся и подал ей букет, который ничуть не пострадал. И все-таки, когда я заговорил с ней об этом, она ответила какой-то резкостью и потом, сидя в карете, когда мы ехали домой, казалась до нелепости взволнованной этой ерундой.

The gentleman in the pew handed it up to her.

— Ах вот что! Значит, на скамье сидел какой-то джентльмен? Стало быть, в церкви все-таки была посторонняя публика?

— Ну конечно. Это неизбежно, раз церковь открыта.

— И этот джентльмен не принадлежал к числу знакомых вашей жены?

— О нет! Я только из вежливости назвал его «джентльменом»: судя по виду, это человек не нашего круга. Впрочем, я даже не разглядел его хорошенько. Но, право же, мы отвлекаемся от

темы.

— Итак, возвратясь из церкви, леди Сент-Саймон была уже не в таком хорошем расположении духа? Чем она занялась, когда вошла в дом отца?

— Начала что-то рассказывать своей горничной.

— А что представляет собой ее горничная?

— Ее зовут Алиса. Она американка и приехала вместе со своей госпожой из Калифорнии.

— Вероятно она пользуется доверием вашей жены?

— Пожалуй, даже чересчур большим доверием. Мне всегда казалось, что мисс Хетти слишком много ей позволяет. Впрочем, в Америке иначе смотрят на эти вещи.

— Сколько времени продолжался их разговор?

— Кажется, несколько минут. Не знаю, право, я был слишком занят.

— И вы не слышали о чем они говорили?

— Леди Сент-Саймон сказала что-то о «захвате чужого участка». Она постоянно употребляет такого рода жаргонные словечки. Понятия не имею, что она имела в виду.

— Американский жаргон иногда очень выразителен. А что делала ваша жена после разговора со служанкой?

— Пошла в столовую.

— Под руку с вами?

— Нет, одна. Она чрезвычайно независима в таких мелочах. Минут через десять она поспешно встала из-за стола, пробормотала какие-то извинения и вышла из комнаты. Больше я не видел ее.

— Если не ошибаюсь, горничная Алиса показала на допросе, что ее госпожа вошла в свою комнату, накинула на подвенечное платье длинное дорожное пальто, надела шляпку и ушла.

— Совершенно верно. И потом ее видели в Гайд-парке. Она там была с Флорой Миллар — женщиной, которая утром того же дня устроила скандал в доме мистера Дорана. Сейчас она арестована.

— Ах да, расскажите, пожалуйста, об этой молодой особе и о характере ваших отношений.

Лорд Сент-Саймон пожал плечами и поднял брови.

— В течение нескольких лет мы были с ней в дружеских, я бы даже сказал, в очень дружеских отношениях. Она танцевала в «Аллегро». Я обошелся с ней, как подобает благородному человеку, и она не может иметь ко мне никаких претензий, но вы же знаете женщин, мистер

Холмс, Флора — очаровательное существо, но она чересчур импульсивна я до безумия влюблена в меня. Узнав, что я собираюсь жениться, она начала писать мне ужасные письма, и, говоря откровенно, я только потому и устроил такую скромную свадьбу, что боялся скандала в церкви. Едва мы успели приехать после венчания, как она прибежала к дому мистера Дорана и сделала попытку проникнуть туда, выкрикивая при этом оскорбления и даже угрозы по адресу моей жены. Однако, предвидя возможность чего-либо в этом роде, я заранее пригласил двух полицейских в штатском, и те быстро выпроводили ее. Как только Флора поняла, что скандалом тут не поможешь, она сразу успокоилась.

— Слышала все это ваша жена?

— К счастью, нет.

— А потом с этой самой женщиной ее видели на улице?

— Да. И вот этот-то факт мистер Лестрейд из Скотланд-Ярда считает тревожным. Он думает, что Флора выманила мою жену из дому и устроила ей какую-нибудь ужасную ловушку.

— Что ж, это не лишено вероятия.

— Значит, и вы того же мнения?

— Вот этого я не сказал. Ну, а сами вы допускае-

те такую возможность?

— Я убежден, что Флора не способна обидеть и муху.

— Однако ревность иногда совершенно меняет характер человека. Скажите, а каким образом объясняете то, что произошло, вы сами?

— Я пришел сюда не для того, чтобы объяснять что-либо, а чтобы получить объяснение от вас. Я сообщил вам все факты, какими располагал. Впрочем, если вас интересует моя точка зрения, извольте: я допускаю, что возбуждение, которое испытала моя жена в связи с огромной переменой, происшедшей в ее судьбе, в ее общественном положении, могло вызвать у нее легкое нервное расстройство.

— Короче говоря, вы полагаете, что она внезапно потеряла рассудок?

— Если хотите, да. Когда я думаю, что она могла отказаться… не от меня, нет, но от всего того, о чем тщетно мечтали многие другие женщины, мне трудно найти иное объяснение.

— Что же, и это тоже вполне приемлемая гипотеза, — ответил Холмс улыбаясь. — Теперь, лорд Сент-Саймон, у меня, пожалуй, есть почти все нужные сведения. Скажите только одно: могли вы, сидя за свадебном столом, видеть в окно то,

что происходило на улице?

— Нам виден был противоположный тротуар и парк.

— Отлично. Итак, у меня, пожалуй, больше нет необходимости вас задерживать. Я напишу вам.

— Только бы вам посчастливилось разрешить эту загадку! — сказал наш клиент, поднимаясь с места.

— Я уже разрешил ее.

— Что? Я, кажется, ослышался.

— Я сказал, что разрешил эту загадку.

— В таком случае, где же моя жена?

— Очень скоро я отвечу вам и на этот вопрос.

Лорд Сент-Саймон нахмурился.

— Боюсь, что над этим делом еще немало помучаются и более мудрые головы, чем у нас с вами, — заметил он и, церемонно поклонившись, с достоинством удалился.

Шерлок Холмс засмеялся:

— Лорд Сент-Саймон оказал моей голове большую честь, поставив ее на один уровень со своей!.. Знаете что, я не прочь бы выпить виски с содовой и выкурить сигару после этого длительного допроса. А заключение по данному делу сложилось у меня еще до того, как наш клиент вошел в комнату.

— Полноте, Холмс!

— В моих заметках есть несколько аналогичных случаев, хотя, как я уже говорил вам, ни одно из тех исчезновений не было столь скоропалительным. Беседа же с лордом Сент-Саймоном превратила мои предположения в уверенность. Побочные обстоятельства бывают иногда так же красноречивы, как муха в молоке, — если вспомнить Торо.[23]

— Однако, Холмс, ведь я присутствовал при разговоре и слышал то же, что слышали и вы.

— Да, но вы не знаете тех случаев, которые уже имели место и которые сослужили мне отличную службу. Почти такая же история произошла несколько лет назад в Абердине и нечто очень похожее — в Мюнжене, на следующий год после франко-прусской войны. Данный случай… А, вот и Лестрейд! Здравствуйте, Лестрейд! Вон там, на буфете, вино, а здесь, в ящике, сигары.

Официальный сыщик Скотланд-Ярда был облачен в куртку и носил на шее шарф, что делало его похожим на моряка. В руке он держал черный парусиновый саквояж. Отрывисто поздоровавшись,

---

[23] Примечания: ~ n_23 ~

Цитата взята из дневника американского писателя Генри Давида Торо (1817-1862).

он опустился на стул и закурил предложенную сигару.

— Ну, выкладывайте, что случилось? — спросил Холмс с лукавым огоньком в глазах. — У вас недовольный вид.

— И я действительно недоволен. Черт бы побрал этого Сент-Саймона с его свадьбой! Ничего не могу понять.

— Неужели? Вы удивляете меня.

— В жизни не встречал более запутанной истории. Не найти никаких концов. Сегодня я провозился с ней весь день.

— И, кажется, при этом изрядно промокли, — сказал Холмс, дотрагиваясь до рукава куртки.

— Да, я обшаривал дно Серпентайна.[24]

— О, Господи! Да зачем вам это понадобилось?

— Чтобы найти тело леди Сент-Саймон.

---

[24] Примечания: ~ n_24 ~

Серпентайн (Змейка) — пруд в Гайд-парке, в Лондоне.

«There,» said he.

Шерлок Холмс откинулся на спинку кресла и от души расхохотался.

— А бассейн фонтана на Трафальгард-сквер вы не забыли обшарить? — спросил он.

— На Трафальгард-сквер? Что вы хотите этим сказать?

— Да то, что у вас точно такие же шансы найти леди Сент-Саймон здесь, как и там.

Лестрейд бросил сердитый взгляд на моего друга.

— Как видно, вы уже разобрались в этом деле? — насмешливо спросил он.

— Мне только что рассказали о нем, но я уже пришел к определенному выводу.

— Неужели! Так вы считаете, что Серпентайн тут ни при чем?

— Полагаю, что так.

— В таком случае, прошу объяснить, каким образом мы могли найти в пруду вот это.

Он открыл саквояж и выбросил на пол шелковое подвенечное платье, пару белых атласных туфелек и веночек с вуалью — все грязное и совершенно мокрое.

— Извольте! — сказал Лестрейд, кладя на эту кучу новенькое обручальное кольцо. — Раскусите-ка этот орешек, мистер Холмс!

— Вот оно что! — сказал Холмс, выпуская сизые кольца дыма. — И все эти вещи вы выудили в пруду?

— Они плавали у самого берега, их нашел сторож парка. Родственники леди Сент— Саймон опознали и платье и все остальное. По-моему, если там была одежда, то где— нибудь поблизости найдется и тело.

— Если исходить из этой остроумной теории, тело каждого человека должно быть найдено рядом с его одеждой. Так чего же вы надеетесь добиться с помощью вещей леди Сент-Саймон, хотел бы я знать?

— Какой-нибудь улики, доказывающей, что в

ее исчезновении замешана Флора Миллар.

— Боюсь, это будет нелегко.

— Боитесь? — с горечью вскричал Лестрейд. — А я, Холмс, боюсь, что вы совсем оторвались от жизни с вашими вечными теориями и умозаключениями. За несколько минут вы сделали две грубые ошибки. Вот это самое платье, несомненно, уличает мисс Флору Миллар.

— Каким же образом?

— В платье есть карман. В кармане нашелся футляр для визитных карточек. А в футляре — записка. Вот она. — Он расправил записку на столе. — Сейчас я прочту ее вам: «Увидимся, когда все будет готово. Выходите немедленно. Ф. Х. М.». Я с самого начала предполагал, что Флора Миллар под каким-нибудь предлогом выманила леди Сент-Саймон из дому и, разумеется, вместе с сообщниками является виновницей ее исчезновения. И вот перед нами записка — записка с ее инициалами, которую она, несомненно сунула леди Сент-Саймон у дверей дома, чтобы завлечь ее в свои сети.

— Отлично, Лестрейд, — со смехом сказал Холмс. — Право же, вы очень ловко все это придумали. Покажите-ка записку.

Он небрежно взял в руку бумажку, но что-то в

ней вдруг приковало его внимание.

— Да, это действительно очень важно! — сказал он с довольным видом.

— Ага! Теперь убедились?

— Чрезвычайно важно! Сердечно поздравляю вас, Лестрейд.

Торжествующий Лестрейд вскочил и наклонился над запиской.

— Что это? — изумился он. — Ведь вы смотрите не на ту сторону?

— Нет, я смотрю именно туда, куда нужно.

— Да вы с ума сошли! Переверните бумажку. Записка-то ведь написана карандашом на обороте!

— Зато здесь я вижу обрывок счета гостиницы, который весьма интересует меня.

— Ничего в нем нет особенного! Я уже видел его: «Окт. 4-го. Комната — 8 шил. Завтрак — 2 шил.6 пенс. Коктейль — 1 шил. Ленч — 2 шил. 6 пенс. Стакан хереса — 8 пенс». Вот и все. Не вижу ничего интересного.

— Вполне возможно, что не видите. А между тем этот счет имеет большое значение. Что касается записки, она тоже имеет значение, во всяком случае, ее инициалы. Так что поздравляю вас еще раз, Лестрейд.

— Ну, хватит терять время! — сказал тот, под-

нимаясь с места. — Я, знаете ли, считаю, что надо работать, а не сидеть у камина и разводить разные там теории. До свидания, мистер Холмс. Посмотрим, кто первым доберется до сути этого дела.

Он собрал принесенную одежду, сунул ее в саквояж и направился к двери.

— Два слова, Лестрейд, — медленно произнес Холмс, обращаясь к спине своего уходящего соперника. — Я могу вам открыть разгадку вашего дела. Леди Сент-Саймон — миф. Ее нет и никогда не было.

Лестрейд обернулся и с грустью взглянул на моего друга. Потом он посмотрел на меня, трижды постучал пальцем по лбу, многозначительно покачал головой и поспешно вышел.

Как только за ним закрылась дверь, Холмс встал и надел пальто.

— В том, что сказал этот субъект, есть доля истины, — заметил он. — Нельзя все время сидеть дома, надо работать. Поэтому, Уотсон, я должен ненадолго оставить вас наедине с вашими газетами.

Шерлок Холмс покинул меня в половине шестого, но я недолго оставался в одиночестве, ибо не прошло и часа, как к нам явился посыльный

из гастрономического магазина с большущей коробкой. С помощью мальчика, пришедшего с ним вместе, он распаковал ее, и, к моему великому удивлению, на скромном обеденном столе нашей квартирки появился роскошный холодный ужин. Здесь была парочка холодных вальдшнепов, фазан, паштет из гусиной печенки и несколько пыльных, покрытых паутиной бутылок старого вина. Расставив все эти лакомые блюда, оба посетителя исчезли, подобно духами из «Тысячи и одной ночи», успев сказать только, что за все уплачено и велено доставить по этому адресу.

Около девяти в комнату бодрыми шагами вошел Холмс. Лицо его было серьезно, но в глазах блестел огонек, по которому я сразу угадал, что он не обманулся в своих догадках.

— А, ужин уже на столе! — сказал он, потирая руки.

— Вы, значит, ждете гостей? Они накрыли на пять персон.

— Да, я думаю, что к нам может кое-кто зайти, — ответил он. — Странно, что лорда Сент-Саймона еще нет… Ага! Кажется, я слышу на лестнице его шаги.

Он не ошибся. В комнату быстро вошел наш утренний посетитель, еще сильнее прежнего

раскачивая висевший на шнурке лорнет. На его аристократическом лице отражалось сильнейшее смятение.

— Стало быть, мой посыльный застал вас дома? — спросил Холмс.

— Да, но признаюсь, содержание письма поразило меня сверх всякой меры. Есть ли у вас доказательства того, что вы сообщили?

— Есть, и самые веские.

Лорд Сент-Саймон опустился в кресло и провел рукой по лбу.

— Что скажет герцог! — прошептал он. — Что он скажет, когда услышит об унижении, которому подвергся один из членов его семьи!

— Но ведь тут чистейшая случайность. Я никак не могу согласиться, что в этом есть что-нибудь унизительное.

— Ах, вы смотрите на такие вещи с другой точки зрения!

— Я решительно не вижу здесь ничьей вины. Мне кажется, эта леди просто не могла поступить иначе. Конечно, она действовала чересчур стремительно, но ведь у нее нет матери — ей не с кем было посоветоваться в критическую минуту.

— Это оскорбление, сэр, публичное оскорбление! — сказал лорд Сент-Саймон, барабаня

пальцами по столу.

— Однако вы должны принять в расчет то исключительно положение, в котором оказалась бедная молодая девушка.

— Я не собираюсь принимать в расчет что бы то ни было. Со мной поступили бесчестно. Я просто вне себя.

— Кажется, звонят, — заметил Холмс. — Да, я слышу шаги на площадке… Что ж, если я не в силах убедить, вас, лорд Сент-Саймон, более снисходительно отнестись ко всему случившемуся, то, может быть, это скорее удастся адвокату, которого я пригласил.

Холмс распахнул дверь и впустил в комнату даму и господина.

— Лорд Сент-Саймон, — сказал он, — позвольте представить вас мистеру и миссис Фрэнсис Хей Маултон. С миссис Маултон вы, кажется, уже знакомы.

При виде новых посетителей наш клиент вскочил с места. Он стоял выпрямившись, опустив глаза, заложив руку за борт сюртука, — воплощение оскорбленного достоинства. Дама подбежала к нему и протянула руку, но он упорно не поднимал глаз. Так было, пожалуй, лучше для него, если он хотел остаться непреклонным: вряд ли

кто-нибудь мог бы устоять перед ее умоляющим взглядом.

A picture of offended dignity.

— Вы сердитесь, Роберт? — сказала она. — Что ж, я понимаю, вы не можете не сердиться.

— Сделайте одолжение, не оправдывайтесь, — с горечью произнес лорд Сент-Саймон.

— Да, да, я знаю, я виновата, мне надо было поговорить с вами перед тем, как уйти, но я словно обезумела и с той самой минуты, как вдруг увидела Фрэнка, уже не сознавала, что делаю и что говорю. Удивительно еще, как это я не упала в обморок перед алтарем!

— Быть может, сударыня, вам угодно, чтобы мы

— я и мой друг удалились на то время, пока вы будете объясняться с лордом Сент-Саймоном? — спросил Холмс.

— Если мне будет позволено выказать мое мнение, — вмешался мистер Маултон, — я скажу, что хватит делать тайну из этой истории. Что до меня, так я бы хотел, чтобы вся Европа и вся Америка услышали наконец правду.

Маултон был крепкий, загорелый молодой человек небольшого роста, с резкими чертами лица и быстрыми движениями.

— Ну хорошо, тогда я расскажу, как было дело, — сказала его спутница. — Мы с Фрэнком познакомились в 1881 году на прииске Мак-Квайра, близ Скалистых гор, где папа разрабатывал участок. Мы дали друг другу слово. Но вот однажды папа напал на богатую золотоносную жилу и разбогател, а участок бедного Фрэнка все истощался и в конце концов совсем перестал что-либо давать. Чем богаче становился папа, тем беднее становился Фрэнк. Папа теперь и слышать не хотел о нашем обручении и увез меня во Фриско. Но Фрэнк не сдавался. Он поехал за мной во Фриско, и мы продолжали видеться без ведома папы. Папа страшно рассердился бы, если б узнал об этом, поэтому мы и решили все сами.

Фрэнк сказал, что он уедет и тоже наживет состояние и что приедет за мной только тогда, когда у него будет столько же денег, сколько у папы. А я пообещала, что буду ждать его, сколько бы ни понадобилось, и не выйду замуж за другого, пока он жив. «Если так, — сказал мне Фрэнк, — почему бы нам не обвенчаться теперь же? Я буду уверен в тебе, а твоим мужем стану лишь тогда, когда вернусь». Так мы и решили. Он отлично все устроил, священник обвенчал нас, и Фрэнк уехал искать счастья, а я вернулась к папе.

Через некоторое время я узнала, что Френк в Монтане. Потом он уехал искать золото в Аризону, а следующее известие о нем я получила уже из Нью-Мексико. Потом появилась длинная газетная статья о нападении на прииски индейцев-апачей, и в списке убитых было имя моего Фрэнка. Я потеряла сознание и потом несколько месяцев была тяжело больна. Папа уже думал, что у меня чахотка, и водил меня по всем докторам Фриско. Больше года я ни слова не слыхала о Фрэнке и была совершенно уверена, что он умер. Тут во Фриско приехал лорд Сент-Саймон, потом мы с папой поехали в Лондон, была решена свадьба, и папа был очень доволен, но я все время чувствовала, что ни один мужчина в мире не

может занять в моем сердце то место, какое я отдала моему Фрэнку.

И все-таки, если бы я вышла замуж за лорда Сент-Саймона, я была бы ему верной женой. Мы не вольны в нашей любви, но управлять своими поступками в нашей власти. Я шла с ним к алтарю с твердым намерением исполнить свой долг, насколько это было в моих силах. Но вообразите себе, что я почувствовала, когда, подойдя к алтарю и оглянувшись, вдруг увидела Фрэнка. Он стоял возле первой скамьи и смотрел прямо на меня. Сначала я подумала, что это призрак. Но когда я оглянулась снова, он по-прежнему стоял там и взглядом словно спрашивал, рада я, что вижу его, или нет. Удивляюсь, как я не упала в обморок. Все кружилось передо мной, и слова священника доносились до меня, точно жужжание пчелы. Я не знала, как быть. Остановить брачную церемонию, решиться на скандал в церкви? Я снова взглянула на него и, должно быть, он прочитал мои мысли, потому что приложил палец к губам, как бы советуя молчать. Потом я увидела, как он торопливо пишет что-то на клочке бумаги, и поняла, что эта записка предназначалась мне. Проходя мимо него я уронила букет, и он, возвращая цветы, успел сунуть мне в руку записку. В

ней было всего несколько слов: он просил, чтобы я вышла к нему, как только он подаст знак. У меня, конечно, не было и тени сомнения, что теперь мой главный долг — повиноваться ему и делать все, что он скажет.

Придя домой, я все рассказала моей служанке, которая знала Фрэнка еще в Калифорнии и очень любила его. Я велела ей молчать обо всем, сложить кое-что из самых необходимых вещей и приготовить мне пальто. Я знаю, мне следовало бы поговорить с лордом Сент-Саймоном, но это было так трудно в присутствии его матери и всех этих важных гостей! И я решила, что сначала убегу, а потом уже объяснюсь с ним. Мы просидели за столом минут десять, не больше, я вот, глядя в окно, я увидела Фрэнка, стоявшего на противоположном тротуаре. Он кивнул мне и зашагал по направлению к парку. Я вышла из столовой, накинула пальто и пошла вслед за ним. На улице ко мне подошла какая-то женщина и начала рассказывать что-то о лорде Сент-Саймоне. Я почти не слушала ее, но все же уловила, что у него тоже была какая-то тайна до нашей женитьбы. Вскоре мне удалось отделаться от этой женщины, и я нагнала Фрэнка. Мы сели в кэб и поехали на Гордон-сквер, где он успел снять квартиру, и это

была моя настоящая свадьба после стольких лет ожидания. Фрэнк, оказывается, попал в плен к апачам, бежал, приехал во Фриско, узнал, что я, считая его умершим, уехала в Англию, поспешил вслед за мной сюда и наконец разыскал меня как раз в день моей второй свадьбы.

Some woman came talking about Lord St. Simon.

— Я прочитал о венчании в газетах, — пояснил американец. — Там было указано название церкви и имя невесты, но не было ее адреса.

— Потом мы начали советоваться, как нам по-

ступить. Фрэнк с самого начала стоял за то, чтобы ничего не скрывать, но мне было так стыдно, что захотелось исчезнуть и никогда больше не встречать никого из этих людей, разве только написать несколько слов папе, чтоб он знал, что я жива и здорова. Я с ужасом представляла себе, как все эти лорды и леди сидят за свадебным столом и ждут моего возвращения. Итак, Фрэнк взял мое подвенечное платье и остальные вещи, связал их в узел, чтобы никто не мог выследить меня, и отнес в такое место, где никто не мог бы их найти. По всей вероятности, мы завтра же уехали бы в Париж, если бы сегодня к нам не пришел этот милый джентльмен, мистер Холмс, хотя каким чудом он нас нашел, просто уму непостижимо. Он доказал нам — очень убедительно и мягко, — что я была не права, а Фрэнк прав и что мы сами себе повредим, если будем скрываться. Потом он сказал, что может предоставить нам возможность поговорить с лордом Сент-Саймоном без свидетелей, и вот мы здесь. Теперь, Роберт, вы знаете все. Мне очень, очень жаль, если я причинила вам горе, но я надеюсь, что вы будете думать обо мне не так уж плохо.

Лорд Сент-Саймон слушал этот длинный рассказ все с тем же напряженным и холодным

видом. Брови его были нахмурены, а губы сжаты.

— Прошу извинить меня, — сказал он, — но не в моих правилах обсуждать самые интимные свои дела в присутствии посторонних.

— Так вы не хотите простить меня? Не хотите пожать мне руку на прощание?

— Нет, почему же, если это может доставить вам удовольствие.

И он холодно пожал протянутую ему руку.

— Я полагал, — начал было Холмс, — что вы не откажетесь поужинать с нами.

— Право, вы требуете от меня слишком многого, — возразил достойный лорд. — Я вынужден примириться с обстоятельствами, но вряд ли можно ожидать, чтобы я стал радоваться тому, что произошло. С вашего позволения, я пожелаю вам приятного вечера.

Он сделал общий поклон и торжественно удалился.

«I will wish you all very good-night.»

— Но вы-то, надеюсь, удостоите меня своим обществом, — сказал Шерлок Холмс. — Мне, мистер Маултон, всегда приятно видеть американца, ибо я из тех, кто верит, что недомыслие монарха и ошибки министра,[25] имевшего место в давно минувшие годы, не помешают нашим детям превратиться когда-нибудь в граждан некой огромной страны, у которой будет единый флаг — англо-американский.

— Интересный выдался случай, — заметил

[25] Примечания: ~ n_25 ~

Холмс имеет в виду английского короля Георга III (1738-1820) и премьер-министра Фредерика-Норта (1732-1792). Политика Георга III и Норта привела к конфликту, а затем к войне с американскими колониями.

Холмс, когда гости ушли. — Он с очевидностью доказывает, как просто можно иной раз объяснить факты, которые на первый взгляд представляются почти необъяснимыми. Что может быть проще и естественнее ряда событий, о которых нам рассказала молодая леди? И что может быть удивительнее тех выводов, которые легко сделать, если смотреть на вещи, скажем, с точки зрения мистера Лестрейда из Скотланд-Ярда!

— Так вы, значит, были на правильном пути с самого начала?

— Для меня с самого начала были очевидны два факта: первый — что невеста шла к венцу совершенно добровольно и второй — что немедленно после венчания она уже раскаивалась о своем поступке. Ясно как день, что за это время произошло нечто, вызвавшее в ней такую перемену. Что же это могло быть? Разговаривать с кем-либо вне дома у нее не было возможности, потому что жених ни на секунду не расставался с нею. Но, может быть, она встретила кого-нибудь? Если так, это мог быть только какой-нибудь американец: ведь в Англии она совсем недавно и вряд ли кто-нибудь здесь успел приобрести над ней такое огромное влияние, чтобы одним своим появлением заставить ее изменить все планы. Итак,

методом исключения мы уже пришли к выводу, что она встретила какого-то американца. Но кто же он был, этот американец, и почему встреча с ним так подействовала на нее? По-видимому, это был либо возлюбленный, либо муж. Юность девушки прошла, как известно, среди суровых людей в весьма своеобразной обстановке. Все это я понял еще до рассказа лорда Сент-Саймона. А когда он сообщил нам о мужчине, оказавшемся в церкви, о том, как невеста переменила свое обращение с ним самим, как она уронила букет — испытанный способ получения записок, — о разговоре леди Сент-Саймон с любимой горничной и о ее многозначительном намеке на «захват чужого участка» (а на языке золотопромышленников это означает посягательство на то, чем уже завладел другой), все стало для меня совершенно ясно. Она сбежала с мужчиной, и этот мужчина был либо ее возлюбленным, либо мужем, причем последнее казалось более вероятным.

— Но каким чудом вам удалось разыскать их?

— Это, пожалуй, было бы трудновато, но мой друг Лестрейд, сам того не понимая, оказался обладателем ценнейшей информации. Инициалы, разумеется, тоже имели большое значение, но еще важнее было узнать, что на этой неделе

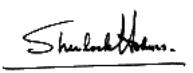
человек с такими инициалами останавливался в одной из лучших лондонских гостиниц.

— А как вы установили, что это была одна из лучших?

— Очень просто: по ценам. Восемь шиллингов за номер и восемь пенсов за стакан хереса берут только в первоклассных гостиницах, а их в Лондоне не так много. Уже во второй гостинице, которую я посетил, на Нортумберленд-авеню, я узнал из книги для приезжающих, что некто мистер Фрэнсис Х. Маултон, из Америки, выехал оттуда как раз накануне. А просмотрев его счета, я нашел те самые цифры, которые видел в копии счета. Свою корреспонденцию он распорядился пересылать по адресу: Гордон-сквер, 226, куда я и направился. Мне посчастливилось застать влюбленную пару дома, и я отважился дать молодым несколько отеческих советов. Мне удалось доказать им, что они только выиграют, если разъяснят широкой публике и особенно лорду Сент-Саймону, создавшееся положения Я пригласил их сюда, пообещав им встречу с лордом, и, как видите, мне удалось убедить его явиться на это свидание

— Но результаты не блестящи, — заметил я. — Он бы не слишком любезен.

— Ах, Уотсон, — с улыбкой возразил мне Холмс, — пожалуй, вы тоже были бы не слишком любезны, если бы после всех хлопот, связанных с ухаживанием и со свадьбой, оказались вдруг и без жены, и без состояния. По-моему, мы должны быть крайне снисходительны к лорду Сент-Саймону и благодарить судьбу за то, что, по всей видимости, никогда не окажемся в его положении… Передайте мне скрипку и садитесь поближе. Ведь теперь у нас осталась неразгаданной только одна проблема — как мы будем убивать время в эти темные осенние вечера.



Берилловая диадема

The Adventure of the Beryl Coronet
First published in the Strand Magazine, May 1892,
with 9 illustrations by Sidney Paget.

— Посмотрите-ка, Холмс, — сказал я. — Какой-то сумасшедший бежит. Не понимаю, как родные отпускают такого без присмотра.

Я стоял у сводчатого окна нашей комнаты и глядел вниз, на Бейкер-стрит.

Холмс лениво поднялся с кресла, встал у меня за спиной и, засунув руки в карманы халата, взглянул в окно.

Было ясное февральское утро. Выпавший вчера снег лежал плотным слоем, сверкая в лучах зимнего солнца. На середине улицы снег превратился в бурую грязную массу, но по обочинам он оставался белым, как будто только что выпал. Хотя тротуары уже очистили, было все же очень скользко, и пешеходов на улице было меньше, чем обычно. Сейчас на улице на всем протяжении от станции подземки до нашего дома находился только один человек. Его эксцентричное поведе-

ние и привлекло мое внимание.

Это был мужчина лет пятидесяти, высокий, солидный, с широким энергичным лицом и представительной фигурой. Одет он был богато, но не броско: блестящий цилиндр, темный сюртук из дорогого материала, хорошо сшитые светло-серые брюки и коричневые гетры. Однако все его поведение решительно не соответствовало его внешности и одежде. Он бежал, то и дело подскакивая, как человек, не привыкший к физическим упражнениям, размахивал руками, вертел головой, лицо его искажалось гримасами.

— Что с ним? — недоумевал я. — Он, кажется, ищет какой-то дом.

— Я думаю, что он спешит сюда, — сказал Холмс, потирая руки.

— Сюда?

— Да. Полагаю, ему нужно посоветоваться со мной. Все признаки налицо. Ну, прав я был или нет?

В это время незнакомец, тяжело дыша, кинулся к нашей двери и принялся судорожно дергать колокольчик, огласив звоном весь дом.

Через минуту он вбежал в комнату, едва переводя дух и жестикулируя. В глазах у него затаилось такое горе и отчаяние, что наши улыбки погасли

и насмешка уступила место глубокому сочувствию и жалости. Сначала он не мог вымолвить ни слова, только раскачивался взад и вперед и хватал себя за голову, как человек, доведенный до грани сумасшествия. Вдруг он бросился к стене и ударился о нее головой. Мы кинулись к нашему посетителю и оттащили его на середину комнаты. Холмс усадил несчастного в кресло, сам сел напротив и, похлопав его по руке, заговорил так мягко и успокаивающе, как никто, кроме него, не умел.

With look of grief and despair.

— Вы пришли ко мне, чтобы рассказать, что с вами случилось? — сказал он. — Вы утомились

от быстрой ходьбы. Успокойтесь, придите в себя, и я с радостью выслушаю вас, что вы имеете сказать.

Незнакомцу потребовалась минута или больше того, чтобы отдышаться и побороть волнение. Наконец он провел платком по лбу, решительно сжал губы и повернулся к нам.

— Вы, конечно, сочли меня за сумасшедшего? — спросил он.

— Нет, но я вижу, что с вами стряслась беда, — ответил Холмс.

— Да, видит Бог! Беда такая неожиданная и страшная, что можно сойти с ума. Я вынес бы бесчестье, хотя на моей совести нет ни единого пятнышка. Личное несчастье — это случается с каждым. Но одновременно и то и другое, да еще в такой ужасной форме! Кроме того, это касается не только меня. Если не будет немедленно найден выход из моего бедственного положения, может пострадать одна из знатнейших персон нашей страны.

— Успокойтесь, сэр, прошу вас, — сказал Холмс. — Расскажите, кто вы и что с вами случилось.

— Мое имя, возможно, известно вам, — проговорил посетитель. — Я Александр Холдер из

банкирского дома «Холдер и Стивенсон» на Тренидл-стрит.

Действительно, имя было хорошо знакомо нам; оно принадлежало старшему компаньону второй по значению банкирской фирмы в Лондоне. Что же привело в такое жалкое состояние одного из виднейших граждан столицы? Мы с нетерпением ждали ответа на этот вопрос. Огромным усилием воли Холдер взял себя в руки и приступил к рассказу.

— Я понимаю, что нельзя терять ни минуты. Как только полицейский инспектор порекомендовал мне обратиться к вам, я немедленно поспешил сюда. Я добрался до Бейкер-стрит подземкой и всю дорогу от станции бежал: по такому снегу кэбы движутся очень медленно. Я вообще мало двигаюсь и потому так запыхался. Но сейчас мне стало лучше, и я постараюсь изложить все факты как можно короче и яснее.

Вам, конечно, известно, что в банковском деле очень многое зависит от умения удачно вкладывать средства и в то же время расширять клиентуру. Один из наиболее выгодных способов инвестирования средств — выдача ссуд под солидное обеспечение. За последние годы мы немало успели в этом отношении. Мы ссужа-

ем крупными суммами знатные семейства под обеспечение картинами, фамильными библиотеками, сервизами.

Вчера утром я сидел в своем кабинете в банке, и кто-то из клерков принес мне визитную карточку. Я вздрогнул, прочитав имя, потому что это был не кто иной, как… Впрочем, пожалуй, даже вам я не решусь его назвать. Это имя известно всему миру; имя одной из самых высокопоставленных и знатных особ Англии. Я был ошеломлен оказанной мне честью, и когда он вошел, хотел было выразить свои чувства высокому посетителю. Но он прервал меня: ему, видно, хотелось как можно быстрее уладить неприятное для него дело.

— Мистер Холдер, я слышал, что вы предоставляете ссуды.

— Да. Фирма дает ссуды под надежные гарантии, — отвечал я.

— Мне совершенно необходимы пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, и притом немедленно, — заявил он. — Конечно, такую небольшую сумму я мог бы одолжить у своих друзей, но я предпочитаю сделать этот заем в деловом порядке. И я вынужден сам заниматься этим. Вы, конечно, понимаете, что человеку моего положения неудобно вмешивать в это дело по-

сторонних.

— Позвольте узнать, на какой срок вам нужны деньги? — осведомился я.

— В будущий понедельник мне вернут крупную сумму денег, и я погашу вашу ссуду с уплатой любого процента. Но мне крайне важно получить деньги сразу.

— Я был бы счастлив безоговорочно дать вам деньги из своих личных средств, но это довольно крупная сумма, так что придется сделать это от имени фирмы. Элементарная справедливость по отношению к моему компаньону требует, чтобы я принял меры деловой предосторожности.

— Иначе и быть не может, — сказал он и взял в руки квадратный футляр черного сафьяна, который перед тем положил на стол возле себя. — Вы, конечно, слышали о знаменитой берилловой диадеме?

— Разумеется. Это — национальное достояние.

— Совершенно верно. — Он открыл футляр — на мягком розовом бархате красовалось великолепнейшее произведение ювелирного искусства.

— В диадеме тридцать девять крупных берилловлов, — сказал он. — Ценность золотой оправы не поддается исчислению. Самая минимальная ее стоимость вдвое выше нужной мне суммы. Я

готов оставить диадему у вас.

Я взял в руки футляр с драгоценной диадемой и с некоторым колебанием поднял глаза на своего именитого посетителя.

— Вы сомневаетесь в ценности диадемы? — улыбнулся он.

— О, что вы, я сомневаюсь лишь…

— …удобно ли мне оставить эту диадему вам? Можете не беспокоиться. Мне эта мысль и в голову не пришла, не будь я абсолютно убежден, что через четыре дня получу диадему обратно. Пустая формальность! Ну, а само обеспечение вы считаете удовлетворительным?

— Вполне.

— Вы, разумеется, понимаете, мистер Холдер, что мой поступок — свидетельство глубочайшего доверия, которое я питаю к вам. Это доверие основано на том, что я знаю о вас. Я рассчитываю на вашу скромность, на то, что вы воздержитесь от каких-либо разговоров о диадеме. Прошу вас также беречь ее особенно тщательно, так как любое повреждение вызовет скандал. Оно повлечет почти такие же катастрофические последствия, как и пропажа диадемы. В мире больше нет таких бериллов, и, если потеряется хоть один, возместить его будет нечем. Но я доверяю вам и

со спокойной душой оставляю у вас диадему. Я вернусь за нею лично в понедельник утром.

Видя, что мой клиент спешит, я без дальнейших разговоров вызвал кассира и распорядился выдать пятьдесят банковских билетов по тысяче фунтов стерлингов.

«I took the precious case.»

Оставшись один и разглядывая драгоценность, лежащую на моем письменном столе, я подумал об огромной ответственности, которую принял на себя. В случае пропажи диадемы, несомнен-

но, разразится невероятный скандал: ведь она достояние нации! Я даже начал сожалеть, что впутался в это дело. Но сейчас уже ничего нельзя было изменить. Я запер диадему в свой личный сейф и вернулся к работе.

Когда настал вечер, я подумал, что было бы опрометчиво оставлять в банке такую драгоценность. Кому не известны случаи взлома сейфов? А вдруг взломают и мой? В каком ужасном положении я окажусь, случись такая беда! И я решил держать диадему при себе. Затем я вызвал кэб и поехал домой в Стритем с футляром в кармане. Я не мог успокоиться, пока не поднялся к себе наверх и не запер диадему в бюро в комнате, смежной с моей спальней.

А теперь два слова о людях, живущих в моем доме. Я хочу, чтобы вы, мистер Холмс, полностью ознакомились с положением дел. Мой конюх и мальчик-слуга — приходящие работники, поэтому о них можно не говорить. У меня три горничные, работающие уже много лет, и их абсолютная честность не вызывает ни малейшего сомнения. Четвертая — Люси Парр, официантка, живет у нас только несколько месяцев. Она поступила с прекрасной рекомендацией и вполне справляется со своей работой. Люси — хорошень-

кая девушка, у нее есть поклонники, которые слоняются возле дома. Это — единственное, что мне не нравится. Впрочем, я считаю ее вполне порядочной девушкой во всех отношениях.

Вот и все, что касается слуг. Моя собственная семья так немногочисленна, что мне не придется много о ней говорить. Я вдовец и имею единственного сына Артура. К великому моему огорчению, он обманул мои надежды. Нет ни малейшего сомнения, что виноват я сам. Говорят, я избаловал его. Очень может быть. Когда скончалась жена, я понял, что теперь сын — моя единственная привязанность. Я не мог ему отказать ни в чем, я совершенно не мог выносить даже малейшего его неудовольствия. Может быть, для нас обоих было бы лучше, будь я с ним хоть чуточку построже. Но в то время я думал иначе.

Естественно, я мечтал, что Артур когда-нибудь сменит меня в моем деле. Однако у него не оказалось никакой склонности к этому. Он стал необузданным, своенравным, и, говоря по совести, я не мог доверить ему большие деньги. Юношей он вступил в аристократический клуб, а позже благодаря обаятельным манерам стал своим человеком в кругу самых богатых и расточительных людей. Он пристрастился к

крупной игре в карты, проматывал деньги на скачках и поэтому все чаще и чаще обращался ко мне с просьбой дать ему денег — в счет будущих карманных расходов. Деньги нужны были для того, чтобы расплатиться с карточными долгами. Правда, Артур неоднократно пытался отойти от этой компании, но каждый раз влияние его друга сэра Джорджа Бэрнвелла возвращало его на прежний путь.

Собственно говоря, меня не очень удивляет, что сэр Джордж Бэрнвелл оказывал такое влияние на моего сына. Артур нередко приглашал его к нам, и должен сказать, что даже я подпадал под обаяние сэра Джорджа. Он старше Артура, светский человек до мозга костей, интереснейший собеседник, много поездивший и повидавший на своем веку, к тому же человек исключительно привлекательной внешности. Но все же, думая о нем спокойно, отвлекаясь от его личного обаяния и вспоминая его циничные высказывания и взгляды, я сознавал, что сэру Джорджу нельзя доверять.

Так думал не только я — того же взгляда придерживалась и Мэри, обладающая тонкой женской интуицией.

Теперь остается рассказать лишь о Мэри, моей

племяннице. Когда лет пять тому назад умер брат и она осталась одна на всем свете, я взял ее к себе. С тех пор она для меня словно родная дочь. Мэри — солнечный луч в моем доме — такая ласковая, чуткая, милая, какой только может быть женщина, и к тому же превосходная хозяйка. Мэри — моя правая рука, я не могу себе представить, что я делал бы без нее. И только в одном она шла против моей воли. Мой сын Артур любит ее и дважды просил ее руки, но она каждый раз отказывала ему. Я глубоко убежден, что если хоть кто-нибудь способен направить моего сына на путь истинный, так это только она. Брак с ней мог бы изменить всю его жизнь… но сейчас, увы, слишком поздно. Все погибло!

Ну вот, мистер Холмс, теперь вы знаете людей, которые живут под моей крышей, и я продолжу свою печальную повесть.

Когда в тот вечер после обеда мы пили кофе в гостиной, я рассказал Артуру и Мэри, какое сокровище находится у нас в доме. Я, конечно, не назвал имени клиента. Люси Парр, подававшая нам кофе, к тому времени уже вышла из комнаты. Я твердо уверен в этом, хотя не берусь утверждать, что дверь за ней была плотно закрыта. Мэри и Артур, заинтригованные моим рассказом,

хотели посмотреть знаменитую диадему, но я почел за благо не прикасаться к ней.

— Куда же ты ее положил? — спросил Артур.

— В бюро.

— Будем надеяться, что сегодня ночью к нам не вломятся грабители, — сказал он.

— Бюро заперто на ключ, — возразил я.

— Пустяки! К нему подойдет любой ключ. В детстве я сам открывал его ключом от буфета.

Он часто нес всякий вздор, и я не придал значения его словам.

«Oh, any old key will fit that bureau.»

После кофе Артур с мрачным видом последовал в мою комнату.

— Послушай, папа, — сказал он, опустив гла-

за. — Не мог бы ты одолжить мне двести фунтов?

— Ни в коем случае, — ответил я резко. — Я и так слишком распустил тебя в денежных делах.

— Да, ты всегда щедр, — сказал он. — Но сейчас мне крайне нужна эта сумма, иначе я не смогу показаться в клубе.

— Тем лучше! — воскликнул я.

— Но меня же могут посчитать за нечестного человека! Я не вынесу такого позора. Так или иначе я должен достать деньги. Если ты не дашь мне двести фунтов, я буду вынужден раздобыть их иным способом.

Я возмутился: за последний месяц он третий раз обращался ко мне с подобной просьбой.

— Ты не получишь ни фартинга! — закричал я.

Он поклонился и вышел из комнаты, не сказав ни слова. После ухода Артура я заглянул в бюро, убедился, что драгоценность на месте, и снова запер его на ключ.

Затем я решил обойти комнаты и посмотреть, все ли в порядке. Обычно эту обязанность берет на себя Мэри, но сегодня я решил, что лучше сделать это самому. Спускаясь с лестницы, я увидел свою племянницу — она закрывала окно в гостиной.

— Скажите, папа, вы разрешили Люси отлучиться? — Мне показалось, что Мэри немножко

встревожена. — Об этом и речи не было.

— Она только что вошла через черный ход. Думаю, что она выходила к калитке повидаться с кем-нибудь. Мне кажется, это ни к чему, и пора это прекратить.

— Непременно поговори с ней завтра, или, если хочешь, я сам это сделаю. Ты проверила, все хорошо заперто?

— Да, папа.

— Тогда спокойной ночи, дитя мое. — Я поцеловал ее отправился к себе в спальню и вскоре уснул.

— Я подробно говорю обо всем, что может иметь хоть какое-нибудь отношение к делу, мистер Холмс. Но, если что-либо покажется вам неясным, спрашивайте, не стесняйтесь.

— Нет, нет, вы рассказываете вполне ясно, — ответил Холмс.

— Сейчас я перехожу к той части рассказа, которую хотел бы изложить особенно детально. Обычно я сплю не очень крепко, а беспокойство в тот раз отнюдь не способствовало крепкому сну. Около двух часов ночи я проснулся от какого-то слабого шума. Шум прекратился прежде, чем я сообразил, в чем дело, но у меня создалось впечатление, что где-то осторожно закрыли окно. Я

весь обратился в слух. Вдруг до меня донеслись легкие шаги в комнате рядом с моей спальней. Я выскользнул из постели и, дрожа от страха, выглянул за дверь.

— Артур! — закричал я. — Негодяй! Вор! Как ты посмел притронуться к диадеме!

Газ был притушен, и при его свете я увидел своего несчастного сына — на нем была только рубашка и брюки. Он стоял около газовой горелки и держал в руках диадему. Мне показалось, что он старался согнуть ее или сломать. Услышав меня, Артур выронил диадему и повернулся ко мне, бледный как смерть. Я схватил сокровище: не хватало золотого зубца с тремя бериллами.

At my cry he dropped it.

— Подлец! — закричал я вне себя от ярости. — Сломать такую вещь! Ты обесчестил меня, понимаешь? Куда ты дел камни, которые украл?

— Украл? — попятился он.

— Да, украл! Ты вор! — кричал я, тряся его за плечи.

— Нет, не может быть, ничего не могло пропасть! — бормотал он.

— Тут недостает трех камней. Где они? Ты, оказывается, не только вор, но и лжец! Я же видел, как ты пытался отломить еще кусок.

— Хватит! Я больше не намерен терпеть оскорбления, — холодно сказал Артур. — Ты не услышишь от меня ни слова. Утром я ухожу из дому и буду сам устраиваться в жизни.

— Ты уйдешь из моего дома только в сопровождении полиции! — кричал я, обезумев от горя и гнева. — Я хочу знать все, абсолютно все!

— Я не скажу ни слова! — неожиданно взорвался он. — Если ты считаешь нужным вызвать полицию — пожалуйста, пусть ищут!

Я кричал так, что поднял на ноги весь дом. Мэри первой вбежала в комнату. Увидев диадему и растерянного Артура, она все поняла и, вскрикнув, упала без чувств. Я послал горничную за полицией. Когда прибыли полицейский инспектор и констебль, Артур, мрачно стоявший со скрещенными руками, спросил меня, неужели я действительно собираюсь предъявить ему обвинение в воровстве. Я ответил, что это дело отнюдь не частное, что диадема — собственность нации и что я твердо решил дать делу законный ход.

— Но ты по крайней мере не дашь им арестовать меня сейчас же, — сказал он. — Во имя наших общих интересов разреши мне отлучиться из дому хотя бы на пять минут.

— Для того, чтобы ты скрылся или получше

припрятал краденое? — воскликнул я.

Я понимал весь ужас своего положения и заклинал его подумать о том, что на карту поставлено не только мое имя, но и честь гораздо более высокого лица, что исчезновение бериллов вызовет огромный скандал, который потрясет всю нацию. Всего можно избежать, если только он скажет, что он сделал с тремя камнями.

— Пойми, — говорил я. — Ты задержан на месте преступления. Признание не усугубит твою вину. Напротив, если ты вернешь бериллы, то поможешь исправить создавшееся положение и тебя простят.

— Приберегите свое прощение для тех, кто в нем нуждается, — сказал он высокомерно и отвернулся.

Я видел, что он крайне ожесточен, и понял, что дальнейшие уговоры бесполезны. Оставался один выход. Я пригласил инспектора, и тот взял Артура под стражу.

Полицейские немедленно обыскали Артура и его комнату, обшарили каждый закоулок в доме, но обнаружить драгоценные камни не удалось, а негодный мальчишка не раскрывал рта, несмотря на наши увещевания и угрозы. Сегодня утром его отправили в тюрьму. А я, закончив

формальности, поспешил к вам. Умоляю вас применить все свое искусство, чтобы раскрыть это дело. В полиции мне откровенно сказали, что в настоящее время вряд ли смогут чем-нибудь помочь мне. Я не остановлюсь ни перед какими расходами. Я уже предложил вознаграждение в тысячу фунтов… Боже! Что же мне делать? Я потерял честь, состояние и сына в одну ночь… О, что мне делать?!

Он схватился за голову и, раскачиваясь из стороны в сторону, бормотал, как ребенок, который не в состоянии выразить свое горе.

Несколько минут Холмс сидел молча, нахмурив брови и устремив взгляд на огонь в камине.

— У вас часто бывают гости? — спросил он.

— Нет, у нас никого не бывает, иногда разве придет компаньон с женой да изредка кто-либо из друзей Артура. Недавно к нам несколько раз заглядывал сэр Джордж Бэрнвелл. Больше никого.

— А вы сами часто бываете в обществе?

— Артур — часто. А мы с Мэри всегда дома. Мы оба домоседы.

— Это необычно для молодой девушки.

— Она не очень общительная и к тому же не такая уж юная. Ей двадцать четыре года.

— Вы говорите, что случившееся явилось для

нее ударом?

— О да! Она потрясена больше меня.

— А у вас не появлялось сомнения в виновности Артура?

— Какие же могут быть сомнения, когда я собственными глазами видел диадему в руках у Артура?

— Я не считаю это решающим доказательством вины. Скажите, кроме отломанного зубца, были какие-нибудь еще повреждения на диадеме?

— Она была погнута.

— А вам не приходила мысль, что ваш сын просто пытался распрямить ее?

— Что вы! Я понимаю, вы хотите оправдать его в моих глазах. Но это невозможно. Что он делал в моей комнате? Если он не имел преступных намерений, отчего он молчит?

— Все это верно. Но, с другой стороны, если он виновен, то почему бы ему не попытаться придумать какую-нибудь версию в свое оправдание? То обстоятельство, что он не хочет говорить, по-моему, исключает оба предположения. И вообще тут есть несколько неясных деталей. Что думает полиция о шуме, который вас разбудил?

— Они считают, что Артур, выходя из спальни, неосторожно стукнул дверью.

— Очень похоже! Человек, идущий на преступление, хлопает дверью, чтобы разбудить весь дом! А что они думают по поводу исчезнувших камней?

— Они и сейчас еще простукивают стены и обследуют мебель.

— А они не пытались искать вне дома?

— Они проявили исключительную энергию. Они прочесали весь сад.

— Ну, дорогой мистер Холдер, — сказал Холмс, — разве не очевидно, что все гораздо сложнее, чем предполагаете вы и полиция? Вы считаете дело ясным, а с моей точки зрения это очень запутанная история. Судите сами, по-вашему, ход событий таков: Артур поднимается с постели, пробирается с большим риском в ту комнату, открывает бюро и достает диадему, отламывает с большим трудом зубец, выходит и где-то прячет три берилла из тридцати девяти, причем с такой ловкостью, что никто не может их разыскать, затем вновь возвращается в вашу комнату, подвергая себя огромному риску: ведь его могут застать там. Неужели такая версия в самом деле кажется вам правдоподобной?

— Но тогда я ума не приложу, что могло случиться! — воскликнул банкир в отчаянии. — Если

он не имел дурных намерений, почему он молчит?

— А вот это уже наше дело — разгадать загадку, — ответил Холмс. — Теперь, мистер Холдер, мы отправимся вместе с вами в Стритем и потратим часок-другой, чтобы на месте познакомиться с кое-какими обстоятельствами.

Мой друг настоял, чтобы я сопровождал его. И я охотно согласился: эта странная история вызвала у меня предельное любопытство и глубокую симпатию к несчастному мистеру Холдеру. Говоря откровенно, виновность Артура казалась мне, как и нашему клиенту, совершенно бесспорной, и все же я верил в чутье Холмса: если мой друг не удовлетворился объяснениями Холдера, значит, есть какая-то надежда.

Пока мы ехали к южной окраине Лондона, Холмс не проронил ни слова. Погруженный в глубокое раздумье, он сидел, опустив голову на грудь и надвинув шляпу на самые глаза. Наш клиент, напротив, казалось, воспрянул духом от слабого проблеска надежды и даже пытался завести со мной разговор о своих банковских делах. В пути мы были недолго: непродолжительная поездка по железной дороге, краткая прогулка пешком — и вот мы уже в Фэрбенке, скромной

резиденции богатого финансиста.

Фэрбенк — большой квадратный дом из белого камня, расположенный недалеко от шоссе, с которым его соединяет только дорога для экипажей. Сейчас эта дорога, упирающаяся в массивные железные ворота, была занесена снегом. Направо от нее — густые заросли кустарника, за ними — узкая тропинка, по обе стороны которой живая изгородь; тропинка ведет к кухне, и ею пользуются главным образом поставщики продуктов. Налево — дорожка к конюшне. Она, собственно говоря, не входит во владения Фэрбенка и является общественной собственностью. Впрочем, там очень редко можно встретить посторонних.

Холмс не вошел в дом вместе с нами; он медленно двинулся вдоль фасада, по дорожке, ведущей на кухню и дальше через сад, в сторону конюшни. Мистер Холдер и я так и не дождались Холмса; войдя в дом, мы молча расположились в столовой около камина. Внезапно дверь отворилась, и в комнату тихо вошла молодая девушка. Она была немного выше среднего роста, стройная, с темными волосами и глазами. Эти глаза казались еще темнее оттого, что в лице ее не было ни кровинки. Мне никогда еще не приходилось видеть такой мертвенной бледности. Губы тоже были

совсем белые, глаза заплаканы. Казалось, что она сильнее потрясена горем, чем даже мистер Холдер. В то же время черты ее лица говорили о сильной воле и огромном самообладании.

She went straight to her uncle.

Не обращая на меня внимания, она подошла к дяде и нежно провела рукой по его волосам.

— Вы распорядились, чтобы Артура освободили, папа? — спросила она.

— Нет, моя девочка, дело надо расследовать до конца.

— Я глубоко убеждена, что он не виновен. Мне сердце подсказывает это. Он не мог сделать

ничего дурного. Вы потом сами пожалеете, что обошлись с ним так сурово.

— Но почему же он молчит, если не виновен?

— Возможно, он обиделся, что вы подозреваете его в краже.

— Как же не подозревать, если я застал его с диадемой в руках?

— Он взял диадему в руки, чтобы посмотреть. Поверьте, папа, он не виновен. Пожалуйста, прекратите это дело. Как ужасно, что наш дорогой Артур в тюрьме!

— Я не прекращу дела, пока не будут найдены бериллы. Ты настолько привязана к Артуру, что забываешь об ужасных последствиях. Нет, Мэри, я не отступлюсь, напротив, я пригласил джентльмена из Лондона для самого тщательного расследования.

— Это вы? — Мэри повернулась ко мне.

— Нет, это его друг. Тот джентльмен попросил, чтобы мы оставили его одного. Он хотел пройти по дорожке, которая ведет к конюшне.

— К конюшне? — Ее темные брови удивленно поднялись. — Что он думает там найти? А вот, очевидно, и он сам. Я надеюсь, сэр, что вам удастся доказать непричастность моего кузена к этому преступлению. Я убеждена в этом.

— Я полностью разделяю ваше мнение, — сказал Холмс, стряхивая у половика снег с ботинок. — Полагаю, я имею честь говорить с мисс Холдер? Вы позволите задать вам несколько вопросов?

— Ради Бога, сэр! Если б только мои ответы помогли распутать это ужасное дело!

— Вы ничего не слышали сегодня ночью?

— Ничего, пока до меня не донесся громкий голос дяди, и тогда я спустилась вниз.

— Накануне вечером вы закрывали окна и двери. Хорошо ли вы их заперли?

— Да.

— И они были заперты сегодня утром?

— Да.

— У вашей горничной есть поклонник. Вчера вечером вы говорили дяде, что она выходила к нему?

— Да, она подавала нам вчера кофе. Она могла слышать, как дядя рассказывал о диадеме.

— Понимаю. Отсюда вы делаете вывод, что она могла что-то сообщить своему поклоннику и они вместе замыслили кражу.

— Ну какой прок от всех этих туманных предположений? — нетерпеливо воскликнул мистер Холдер. — Ведь я же сказал, что застал Артура с диадемой в руках.

— Не надо спешить, мистер Холдер. К этому мы еще вернемся. Теперь относительно вашей прислуги. Мисс Холдер, она вошла в дом через кухню?

— Да. Я спустилась посмотреть, заперта ли дверь, и увидела Люси у порога. Заметила в темноте и ее поклонника.

— Вы знаете его?

— Да, он зеленщик, приносит нам овощи. Его зовут Фрэнсис Проспер.

— И он стоял немного в стороне, не у самой двери?

— Да.

— И у него деревянная нога?

Что-то вроде испуга промелькнуло в выразительных черных глазах девушки.

— Вы волшебник, — сказала она. — Как вы это узнали? — Она улыбнулась, но на худощавом энергичном лице Холмса не появилось ответной улыбки.

— Я хотел бы подняться наверх, — сказал он. — Впрочем, сначала я посмотрю окна.

Something like fear sprang up in the young lady's eyes.

Он быстро обошел первый этаж, переходя от одного окна к другому, затем остановился у большого окна, которое выходило на дорожку, ведущую к конюшне. Он открыл окно и тщательно, с помощью сильной лупы осмотрел подоконник. — Что ж, теперь пойдемте наверх, — сказал он наконец.

Комната, расположенная рядом со спальней банкира, выглядела очень скромно: серый ковер, большое бюро и высокое зеркало. Холмс первым

делом подошел к бюро и тщательно осмотрел замочную скважину.

— Каким ключом отперли его? — спросил он.

— Тем самым, о котором говорил мой сын, — от буфета в чулане.

— Где ключ?

— Вон он, на туалетном столике.

Холмс взял ключ и открыл бюро.

— Замок бесшумный, — сказал он. — Не удивительно, что вы не проснулись. В этом футляре, я полагаю, и находится диадема? Посмотрим… — Он открыл футляр, извлек диадему и положил на стол. Это было чудесное произведение ювелирного искусства. Таких изумительных камней мне никогда не приходилось видеть. Один зубец диадемы был отломан.

— Вот этот зубец соответствует отломанному, — сказал Холмс. — Будьте любезны, мистер Холдер, попробуйте отломить его.

— Боже меня сохрани! — воскликнул банкир, в ужасе отшатнувшись от Холмса.

— Ну, так попробую я. — Холмс напряг все силы, но попытка оказалась безуспешной. — Немного поддается, но мне, пожалуй, пришлось бы долго повозиться, чтоб отломить зубец, хотя руки у меня очень сильные. Человеку с обычным фи-

зическим развитием это вообще не под силу. Но допустим, что я все же сломал диадему. Раздался бы треск, как выстрел из пистолета. Неужели вы полагаете, мистер Холдер, что это произошло чуть ли не над вашим ухом и вы ничего не услышали?

— Уж не знаю, что и думать. Мне все это совершенно непонятно.

— Как знать, может быть все разъяснится. А что вы думаете, мисс Холдер?

— Признаюсь, я разделяю недоумение моего дяди.

— Скажите, мистер Холдер, были ли в тот момент на ногах вашего сына ботинки или туфли?

— Нет, он был босой, на нем были только брюки и рубашка.

— Благодарю вас. Ну что ж, нам просто везет, и если мы не раскроем тайну, то только по нашей собственной вине. С вашего разрешения, мистер Холдер, я еще раз обойду вокруг дома.

Холмс вышел один: лишние следы, по его словам, только затрудняют работу.

Он пропадал около часу, а когда вернулся, ноги у него были все в снегу, а лицо непроницаемо, как обычно.

— Мне кажется, я осмотрел все, что нужно, —

сказал он, — и могу отправиться домой.

— Ну, а как же камни, мистер Холмс, где они? — воскликнул банкир.

— Этого я сказать не могу.

Банкир в отчаянии заломил руки.

— Неужели они безвозвратно пропали? — простонал он. — А как же Артур? Дайте хоть самую маленькую надежду!

— Мое мнение о вашем сыне не изменилось.

— Ради всего святого, что же произошло в моем доме?

— Если вы посетите меня на Бейкер-стрит завтра утром между девятью и десятью, я думаю, что смогу дать более подробные объяснения. Надеюсь, вы предоставите мне свободу действий при условии, разумеется, что камни будут возвращены, и не постоите за расходами?

— Я отдал бы все свое состояние!

— Прекрасно. Я подумаю над этой историей. До свидания. Возможно, я еще загляну сегодня сюда.

Было совершенно ясно, что Холмс уже что-то надумал, но я даже приблизительно не мог представить себе, к каким выводам он пришел. По дороге в Лондон я несколько раз пытался навести беседу на эту тему, но Холмс всякий раз уходил от ответа. Наконец, отчаявшись, я прекратил

свои попытки. Не было еще и трех часов, когда мы возвратились домой. Холмс поспешно ушел в свою комнату и через несколько минут снова появился. Он успел переодеться. Потрепанное пальто с поднятым воротником, небрежно повязанный красный шарф и стоптанные башмаки придавали ему вид типичного бродяги.

Dressed as a common loafer.

— Ну, так, я думаю, сойдет, — сказал он, взгля-

нув в зеркало над камином. — Хотелось бы взять с собою и вас, Уотсон, но это невозможно. На верном пути я или нет, скоро узнаем. Думаю, что вернусь через несколько часов. — Он открыл буфет, отрезал кусок говядины, положил его между двумя кусками хлеба и, засунув сверток в карман, ушел.

Я только что закончил пить чай, когда Холмс возвратился в прекрасном настроении, размахивая каким-то старым ботинком. Он швырнул его в угол и налил себе чашку.

— Я заглянул на минутку, сейчас отправлюсь дальше.

— Куда же?

— На другой конец Вест-Энда. Вернусь, возможно, не скоро. Не ждите меня, если я запоздаю.

— Как успехи?

— Ничего, пожаловаться не могу. Я был в Стритеме, но в дом не заходил. Интересное дельце, не хотелось бы упустить его. Хватит, однако, болтать, надо сбросить это тряпье и снова стать приличным человеком.

По поведению моего друга я видел, что он доволен результатами. Глаза у него блестели, на бледных щеках, даже появился слабый румянец. Он поднялся к себе в комнату, и через несколько

минут я услышал, как стукнула входная дверь. Холмс снова отправился на «охоту».

Я ждал до полуночи, но, видя, что его все нет и нет, отправился спать. Холмс имел обыкновение исчезать на долгое время, когда нападал на след, так что меня ничуть не удивило его опоздание. Не знаю, в котором часу он вернулся, но, когда на следующее утро я вышел к завтраку, Холмс сидел за столом с чашкой кофе в одной руке и газетой в другой. Как всегда, он был бодр и подтянут.

— Простите, Уотсон, что я начал завтрак без вас, — сказал он. — Но вот-вот явится наш клиент.

— Да, уже десятый час, — ответил я. — Кажется, звонят? Наверное, это он.

И в самом деле это был мистер Холдер. Меня поразила перемена, происшедшая в нем. Обычно массивное и энергичное лицо его осунулось и как-то сморщилось, волосы, казалось, побелели еще больше. Он вошел усталой походкой, вялый, измученный, что представляло еще более тягостное зрелище, чем его бурное отчаяние вчерашним утром. Тяжело опустившись в придвинутое мною кресло, он проговорил:

— Не знаю, за что такая кара! Два дня назад я был счастливым, процветающим человеком, а

сейчас опозорен и обречен на одинокую старость. Беда не приходит одна. Исчезла Мэри.

— Исчезла?

— Да. Постель ее не тронута, комната пуста, а на столе вот эта записка. Вчера я сказал ей, что, выйди она замуж за Артура, с ним ничего не случилось бы. Я говорил без тени гнева, просто был убит горем. Вероятно, так не нужно было говорить. В записке она немекает на эти слова.

> «Дорогой дядя!
>
> Я знаю, что причинила вам много горя и что поступи я иначе, не произошло бы это ужасное несчастье. С этой мыслью я не смогу быть счастливой под вашей крышей и покидаю вас навсегда. Не беспокойтесь о моем будущем и, самое главное, не ищите меня, потому что это бесцельно и может только повредить мне.
>
> Всю жизнь до самой смерти любящая вас Мэри».

— Что означает эта записка, мистер Холмс? Уж не хочет ли она покончить самоубийством?

— О нет, ничего подобного. Может быть, это наилучшим образом решает все проблемы. Я уверен, мистер Холдер, что ваши испытания

близятся к концу.

— Да, вы так думаете? Вы узнали что-нибудь новое, мистер Холмс? Узнали, где бериллы?

— Тысячу фунтов за каждый камень вы не сочтете чересчур высокой платой?

— Я заплатил бы все десять!

— В этом нет необходимости. Трех тысяч вполне достаточно, если не считать некоторого вознаграждения мне. Чековая книжка при вас? Вот перо. Выпишите чек на четыре тысячи фунтов.

Банкир в изумлении подписал чек. Холмс подошел к письменному столу, достал маленький треугольный кусок золота с тремя бериллами и положил на стол. Мистер Холдер с радостным криком схватил свое сокровище.

— Я спасен, спасен! — повторял он, задыхаясь. — Вы нашли их!

Радость его была столь же бурной, как и вчерашнее отчаяние. Он крепко прижимал к груди найденное сокровище.

— За вами еще один долг, мистер Холдер, — сказал Холмс сурово.

— Долг? — Банкир схватил перо. — Назовите сумму, и я выплачу вам ее немедленно.

— Нет, не мне. Вы должны попросить прощения у вашего сына. Он держал себя мужественно

и благородно. Имей я такого сына, я гордился бы им.

— Значит, не Артур взял камни?

— Да, не он. Я говорил это вчера и повторяю сегодня.

— В таком случае поспешим к нему и сообщим, что правда восторжествовала.

— Он все знает. Я беседовал с ним, когда распутал дело. Поняв, что он не хочет говорить, я сам изложил ему всю историю, и он признал, что я прав, и, в свою очередь, рассказал о некоторых подробностях, которые были неясны мне. Новость, которую вы нам только что сообщили, возможно, заставит его быть вполне откровенным.

— Так раскройте же, ради Бога, эту невероятную тайну!

— Сейчас я расскажу, каким путем мне удалось добраться до истины. Но сначала разрешите сообщить вам тяжелую весть: ваша племянница Мэри была в сговоре с сэром Джорджем Бэрнвеллом. Сейчас они оба скрылись.

— Мэри? Это невозможно!

— К сожалению, это факт! Принимая в своем доме сэра Джорджа Бэрнвелла, ни вы, ни ваш сын не знали его как следует. А между тем он один из опаснейших субъектов, игрок, отъявленный

негодяй, человек без сердца и совести. Ваша племянница и понятия не имела, что бывают такие люди. Слушая его признания и клятвы, она думала, что завоевала его любовь. А он говорил то же самое многим до нее. Одному дьяволу известно, как он сумел поработить волю Мэри, но так или иначе она сделалась послушным орудием в его руках. Они виделись почти каждый вечер.

— Я не верю, не могу этому верить! — вскричал банкир. Его лицо стало пепельно-серым.

— А теперь я расскажу, что произошло в вашем доме вчера ночью. Когда ваша племянница убедилась, что вы ушли к себе, она спустилась вниз и, приоткрыв окно над дорожкой, которая ведет в конюшню, сообщила своему возлюбленному о диадеме. Следы сэра Джорджа ясно отпечатались на снегу под окном. Жажда наживы охватила сэра Джорджа, он буквально подчинил Мэри своей воле. Я не сомневаюсь, что Мэри любит вас, но есть категория женщин, у которых любовь к мужчине преодолевает все другие чувства. Мэри из их числа. Едва она успела договориться с ним о похищении драгоценности, как услышала, что вы спускаетесь по лестнице. Тогда, быстро закрыв окно, она сказала вам, что к горничной приходил ее зеленщик. И он в самом деле приходил…

В ту ночь Артуру не спалось: его тревожили клубные долги. Вдруг он услышал, как мимо его комнаты прошуршали осторожные шаги. Он встал, выглянул за дверь и с изумлением увидел двоюродную сестру — та крадучись пробиралась по коридору и исчезла в вашей комнате. Ошеломленный Артур наскоро оделся и стал ждать, что произойдет дальше. Скоро Мэри вышла; при свете лампы в коридоре ваш сын заметил у нее в руках драгоценную диадему. Мэри спустилась вниз по лестнице. Трепеща от ужаса, Артур проскользнул за портьеру около вашей двери: оттуда видно все, что происходит в гостиной. Мэри потихоньку открыла окно, передала кому-то в темноте диадему, а затем, закрыв окно, поспешила в свою комнату, пройдя совсем близко от Артура, застывшего за портьерой.

Боясь разоблачить любимую девушку, Артур ничего не мог предпринять, хотя понимал, каким ударом будет для вас пропажа диадемы и как важно вернуть драгоценность. Но едва Мэри скрылась за дверью своей комнаты, он бросился вниз полуодетый и босой, распахнул окно, выскочил в сад и помчался по дорожке; там, вдали, виднелся при свете луны чей-то темный силуэт.

Сэр Джордж Бэрнвелл попытался бежать, но

Артур догнал его. Между ними завязалась борьба. Ваш сын тянул диадему за один конец, его противник — за другой. Ваш сын ударил сэра Джорджа и повредил ему бровь. Затем что-то неожиданно хрустнуло, и Артур почувствовал, что диадема у него в руках; он кинулся назад, закрыл окно и поднялся в вашу комнату. Только тут он заметил, что диадема погнута, и попытался распрямить ее. В это время вошли вы.

Arthur caught him.

— Боже мой! Боже мой! — задыхаясь, повторял

банкир.

— Артур был потрясен вашим несправедливым обвинением. Ведь, напротив, вы должны были бы благодарить его. Он не мог рассказать вам правду, не предав Мэри, хотя она и не заслуживала снисхождения. Он вел себя как рыцарь и сохранил тайну.

— Так вот почему она упала в обморок, когда увидела диадему! — воскликнул мистер Холдер. — Бог мой, какой же я безумец! Ведь Артур просил отпустить его хотя бы на пять минут! Бедный мальчик думал отыскать отломанный кусок диадемы на месте схватки. Как я ошибался!

— Приехав к вам, — продолжал Холмс, — я в первую очередь внимательно осмотрел участок возле дома, надеясь что-нибудь обнаружить. Снега со вчерашнего вечера не выпадало, а сильный мороз должен был хорошо сохранить следы на снегу. Я прошел по дорожке, которой подвозят продукты, но она была утоптана. Но неподалеку от двери в кухню я заметил следы женских ботинок; рядом с женщиной стоял мужчина. Круглые отпечатки показывали, что одна нога у него деревянная. По-видимому, кто-то помешал их разговору, так как женщина побежала к двери: носки женских ботинок отпечатались глубже,

чем каблуки. Человек с деревянной ногой подождал немного, а затем ушел. Я тут же подумал, что это должно быть, горничная и ее поклонник, о которых вы говорили. Так оно, и оказалось. Я обошел сад, но больше ничего не заметил, кроме беспорядочных следов, разбегавшихся во всех направлениях. Это ходили полицейские. Но когда я дошел до дорожки, которая вела к конюшне, вся сложная история этой ночи открылась мне, будто написанная на снегу.

Я увидел две линии следов: одна из них принадлежала человеку в ботинках, другая, как я с удовлетворением заметил, — человеку, бежавшему босиком. Я был уверен, что эта вторая линия — следы вашего сына. Впоследствии ваши слова подтвердили правильность моего предположения.

Первый человек спокойно шагал туда и обратно, второй бежал. Следы бежавшего отпечатались там же, где шел человек в ботинках. Из этого можно было сделать вывод, что второй человек преследовал первого. Я пошел по следам человека в ботинках. Они привели меня к окну вашей гостиной; здесь снег был весь истоптан, очевидно, этот человек кого-то долго поджидал. Тогда я направился по его следам в противоположную

сторону. Они тянулись по дорожке примерно на сотню ярдов. Потом человек в ботинках обернулся — в этом месте снег был сильно истоптан, словно шла борьба. Капли крови на снегу свидетельствовали о том, что это так и было. Затем человек в ботинках бросился бежать. На некотором расстоянии я снова заметил кровь; значит, ранен был именно он. Я пошел по тропинке до самой дороги; там снег был счищен и следы обрывались.

Вы помните, что, войдя в дом, я осмотрел через лупу подоконник и раму окна гостиной и обнаружил, что кто-то вылезал из окна. Я заметил также очертание следа мокрой ноги, то есть человек залезал и обратно. После этого я уже был в состоянии представить себе все, что произошло. Кто-то стоял под окном, и кто-то подал ему диадему. Ваш сын видел это, бросился преследовать неизвестного, вступил с ним в борьбу. Каждый из них тянул сокровище к себе. Тогда-то и был отломан кусок диадемы. Артур поспешил с диадемой домой, не заметив, что у противника остался обломок. Пока все понятно. Но возникал вопрос: кто этот человек, боровшийся с вашим сыном, и кто подал ему диадему?

Мой старый принцип расследования состоит

в том, чтобы исключить все явно невозможные предположения. Тогда то, что остается, является истиной, какой бы неправдоподобной она ни казалась.

Рассуждал я примерно так: естественно, не вы отдали диадему. Значит, оставались только ваша племянница или горничные. Но если в похищении замешаны горничные, то ради чего ваш сын согласился принять вину на себя? Для такого предположения нет оснований. Вы говорили, что Артур любит свою двоюродную сестру. И мне стала понятна причина его молчания: он не хотел выдавать Мэри. Тогда я вспомнил, что вы застали ее у окна и что она упала в обморок, увидав диадему в руках Артура. Мои предположения превратились в уверенность.

Но кто ее сообщник? Разумеется, это мог быть только ее возлюбленный. Лишь под его влиянием она могла так легко забыть, чем обязана вам. Я знал, что вы редко бываете в обществе и круг ваших знакомых ограничен. Но в их числе сэр Джордж Бэрнвелл. Я и прежде слышал о нем как о человеке крайне легкомысленном по отношению к женщинам. Очевидно, это он стоял под окном и только у него должны находиться пропавшие бериллы. Артур узнал его, и все же сэр Джордж

считал себя в безопасности, ибо был уверен, что ваш сын не скажет ни слова, чтобы не скомпрометировать свою собственную семью.

Ну, а теперь элементарная логика подскажет вам, что я предпринял. Переодевшись бродягой, я отправился к сэру Джорджу. Мне удалось познакомиться с его лакеем, который сообщил, что его хозяин накануне где-то расшиб до крови голову. Мне удалось раздобыть у него за шесть шиллингов старые ботинки сэра Джорджа, с которыми я отправился в Стритем и убедился, что ботинки точно соответствуют следам на снегу.

— Вчера вечером я видел какого-то бродягу на тропинке, — сказал мистер Холдер.

— Совершенно верно, это был я. Я понял, что сэр Джордж в моих руках. Нужен был большой такт, чтобы успешно завершить дело и избежать огласки. Этот хитрый негодяй понимал, как связаны у нас руки.

Вернувшись домой, я переоделся и отправился к сэру Джорджу. Вначале он, разумеется, все отрицал, но когда я рассказал в подробностях, что произошло той ночью, он стал угрожать мне и даже схватил висевшую на стене трость. Я знал, с кем имею дело, и мигом приставил револьвер к его виску. Тогда он образумился. Я объявил ему,

что мы согласны выкупить камни по тысяче фунтов за каждый. Тогда-то он впервые обнаружил признаки огорчения.

— Черт побери! Я уже отдал все три камня за шестьсот фунтов! — воскликнул он.

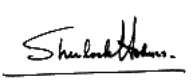
«I clapped a pistol to his head.»

Пообещав сэру Джорджу, что против него не будет возбуждено судебное расследование, я узнал адрес скупщика, поехал туда и после долгого торга выкупил у него камни по тысяче фунтов каждый. Затем я отправился к вашему сыну, объ-

яснил ему, что все в порядке, и к двум часам ночи после тяжкого трудового дня добрался домой.

— Благодаря вам в Англии не разразился огромный скандал, — сказал банкир, поднимаясь с кресла. — Сэр, у меня нет слов, чтобы выразить свою признательность. Но вы убедитесь, что я не забуду того, что вы сделали для меня. Ваше искусство превосходит всякую фантазию. А сейчас я поспешу к моему дорогому мальчику и буду просить у него прощения за то, что так с ним обошелся. Что же касается бедняжки Мэри, то ее поступок глубоко поразил меня. Боюсь, что даже вы с вашим богатым опытом не сможете разыскать ее.

— Можно с уверенностью сказать, — возразил Холмс, — что она сейчас там же, где сэр Джордж Бэрнвелл. Несомненно также и то, что, как бы ни расценивать поступок вашей племянницы, она будет скоро наказана.



«Медные буки»

The Adventure of the Copper Beeches
First published in the Strand Magazine,
June 1892,
with 9 illustrations by Sidney Paget.

— Человек, который любит искусство ради искусства, — заговорил Шерлок Холмс, отбрасывая в сторону страницу с объявлениями из «Дейли телеграф», — самое большое удовольствие зачастую черпает из наименее значительных и ярких его проявлений. Отрадно заметить, что вы, Уотсон, хорошо усвоили эту истину при изложении наших скромных подвигов, которые по доброте своей вы решились увековечить и, вынужден констатировать, порой пытаетесь приукрашивать, уделяете внимание не столько громким делам и сенсационным процессам, в коих я имел честь принимать участие, сколько случаям самим по себе незначительным, но зато предоставляющим большие возможности для дедуктивных методов мышления и логического синтеза, что особенно меня интересует.

Talking up a glowing cinder with the tongs.

— Тем не менее, — улыбнулся я, — не смею утверждать, что в моих записках вовсе отсутствует стремление к сенсационности.

— Возможно, вы и ошибаетесь, — продолжал он, подхватив щипцами тлеющий уголек и раскуривая длинную трубку вишневого дерева, которая заменяла глиняную в те дни, когда он был настроен скорее спорить, нежели размышлять, — возможно, вы и ошибаетесь, стараясь приукрасить и оживить ваши записки вместо того, чтобы ограничиться сухим анализом причин и следствий, который единственно может вызывать интерес в том или ином деле.

— Мне кажется, в своих записках я отдаю вам

должное, — несколько холодно возразил я, ибо меня раздражало самомнение моего друга, которое, как я неоднократно убеждался, было весьма приметной чертой в его своеобразном характере.

— Нет, это не эгоизм и не тщеславие, — сказал он, отвечая по привычке скорее моим мыслям, чем моим словам. — Если я прошу отдать должное моему искусству, то это не имеет никакого отношения ко мне лично, оно — вне меня. Преступление — вещь повседневная. Логика — редкая. Именно на логике, а не преступлении вам и следовало бы сосредоточиться. А у вас курс серьезных лекций превратился в сборник занимательных рассказов.

Было холодное утро начала весны; покончив с завтраком, мы сидели возле ярко пылавшего камина в нашей квартире на Бейкер-стрит. Густой туман повис между рядами сумрачных домов, и лишь окна напротив тусклыми, расплывшимися пятнами маячили в темно-желтой мгле. У нас горел свет, и блики его играли на белой скатерти и на посуде — со стола еще не убирали. Все утро Шерлок Холмс молчал, сосредоточенно просматривая газетные объявления, пока наконец, по-видимому, отказавшись от поисков и пребывая не в лучшем из настроений, не при-

нялся читать мне нравоучения по поводу моих литературных занятий.

— В то же время, — после паузы продолжал он, попыхивая своей длинной трубкой и задумчиво глядя в огонь, — вас вряд ли можно обвинить в стремлении к сенсационности, ибо большинство тех случаев, к которым вы столь любезно проявили интерес, вовсе не представляет собой преступления. Незначительное происшествие с королем Богемии, когда я пытался оказать ему помощь, странный случай с Мэри Сазерлэнд, история человека с рассеченной губой и случай со знатными холостяком — все это не может стать предметом судебного разбирательства. Боюсь, однако, что, избегая сенсационности, вы оказались в плену тривиальности.

— Может, в конце концов так и случилось, — ответил я, — но методы, о которых я рассказываю, своеобразны и не лишены новизны.

— Мой дорогой, какое дело публике, великой, но лишенной наблюдательности публике, едва ли способной по зубам узнать ткача или по большому пальцу левой руки — наборщика, до тончайших оттенков анализа и дедукции? И тем не менее, даже если вы банальны, я вас не виню, ибо дни великих дел сочтены. Человек, или по

крайней мере преступник, утратил предприимчивость и самобытность. Что же касается моей скромной практики, то я, похоже, превращаюсь в агента по розыску утерянных карандашей и наставника молодых леди из пансиона для благородных девиц. Наконец-то я разобрался, на что гожусь. А полученное мною утром письмо означает, что мне пора приступить к новой деятельности. Прочтите его. — И он протянул мне помятый листок.

Письмо было отправлено из Монтегю-плейс накануне вечером.

> «Дорогой мистер Холмс!
>
> Мне очень хочется посоветоваться с вами по поводу предложения занять место гувернантки. Если разрешите, я зайду к вам завтра в половине одиннадцатого.
>
> С уважением Вайолет Хантер».

— Вы знаете эту молодую леди? — спросил я.

— Нет.

— Сейчас половина одиннадцатого.

— Да, а вот, не сомневаюсь, она звонит.

— Это дело может оказаться более интересным, нежели вы предполагаете. Вспомните случай с голубым карбункулом, который сначала вы сочли

просто недоразумением, а потом он потребовал серьезного расследования. Так может получиться и на этот раз.

— Что ж, будем надеяться! Наши сомнения очень скоро рассеются, ибо вот и особа, о которой идет речь.

Дверь отворилась, и в комнату вошла молодая женщина. Она была просто, но аккуратно одета, лицо у нее было смышленое, живое, все в веснушках, как яичко ржанки, а энергичность, которая чувствовалась в ее движениях, свидетельствовала о том, что ей самой приходится пробивать себе дорогу в жизни.

— Ради Бога, извините за беспокойство, — сказала она, когда мой друг поднялся ей навстречу, — но со мной произошло нечто настолько необычное, что я решила просить у вас совета. У меня нет ни родителей, ни родственников, к которым я могла бы обратиться.

— Прошу садиться, мисс Хантер. Буду счастлив помочь вам, чем могу.

Я понял, что речь и манеры клиентки произвели на Холмса благоприятное впечатление. Он испытующе оглядел ее с ног до головы, а затем, прикрыв глаза и сложив вместе кончики пальцев, приготовился слушать.

«Capital!»

— В течение пяти лет я была гувернанткой в семье полковника Спенса Манроу, но два месяца назад полковник получил назначение в Канаду и забрал с собой в Галифакс и детей. Я осталась без работы. Я давала объявления, сама ходила по объявлениям, но все безуспешно. Наконец та небольшая сумма денег, что мне удалось скопить, начала иссякать, и я просто ума не приложу, что делать.

В Вест-Энде есть агентство по найму «Вест-эуэй» — его все знают, — и я взяла за правило заходить туда раз в неделю в поисках чего-либо подходящего. Вестэуэй — фамилия владельца этого агентства, в действительности же все дела

вершит некая мисс Стопер. Она сидит у себя в кабинете, женщины, которые ищут работу, ожидают в приемной; их поочередно вызывают в кабинет, и она заглядывая в свой гроссбух, предлагает им те или иные вакансии.

По обыкновению и меня пригласили в кабинет, когда я зашла туда на прошлой неделе, но на этот раз мисс Стопер была не одна. Рядом с ней сидел толстый, претолстый человек с улыбчивым лицом и большим подбородком, тяжелыми складками спускавшимся на грудь, и сквозь очки внимательно разглядывал просительниц. Стоило лишь мне войти, как он подскочил на месте и обернулся к мисс Стопер.

— Подходит, — воскликнул он. — Лучшего и желать нельзя. Грандиозно! Грандиозно!

Он, по-видимому, был в восторге и от удовольствия потирал руки. На него приятно было смотреть: таким добродушным он казался.

— Ищете место, мисс? — спросил он.

— Да, сэр.

— Гувернантки?

— Да, сэр.

— А сколько вы хотите получать?

— Полковник Спенс Манроу, у которого я служила, платил мне четыре фунта в месяц.

— Вот это да! Самая что ни на есть настоящая эксплуатация! — вскричал он, яростно размахивая пухлыми кулаками. — Разве можно предлагать столь ничтожную сумму леди, наделенной такой внешностью и такими достоинствами?

— Мои достоинства, сэр, могут оказаться менее привлекательными, нежели вы полагаете, — сказала я. — Немного французский, немного немецкий, музыка и рисование…

— Вот это да! — снова вскричал он. — Значит и говорить не о чем. Кратко, в двух словах, вопрос вот в чем: обладаете ли вы манерами настоящей леди? Если нет, то вы нам не подходите, ибо речь идет о воспитании ребенка, который в один прекрасный день может сыграть значительную роль в истории Англии. Если да, то разве имеет джентльмен право предложить вам сумму, выраженную менее, чем трехзначной цифрой? У меня, сударыня, вы будете получать для начала сто фунтов в год.

Вы, конечно, представляете, мистер Холмс, что подобное предложение показалось мне просто невероятным — я ведь осталась совсем без средств. Однако джентльмен, прочитав недоверие на моем лице, вынул бумажник и достал оттуда деньги.

— В моих обычаях также ссужать юным леди половину жалованья вперед, — сказал он, улыбаясь на самый приятный манер, так что глаза его превратились в две сияющие щелочки среди белых складок лица, — дабы они могли оплатить мелкие расходы во время путешествия и приобрести нужный гардероб.

«Никогда еще я не встречала более очаровательного и внимательного человека», — подумалось мне. Ведь у меня уже появились кое-какие долги, аванс был очень кстати, и все-таки было что-то странное в этом деле, и, прежде чем дать согласие, я попыталась разузнать об этом человеке побольше.

— А где вы живете, сэр? — спросила я.

— В Хемпшире. Чудная сельская местность. «Медные буки», в пяти милях от Уинчестера. Место прекрасное, моя дорогая юная леди, и дом восхитительный — старинный загородный дом.

— А мои обязанности, сэр? Хотелось бы знать, в чем они состоят.

— Один ребенок, очаровательный маленький проказник, ему только что исполнилось шесть лет. Если бы вы видели, как он бьет комнатной туфлей тараканов! Шлеп! Шлеп! Шлеп! Не успеешь и глазом моргнуть, а трех как не бывало.

Расхохотавшись, он откинулся на спинку стула, и глаза его снова превратились в щелочки.

Меня несколько удивил характер детских забав, но отец смеялся — я решила, что он шутит.

— Значит, мои обязанности — присматривать за ребенком? — спросила я.

— Нет-нет, не только присматривать, не только, моя дорогая юная леди! — вскричал он. — Вам придется также — я уверен, вы и протестовать не будете, — выполнять кое-какие поручения моей жены при условии, разумеется, если эти поручения не будут унижать вашего достоинства. Немного, не правда ли?

— Буду рада оказаться вам полезной.

— Вот именно. Ну, например, речь пойдет о платье. Мы, знаете ли, люди чудаковатые, но сердце у нас доброе. Если мы попросим вас надеть платье, которое мы дадим, вы ведь не будете возражать против нашей маленькой прихоти, а?

— Нет, — ответила я в крайнем удивлении.

— Или сесть там, где нам захочется? Это ведь не покажется вам обидным?

— Да нет…

— Или остричь волосы перед приездом к нам?

Я едва поверила своим ушам. Вы видите, мистер Холмс, у меня густые волосы с особым каштано-

вым отливом. Их считают красивыми. Зачем мне ни с того ни с сего жертвовать ими?

— Нет, это невозможно, — ответила я.

Он жадно глядел на меня своими глазками, и я заметила, что лицо у него помрачнело.

— Но это — обязательное условие, — сказал он. — Маленькая прихоть моей жены, а дамским капризам, как вам известно, сударыня, следует потакать. Значит, вам не угодно остричь волосы?

— Нет, сэр, не могу, — твердо ответила я.

— Что ж… Значит вопрос решен. Жаль, жаль, во всех остальных отношениях вы нам вполне подходите. Мисс Стопер, в таком случае мне придется познакомиться с другими юными леди.

Заведующая агентством все это время сидела, просматривая свои бумаги и не проронив ни слова, но теперь она глянула на меня с таким раздражением, что я поняла: из-за меня она потеряла немалое комиссионное вознаграждение.

— Вы хотите остаться в наши списках? — спросила она.

— Если можно, мисс Стопер.

— Мне это представляется бесполезным, поскольку вы отказались от очень интересного предложения, — резко заметила она. — Не будем

же мы из кожи лезть вон, чтобы подобрать для вас такое место. Всего хорошего, мисс Хантер.

Она позвонила в колокольчик, и мальчик проводил меня обратно в приемную.

Вернувшись домой — в буфете у меня было пусто, а на столе — лишь новые счета, — я спросила себя, не поступила ли я неосмотрительно. Что из того, что у этих людей есть какие-то причуды и они хотят, чтобы исполнялись самые неожиданные их капризы? Они ведь готовы платить за это. Много ли в Англии гувернанток, получающих сотню в год? Кроме того, какой прок от моих волос? Некоторым даже идет короткая стрижка, может, пойдет и мне? На следующий день я подумала, что совершила ошибку, а еще через день перестала в этом сомневаться. Я уже собиралась, подавив чувство гордости, пойти снова в агентство, чтобы узнать, не занято ли еще это место, как вдруг получаю письмо от этого самого джентльмена. Вот оно, мистер Холмс, я прочту его.

«Медные буки», близ Винчестера.

Дорогая мисс Хантер!

Мисс Стопер любезно согласилась дать мне ваш адрес, и я пишу вам из дома,

желая осведомиться, не переменили ли вы свое решение. Моя жена очень хочет, чтобы вы приехали к нам, — я описал ей вас, и вы ей страшно понравились. Мы готовы платить вам десять фунтов в месяц, то есть сто двадцать в год в качестве компенсации за те неудобства, которые могут причинить наши требования. Да они не так уж и суровы. Моя жена очень любит цвет электрик, и ей хотелось бы, чтобы вы надевали платье такого цвета по утрам. Вам совершенно незачем тратиться на подобную вещь, поскольку у нас есть платье моей дорогой дочери Алисы (ныне пребывающей в Филадельфии), думаю, оно будет вам впору. Полагаю, что и просьбу занять определенное место в комнате или выполнить какое-либо иное поручение вы не сочтете чересчур обременительной. Что же касается ваших волос, то их действительно очень жаль: даже во время нашей краткой беседы я успел заметить, как они хороши, но тем не менее я вынужден настаивать на этом условии. Надеюсь, что прибавка к жалованью вознаградит вас за эту жертву.

Обязанности в отношении ребенка весьма несложны. Пожалуйста, приезжайте, я встречу вас в Винчестере. Сообщите каким поездом вы прибудете.

Искренне ваш Джефро Рукасл».

Вот какое письмо я получила, мистер Холмс, и твердо решила принять предложение. Однако, прежде чем сделать окончательный шаг, мне хотелось бы услышать ваше мнение.

— Что ж, мисс Хантер, коли вы решились, значит, дело сделано, — улыбнулся Холмс.

— А вы не советуете?

— Признаюсь, место это не из тех, что я пожелал бы для своей сестры.

— А что все-таки под этим кроется, мистер Холмс?

— Не знаю. Может, у вас есть какие-либо соображения?

— Я думаю, что мистер Рукасл — добрый, мягкосердечный человек. А его жена, наверное, немного сумасшедшая. Вот он и старается держать это в тайне, опасаясь, как бы ее не забрали в дом для умалишенных, и потворствует ее причудам, чтобы с ней не случился припадок.

— Может быть, может быть. На сегодняшний

день это самое вероятное предположение. Тем не менее место это вовсе не для молодой леди.

— Но деньги, мистер Холмс, деньги!

— Да, конечно, жалованье хорошее, даже слишком хорошее. Вот это меня и тревожит. Почему они дают сто двадцать фунтов, когда легко найти человека и за сорок? Значит, есть какая-то веская причина.

— Вот я и подумала, что, если расскажу вам все обстоятельства дела, вы позволите мне в случае необходимости обратиться к вам за помощью. Я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что у меня есть заступник.

— Можете вполне на меня рассчитывать. Уверяю вас, ваша маленькая проблема обещает оказаться наиболее интересной за последние месяцы. В деталях определенно есть нечто оригинальное. Если у вас появятся какие-либо подозрения или возникнет опасность…

— Опасность? Какая опасность?

— Если бы опасность можно было предвидеть, то ее не нужно было бы страшиться, — с самым серьезным видом пояснил Холмс.

— Во всяком случае, в любое время дня и ночи шлите телеграмму, и я приду вам на помощь.

— Тогда все в порядке. — Выражение оза-

боченности исчезло с ее лица, она проворно поднялась. — Сейчас же напишу мистеру Рукаслу, вечером остригу мои бедные волосы и завтра отправлюсь в Винчестер.

Скупо поблагодарив Холмса и попрощавшись, она поспешно ушла.

Holmes shook his head gravely.

— Во всяком случае, — сказал я, прислушиваясь к ее быстрым, твердым шагам на лестнице, — она производит впечатление человека, умеющего за себя постоять.

— Ей придется это сделать, — мрачно заметил Холмс. — Не сомневаюсь, через несколько дней

мы получим от нее известие.

Предсказание моего друга, как всегда, сбылось. Прошла неделя, в течение которой я неоднократно возвращался мыслями к нашей посетительнице, задумываясь над тем, в какие дебри человеческих отношений может завести жизнь эту одинокую женщину. Большое жалованье, странные условия, легкие обязанности — во всем этом было что-то неестественное, хотя я абсолютно был не в состоянии решить, причуда это или какой-то замысел, филантроп этот человек или негодяй. Что касается Холмса, то он подолгу сидел, нахмурив лоб и рассеянно глядя вдаль, но когда я принимался его расспрашивать, он лишь махал в ответ рукой.

— Ничего не знаю, ничего! — раздраженно восклицал он. — Когда под рукой нет глины, из чего лепить кирпичи?

Телеграмма, которую мы получили, прибыла поздно вечером, когда я уже собирался лечь спать, а Холмс приступил к опытам, за которыми частенько проводил ночи напролет. Когда я уходил к себе, он стоял, наклонившись над ретортой и пробирками; утром, спустившись к завтраку, я застал его в том же положении. Он открыл желтый конверт и, пробежав взглядом листок,

передал его мне.

— Посмотрите расписание поездов, — сказал он и повернулся к своим колбам.

Текст телеграммы был кратким и настойчивым:

> «Прошу быть гостинице „Черный лебедь“ Винчестере завтра полдень. Приезжайте! Не знаю, что делать. Хантер».

— Поедете со мной? — спросил Холмс, на секунду отрываясь от своих колб.

— С удовольствием.

— Тогда посмотрите расписание.

— Есть поезд в половине десятого, — сказал я, изучая справочник. — Он прибывает в Винчестер в одиннадцать тридцать.

— Прекрасно. Тогда, пожалуй, я отложу анализ ацетона, завтра утром нам может понадобиться максимум энергии.

В одиннадцать утра на следующий день мы уже были на пути к древней столице Англии. Холмс всю дорогу не отрывался от газет, но после того как мы переехали границу Хампшира, он отбросил их принялся смотреть в окно. Стоял прекрасный весенний день, бледно-голубое небо было испещрено маленькими кудрявыми

облаками, которые плыли с запада на восток. Солнце светило ярко, и в воздухе царило веселье и бодрость. На протяжении всего пути, вплоть до холмов Олдершота, среди яркой весенней листвы проглядывали красные и серые крыши ферм.

— До чего приятно на них смотреть! — воскликнул я с энтузиазмом человека, вырвавшегося из туманов Бейкер-стрит.

Но Холмс мрачно покачал головой.

— Знаете, Уотсон, — сказал он, — беда такого мышления, как у меня, в том, что я воспринимаю окружающее очень субъективно. Вот вы смотрите на эти рассеянные вдоль дороги дома и восхищаетесь их красотой. А я, когда вижу их, думаю только о том, как они уединенны и как безнаказанно здесь можно совершить преступление.

— О Господи! — воскликнул я. — Кому бы в голову пришло связывать эти милые сердцу старые домики с преступлением?

— Они внушают мне страх. Я уверен, Уотсон, — и уверенность эта проистекает из опыта, — что в самых отвратительных трущобах Лондона не свершается столько страшных грехов, сколько в этой восхитительной и веселой сельской местности.

— Вас прямо страшно слушать.

— И причина этому совершенно очевидна. То, чего не в состоянии совершить закон, в городе делает общественное мнение. В самой жалкой трущобе крик ребенка, которого бьют, или драка, которую затеял пьяница, тотчас же вызовет участие или гнев соседей, и правосудие близко, так что единое слово жалобы приводит его механизм в движение. Значит, от преступления до скамьи подсудимых — всего один шаг, А теперь взгляните на эти уединенные дома — каждый из них отстоит от соседнего на добрую милю, они населены в большинстве своем невежественным бедняками, которые мало что смыслят в законодательстве. Представьте, какие дьявольски жестокие помыслы и безнравственность тайком процветают здесь из года в год. Если бы эта дама, что обратилась к нам за помощью, поселилась в Винчестере, я не боялся бы за нее. Расстояние в пять миль от города — вот где опасность! И все-таки ясно, что опасность угрожает не ей лично.

— Понятно. Если она может приехать в Винчестер встретить нас, значит, она в состоянии вообще уехать.

— Совершенно справедливо. Ее свобода передвижения не ограничена.

— В чем же тогда дело? Вы нашли какое-нибудь объяснение?

— Я придумал семь разных версий, и каждая из них опирается на известные нам факты. Но какая из них правильная, покажут новые сведения, которые, не сомневаюсь, нас ждут. А вот и купол собора, скоро мы узнаем, что же хочет сообщить нам мисс Хантер.

«Черный лебедь» оказался уважаемой в городе гостиницей на Хайд-стрит, совсем близко от станции, там мы и нашли молодую женщину. Она сидела в гостиной, на столе нас ждал завтрак.

— Я рада, что вы приехали, — серьезно сказала она. — Большое спасибо. Я в самом деле не знаю, что делать. Мне страшно нужен ваш совет.

— Расскажите же, что случилось.

— Сейчас расскажу, я должна спешить, потому что обещала мистеру Рукаслу вернуться к трем. Он разрешил мне съездить в город нынче утром, хотя ему, конечно, неведомо зачем.

— Изложите все по порядку. — Холмс вытянул свои длинные ноги в сторону камина и приготовился слушать.

«I am so delighted that you have come.»

Прежде всего должна сказать, что, в общем, мистер и миссис Рукасл встретили меня довольно приветливо. Ради справедливости об этом следует упомянуть. Но понять их я не могу, и это не дает мне покоя.

— Что именно?

— Их поведение. Однако все по порядку. Когда я приехала, мистер Рукасл встретил меня на станции и повез в своем экипаже в «Медные буки». Поместье, как он и говорил, чудесно расположено, но вовсе не отличается красотой: большой квадратный дом, побеленный известкой, весь в

пятнах и подтеках от дождя и сырости. С трех сторон его окружает лес, а с фасада — луг, который опускается к дороге на Саутгемптон, что проходит примерно ярдах в ста от парадного крыльца. Участок перед домом принадлежит мистеру Рукаслу, а леса вокруг — собственность лорда Саутертона. Прямо перед домом растет несколько медных буков, отсюда и название усадьбы.

Мой хозяин, сама любезность, встретил меня на станции и в тот же вечер познакомил со своей женой и сыном. Наша с вами догадка, мистер Холмс, оказалась неверной: миссис Рукасл не сумасшедшая. Молчаливая бледная женщина, она намного моложе своего мужа, на вид ей не больше тридцати, в то время как ему дашь все сорок пять. Из разговоров я поняла, что они женаты лет семь, что он остался вдовцом и что от первой жены у него одна дочь — та самая, которая в Филадельфии. Мистер Рукасл по секрету сообщил мне, что уехала она из-за того, что испытывала какую-то непонятную антипатию к мачехе. Поскольку дочери никак не менее двадцати лет, то я вполне представляю, как неловко она чувствовала себя рядом с молодой женой отца.

Миссис Рукасл показалась мне внутренне столь же бесцветным существом, сколь и внешне.

Она не произвела на меня никакого впечатления. Пустое место. И сразу заметна ее страстная преданность мужу и сыну. Светло-серые глаза постоянно блуждают от одного к другому, подмечая их малейшее желание и по возможности предупреждая его. Мистер Рукасл тоже в присущей ему грубовато-добродушной манере неплохо к ней относится, и в целом они производят впечатление благополучной пары. Но у женщины есть какая-то тайна. Она часто погружается в глубокую задумчивость, и лицо ее становится печальным. Не раз я заставала ее в слезах. Порой мне кажется, что причиной этому — ребенок, ибо мне еще ни разу не доводилось видеть такое испорченное и злобное маленькое существо. Для своего возраста он мал, зато у него несоразмерно большая голова. Он то подвержен припадкам дикой ярости, то пребывает в состоянии мрачной угрюмости. Причинять боль любому слабому созданию — вот единственное его развлечение, и он выказывает недюжинный талант в ловле мышей, птиц и насекомых. Но о нем незачем распространяться, мистер Холмс, он не имеет отношения к нашей истории.

— Мне нужны все подробности, — сказал Холмс, — представляются они вам относящимися

к делу или нет.

— Постараюсь ничего не пропустить. Что мне сразу не понравилось в этом доме, так это внешность и поведение слуг. Их всего двое, муж и жена. Толлер, так зовут слугу, — грубый, неотесанный человек с серой гривой и седыми бакенбардами, от него постоянно несет спиртным. Я дважды видела его совершенно пьяным, но мистер Рукасл, по-моему, не обращает на это внимания. Жена Толлера — высокая сильная женщина с сердитым лицом, она так же молчалива, как миссис Рукасл, но гораздо менее любезна. Удивительно неприятная пара! К счастью, большую часть времени я провожу в детской и в моей собственной комнате, они расположены рядом.

В первые дни после моего приезда в «Медные буки» все шло спокойно. На третий день сразу после завтрака миссис Рукасл что-то шепнула своему мужу.

— Мы очень обязаны вам, мисс Хантер, — поворачиваясь ко мне, сказал он, — за снисходительность к нашим капризам, вы ведь даже остригли волосы. Право же, это ничуть не испортило вашу внешность. А теперь посмотрим, как вам идет цвет электрик. У себя на кровати вы найдете платье, и мы будем очень благодарны, если вы

согласитесь его надеть.

Платье, которое лежало у меня в комнате, весьма своеобразного оттенка синего цвета, сшито было из хорошей шерсти, но, сразу заметно, уже ношенное. Сидело оно безукоризненно, как будто его шили специально для меня. Когда я вошла, мистер и миссис Рукасл выразили восхищение, но мне их восторг показался несколько наигранным. Мы находились в гостиной, которая тянется по всему фасаду дома, с тремя огромными окнами, доходящими до самого пола. Возле среднего окна спинкой к нему стоял стул. Меня усадили на этот стул, а мистер Рукасл принялся ходить взад и вперед по комнате и рассказывать смешные истории. Вы представить себе не можете, как комично он рассказывал, и я хохотала до изнеможения. Миссис Рукасл чувство юмора, очевидно, чуждо, она сидела, сложив на коленях руки, с грустным и озабоченным выражением на лице, так ни разу и не улыбнувшись. Примерно через час мистер Рукасл вдруг объявил, что пора приступать к повседневным обязанностям и что я могу переодеться и пойти в детскую к маленькому Эдуарду.

Два дня спустя при совершенно таких же обстоятельствах вся эта сцена повторилась. Снова я

должна была переодеться, сесть у окна и хохотать над теми забавными историями, неисчислимым запасом которых обладал мой хозяин. И рассказчиком он был неподражаемым. Затем он дал мне какой-то роман в желтой обложке и, подвинув мой стул так, чтобы моя тень не падала на страницу, попросил почитать ему вслух. Я читала минут десять, начав где-то в середине главы, а потом он вдруг перебил меня, не дав закончить фразы, и велел пойти переодеться.

«I read for about ten minutes.»

Вы, конечно, понимаете, мистер Холмс, как меня удивил этот спектакль. Я заметила, что они настойчиво усаживали меня, чтобы я оказалась спиной к окну, поэтому я решила во что бы то ни стало узнать, что происходит на улице. Сначала это не представлялось возможным, но потом мне пришла в голову счастливая мысль: у меня был осколок ручного зеркальца, и я спрятала его в носовой платок. В следующий раз, в самый разгар веселья, я приложила носовой платок к глазам и, чуть-чуть приспособившись, сумела рассмотреть все, что находилось позади. Признаться, я была разочарована. Там не было ничего.

По крайней мере так было на первый взгляд. Но, присмотревшись, я заметила на Саутгемптонской дороге невысокого бородатого человека в сером костюме. Он смотрел в нашу сторону. Дорога эта очень оживленная, на ней всегда полно народу. Но этот человек стоял, опершись на ограду, и пристально вглядывался в дом. Я опустила платок и увидела, что миссис Рукасл испытующе смотрит на меня. Она ничего не сказала, но, я уверена, поняла, что у меня зеркало и я видела, кто стоит перед домом. Она тотчас же поднялась.

— Джефри, — сказал она, — на дороге стоит

какой-то мужчина и самым непозволительным образом разглядывает мисс Хантер.

— Может быть, ваш знакомый, мисс Хантер? — спросил он.

— Нет. Я никого здесь не знаю.

— Подумайте, какая наглость! Пожалуйста, повернитесь и помашите ему, чтобы он ушел.

— А не лучше ли просто не обращать внимания?

— Нет, нет, не то он все время будет здесь слоняться. Пожалуйста, повернитесь и помашите ему.

Я сделала, как меня просили, и в ту же секунду миссис Рукасл опустила занавеску. Это произошло неделю назад, с тех пор я не сидела у окна, не надевала синего платья и человека на дороге тоже не видела.

— Прошу вас, продолжайте, — сказал Холмс. — Все это очень интересно.

— Боюсь, мой рассказ довольно бессвязен. Не знаю, много ли общего между всеми этими событиями. Так вот, в первый же день моего приезда в «Медные буки» мистер Рукасл подвел меня к маленькому флигелю позади дома. Когда мы приблизились, я услышала звяканье цепи: внутри находилось какое-то большое животное.

— Загляните-ка сюда, — сказал мистер Рукасл, указывая на щель между досками. — Ну, разве это не красавец?

Я заглянула и увидела два горящих во тьме глаза и смутное очертание какого-то животного. Я вздрогнула.

— Не бойтесь, — засмеялся мой хозяин. — Это мой дог Карло. Я называю его моим, но в действительности только старик Толлер осмеливается подойти к нему, чтобы опустить с цепи на ночь, и да поможет Бог тому, в кого он вонзит свои клыки. Ни под каким видом не переступайте порога дома ночью, ибо тогда вам суждено распроститься с жизнью.

Предупредил он меня не зря. На третью ночь я случайно выглянула из окна спальни примерно часа в два. Стояла прекрасная лунная ночь, и лужайка перед домом вся сверкала серебром. Я стояла, захваченная мирной красотой пейзажа, как вдруг заметила, что в тени буков кто-то движется. Таинственное существо вышло на лужайку, и я увидела огромного, величиной с теленка, дога рыжевато-коричневой масти, с отвислым подгрудком, черной мордой и могучими мослами. Он медленно пересек лужайку и исчез в темноте на противоположной стороне. При

виде этого страшного немого стража сердце у меня замерло так, как никогда не случалось при появлении грабителя.

А вот еще одно происшествие, о котором мне тоже хочется вам рассказать. Вы знаете, что я остригла волосы еще до отъезда из Лондона и отрезанную косу спрятала на дно чемодана. Однажды вечером, уложив мальчика спать, я принялась раскладывать свои вещи. В комнате стоит старый комод, два верхних ящика его открыты, и там ничего не было, но нижний заперт. Я положила свое белье в верхние ящики, места не хватило, и я, естественно, была недовольна тем, что нижний ящик заперт. Я решила, что его заперли по недоразумению, поэтому, достав ключи, я попыталась его открыть. Подошел первый же ключ, ящик открылся. Там лежала только одна вещь. И как вы думаете, что именно? Моя коса!

Я взяла ее и как следует рассмотрела. Такой же особый цвет, как у меня, такие же густые волосы. Но затем я сообразила, что это не мои волосы. Как они могли очутиться в запертом ящике комода? Дрожащими руками я раскрыла свой чемодан, выбросила из него вещи и на дне его увидела свою косу. Я положила две косы рядом, уверяю вас, они были совершенно одинаковыми. Ну, разве это не

удивительно? Я была в полнейшем недоумении. Я положила чужую косу обратно в ящик и ничего не сказала об этом Рукаслам: я поступила дурно, чувствовала я, открыв запертый ящик.

«I took it up and examined it.»

Вы, мистер Холмс, наверное, заметили, что я наблюдательна, поэтому мне не составило труда освоиться с расположением комнат и коридоров в доме. Одно крыло его, по-видимому, было нежилым. Дверь, которая вела туда, находилась напротив комнат Толлеров, но была заперта.

Однажды, поднимаясь по лестнице, я увидела, как оттуда с ключами в руках выходил мистер Рукасл. Лицо его в этот момент было совсем не таким, как всегда. Щеки его горели, лоб морщинился от гнева, а на висках набухли вены. Не взглянув на меня и не сказав ни слова, он запер дверь и поспешил вниз.

Это событие пробудило мое любопытство. Отправившись на прогулку с ребенком, я пошла туда, откуда хорошо видны окна той части дома. Окон было четыре, все они выходили на одну сторону, три просто грязные, а четвертое еще и загорожено ставнями. Там, по-видимому, никто не жил. Пока я ходила взад и вперед по саду, ко мне вышел снова веселый и жизнерадостный мистер Рукасл.

— Не сочтите за грубость, моя дорогая юная леди, — обратился ко мне он, — что я прошел мимо вас, не сказав ни слова привета. Я был очень озабочен своими делами.

Я уверила его, что ничуть не обиделась.

— Между прочим, — сказала я, — у вас наверху, по-видимому, никто не живет, потому что одно окно даже загорожено ставнями.

— Я увлекаюсь фотографией, — ответил он, — и устроил там темную комнату. Но до чего вы на-

блюдательны, моя дорогая юная леди! Кто бы мог подумать!

Так вот, мистер Холмс, как только я поняла, что от меня что-то скрывают, я загорелась желанием проникнуть в эти комнаты. Это было не просто любопытство, хоть и оно мне не чуждо. Это было чувство долга и уверенности, что если я туда проникну, я совершу добрый поступок. Говорят, что у женщин есть какое-то особое чутье. Быть может, именно оно поддерживало эту уверенность. Во всяком случае, я настойчиво искала возможность проникнуть за запретную дверь.

Возможность эта представилась только вчера. Должна сказать вам, что кроме мистера Рукасла в пустые комнаты зачем-то входили Толлер и его жена, а один раз я даже видела, как Толлер вынес оттуда большой черный мешок. Последние дни он много пьет и вчера вечером был совсем пьян. Поднявшись наверх, я заметила, что ключ от двери торчит в замке. Мистер и миссис Рукасл находились внизу, ребенок был с ними, поэтому я решила воспользоваться предоставившейся мне возможностью. Тихо повернув ключ, я отворила дверь и проскользнула внутрь.

Передо мной был небольшой коридор с голыми стенами и пол, не застланный ковром. В конце

коридор сворачивал налево. За углом шли подряд три двери, первая и третья отворены и вели в пустые комнаты, запыленные и мрачные. В первой комнате было два окна, а во второй — одно, такое грязное, что сквозь него еле-еле проникал вечерний свет. Средняя дверь была закрыта и заложена снаружи широкой перекладиной от железной кровати; один конец перекладины был продет во вделанное в стену кольцо, а другой привязан толстой веревкой. Ключа в двери не оказалось. Эта забаррикадированная дверь вполне соответствовала закрытому ставнями окну, но по свету, что пробивался из-под нее, я поняла, что в комнате не совсем темно. По-видимому, свет проникал туда из люка, ведущего на чердак. Я стояла в коридоре, глядя на страшную дверь и раздумывая, что может таиться за нею, как вдруг услышала внутри шаги и увидела, как на узкую полоску тусклого света, проникающего из-под двери, то надвигалась какая-то тень, то удалялась от нее. Безумный страх охватил меня, мистер Холмс. Напряженные нервы не выдержали, я повернулась и бросилась бежать — так, будто сзади меня хватала какая-то страшная рука. Я промчалась по коридору, выбежала на площадку и очутилась прямо в объятиях мистера Рукасла.

— Значит, — улыбаясь, сказал он, — это были вы. Я так и подумал, когда увидел, что дверь открыта.

— Ох, как я перепугалась! — пролепетала я.

— Моя дорогая юная леди! Что же так напугало вас, моя дорогая юная леди?

Вы и представить себе не можете, как ласково и успокаювающе он это говорил.

Но голос его был чересчур добрым. Он переигрывал. Я снова была начеку.

— По глупости я забрела в нежилое крыло, — объяснила я. — Но там так пусто и такой мрак, что я испугалась и убежала. Ох, как там страшно!

— И это все? — спросил он, зорко вглядываясь в меня.

— Что же еще? — воскликнула я.

— Как вы думаете, почему я запер эту дверь?

— Откуда же мне знать?

— Чтобы посторонние не совали туда свой нос. Понятно?

Он продолжал улыбаться самой любезной улыбкой.

— Уверяю вас, если бы я знала…

— Что ж, теперь знайте. И если вы хоть раз снова переступите этот порог… — при этих словах улыбка его превратилась в гневную гримасу,

словно дьявол глянул на меня своим свирепым оком, — я отдам вас на растерзание моему мастифу.

«Oh, I am so frightened!» I panted.

Я была так напугана, что не помню, как поступила в ту минуту. Наверное, я метнулась мимо него в свою комнату. Очнулась я, дрожа всем телом, уже у себя на постели. И тогда я подумала про вас, мистер Холмс. Я больше не могла там

находиться, мне нужно было посоветоваться с вами. Этот дом, этот человек, его жена, его слуги, даже ребенок — все внушало мне страх. Если бы только вызвать вас сюда, тогда все было бы в порядке. Конечно, я могла бы бежать оттуда, но меня терзало любопытство, не менее сильное, чем страх. И я решила послать вам телеграмму. Я надела пальто и шляпу, сходила на почту, что в полу-миле от нас, и затем, испытывая некоторое облегчение, пошла назад. У самого дома мне пришла в голову мысль, не спустили ли они собаку, но тут же я вспомнила, что Толлер напился до бесчувствия, а без него никто не сумеет спустить с цепи эту злобную тварь. Я благополучно проскользнула внутрь и полночи не спала, радуясь, что увижу вас. Сегодня утром я без труда получила разрешение съездить в Винчестер. Правда, мне нужно вернуться к трем часам, так как мистер и миссис Рукасл едут к кому-то в гости, поэтому я весь вечер должна быть с ребенком. Теперь вам известны, мистер Холмс, все мои приключения, и я была бы очень рада, если бы вы объяснили мне, что все это значит, и прежде всего научили, как я должна поступить.

Холмс и я, затаив дыхание, слушали этот удивительный рассказ. Мой друг встал и, засунув руки

в карманы, принялся ходить взад и вперед по комнате. Лицо его было чрезвычайно серьезным.

— Толлер все еще пьян? — спросил он.

— Да. Его жена утром говорила миссис Рукасл, что ничего не может с ним сделать.

— Хорошо. Так вы говорите, что Рукаслов нынче весь вечер не будет дома?

— Да.

— В доме есть какой-нибудь погреб, который закрывается на хороший, крепкий замок?

— Да, винный погреб.

— Мисс Хантер, вы вели себя очень отважно и разумно. Сумеете ли вы совершить еще один смелый поступок? Я бы не обратился с подобной просьбой, если бы не считал вас женщиной незаурядной.

— Попробую. А что я должна сделать?

— Мы, мой друг и я, приедем в «Медные буки» в семь часов. К этому времени Рукаслы уедут, а Толлер, надеюсь не проспится. Остается мисс Толлер. Если вы сумеете под каким-нибудь предлогом послать ее в погреб, а потом запереть там, вы облегчите нашу задачу.

— Я это сделаю.

— Прекрасно! Тогда нам удастся поподробнее расследовать эту историю, у которой только одно

объяснение. Вас пригласили туда сыграть роль некоей молодой особы, которую они заточили в комнате наверху. Тут нет никаких сомнений. Кто она? Я уверен, что дочь мистера Рукасла, Алиса, которая, если я не запамятовал, уехала в Америку. Выбор пал на вас, вы похожи на нее ростом, фигурой и цветом волос. Во время болезни ей, наверное, остригли волосы, поэтому пришлось принести в жертву и ваши. Вы случайно нашли ее косу. Человек на дороге — это ее друг или жених, а так как вы похожи на нее — на вас было ее платье, — то видя, что вы смеетесь и даже машете, чтобы он ушел, он решил, что мисс Рукасл счастлива и более в нем не нуждается. Собаку спускали по ночам для того, чтобы помешать его попыткам увидеться с Алисой. Все это совершенно ясно. Самое существенное в этом деле — это ребенок.

— Он-то какое отношение имеет ко всей этой истории? — воскликнул я.

— Мой дорогой Уотсон, вы врач и должны знать, что поступки ребенка можно понять, изучив нрав его родителей. И наоборот. Я часто определял характер родителей, изучив нрав их детей. Этот ребенок аномален в своей жестокости, он наслаждается ею, и унаследовал ли он

ее от своего улыбчивого отца или от матери, эта черта одинаково опасна для той девушки, что находится в их власти.

— Вы совершенно правы, мистер Холмс! — вскричала наша клиентка. — Мне приходят на память тысячи мелочей, которые свидетельствуют о том, как вы правы. О, давайте не будем терять ни минуты, поможем этой бедняжке.

— Надо быть осторожными, потому что мы имеем дело с очень хитрым человеком. До вечера мы ничего не можем предпринять. В семь мы будем у вас и сумеем разгадать эту тайну.

Мы сдержали слово и ровно в семь, оставив нашу двуколку у придорожного трактира, явились в «Медные буки». Даже если бы мисс Хантер с улыбкой на лице и не ждала нас на пороге, мы все равно узнали бы дом, увидев деревья с темными листьями, сверкающими, как начищенная медь, в лучах заходящего солнца.

— Удалось? — только и спросил Холмс.

Откуда-то снизу доносился глухой стук.

— Это миссис Толлер в погребе, — объяснила мисс Хантер.

— А ее муж храпит в кухне на полу. Вот ключи, кажется такие же, как у мистера Рукасла.

— Умница! — восхищенно вскричал Холмс. — А

теперь ведите нас, через несколько минут преступление будет раскрыто.

Мы поднялись по лестнице, отперли дверь, прошли по коридору и очутились перед дверью, о которой рассказывала нам мисс Хантер. Холмс перерезал веревку и снял перекладину. Затем он хотел отпереть дверь, но ни один ключ не подходил к замку. Изнутри не доносилось ни звука, и Холмс нахмурился.

— Надеюсь, мы не опоздали, — сказал он. — Мне кажется, мисс Хантер, нам лучше войти туда без вас. Ну-ка, Уотсон, нажмите на дверь плечем, не удастся ли нам открыть ее силой.

Старая, обшарпанная дверь тотчас же уступила нашим объединенным усилиям, и мы ворвались в комнату. Она была пуста. В ней не было ничего, кроме маленькой жесткой постели, стола и корзины с бельем. Люк на чердак был распахнут, пленница бежала.

— Здесь что-то произошло, — сказал Холмс. — Этот красавчик, очевидно, догадался о намерениях мисс Хантер и уволок свою жертву.

— Но каким образом?

— Через люк. Сейчас посмотрим, как он это сделал. — Он влез на стол. — Правильно, вот и обрывок веревочной лестницы, привязанной к

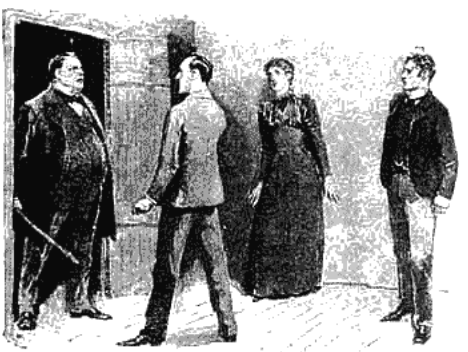
карнизу. Вот как он это сделал.

— Но это невозможно, — возразила мисс Хантер. — Когда Рукаслы уезжали, никакой лестницы не было.

— Он вернулся и проделал все, что надо. Говорю вам, это умный и опасный человек. Я не удивлюсь, если услышу на лестнице его шаги. Уотсон, вам лучше приготовить свой пистолет.

Едва он произнес эти слова, как на пороге появился очень полный, крупный мужчина с толстой палкой в руках. Мисс Хантер вскрикнула и прижалась к стене, но Шерлок Холмс решительно встал между ними.

— Негодяй! — сказал он. — Куда вы дели свою дочь?



«You villain!» said he, «where's your daughter!»

Толстяк обежал глазами комнату и затем бросил взгляд на люк.

— Это я у вас должен спросить! — закричал он. — Воры! Шпионы и воры! Я поймал вас! Вы в моей власти! Я вам покажу! — Он повернулся и бросился вниз по лестнице.

— Он пошел за собакой! — воскликнула мисс Хантер.

— У меня есть пистолет, — сказал я.

— Надо закрыть парадную дверь, — распорядился Холмс, и мы втроем побежали вниз.

Едва мы спустились, как раздался собачий лай, а затем ужасных вопль, сопровождаемый жутким рычанием. Из соседней двери, спотыкаясь, выскочил пожилой мужчина с красным лицом и дрожащими руками.

— Боже мой! — вскричал он. — Кто-то спустил собаку. Ее не кормили целых два дня. Быстрее, не то будет поздно!

Мы с Холмсом выбежали из дома и вслед за Толлером завернули за угол. Огромный зверь с черной мордой терзал за горло Рукасла, а тот корчился на земле и кричал. Подбежав к собаке, я выстрелив; она упала, но белые ее клыки так и остались в жирных складках шеи. С большим

трудом мы оторвали собаку от Рукасла и понесли его, еще живого, но жестоко искалеченного, в дом. Мы положили его на диван в гостиной, послали протрезвевшего Толлера за его женой, а я попытался по мере сил и возможностей облегчить положение раненого. Мы все стояли вокруг него, когда дверь отворилась и в комнату вошла высокая худая женщина.

Running up, I blew its brains out.

— Миссис Толлер! — воскликнула мисс Хантер.

— Да, мисс, это я. Мистер Рукасл отпер погреб, когда вернулся, а потом уж пошел наверх к вам. Как жаль, мисс, что вы не рассказали мне о своих намерениях. Я бы убедила вас, что вы стараетесь напрасно.

— Так! — воскликнул Холмс, пристально глядя на нее. — Значит, мисс Толлер известно об этом

деле больше, чем кому-либо другому.

— Да, сэр, и я готова рассказать, что знаю.

— Тогда, пожалуйста, садитесь, и мы послушаем, некоторые детали, признаюсь, я еще не совсем уяснил.

— Постараюсь прояснить их, — сказала она. — Я бы сделала это и раньше, если бы сумела выбраться из погреба. Коли вмешается полиция, прошу вас помнить, что я была на вашей стороне и помогла мисс Алисе.

У мисс Алисы не было счастья с тех пор, как ее отец женился вторично. На нее не обращали внимания, с ней не считались. Но совсем плохо стало, когда у своей подруги она познакомилась с молодым мистером Фаулером. Насколько мне известно, у мисс Алисы по завещанию были собственные деньги, но уж такой робкой и терпеливой она была, что и словом не заикнулась про них, а просто передала все в руки мистера Рукасла. Он знал, что в отношении денег ему беспокоиться не о чем. Однако перспектива замужества, когда супруг может потребовать все, что принадлежит ему по закону, заставила его призадуматься и решить, что пора действовать. Он хотел, чтобы она подписала бумагу о том, что он имеет право распоряжаться деньгами, неза-

висимо от того, выйдет она замуж или нет. Она отказалась это сделать, но он не отставал до тех пор, пока у нее не сделалось воспаление мозга, и шесть недель она находилась между жизнью и смертью. Потом она поправилась, но стала как тень, а ее прекрасные волосы пришлось остричь. Правда, молодого человека это ничуть не смутило — он по-прежнему оставался ей предан, как и полагается порядочному человеку.

— Ваш рассказ значительно прояснил дело, — заметил Холмс. — Остальное я, пожалуй, в состоянии домыслить сам. Значит, мистер Рукасл применил систему насильственной изоляции?

— Да, сэр.

— И привез миссис Хантер из Лондона, чтобы избавиться от настойчивости мистера Фаулера?

— Именно так, сэр.

— Но мистер Фаулер, будучи человеком упрямым, как и подобает настоящему моряку, осадил дом, а встретившись с вами, сумел звоном монет и другими способами убедить вас, что у вас с ним общие интересы.

— Мистер Фаулер умеет уговаривать, человек он щедрый, — безмятежно отозвалась миссис Толлер.

— Ему удалось сделать так, что ваш почтенный

супруг не испытывал недостатка в спиртном и чтобы на тот случай, когда ваш хозяин уедет из дома, лестница была наготове.

— Именно так, сэр, все и произошло.

— Премного вам обязан, миссис Толлер, за то, что вы разъяснили нам кое-какие непонятные вещи, — сказал Холмс. — А вот и здешний доктор и с ним миссис Рукасл! Мне думается, Уотсон, нам пора взять мисс Хантер с собой в Винчестер, так как наш locus standi[26] представляется сейчас довольно сомнительным.

Так была раскрыта тайна страшного дома с медными буками у парадного крыльца. Мистер Рукасл остался жив, но превратился в полного инвалида, и существование его теперь целиком зависит от забот преданной жены. Они по-прежнему живут вместе со старыми слугами, которым, наверное, так много известно из прошлой жизни мистера Рукасла, что у него нет сил с ними расстаться. Мистер Фаулер и мисс Рукасл обвенчались в Саутгемптоне на следующий же день после побега, и сейчас он правительственный чиновник на острове святого Маврикия. Что же касается мисс Вайолет Хантер, то мой друг Холмс,

[26] Примечания: ~ n_26 ~

Положение (лат.)

к крайнему моему неудовольствию, больше не проявлял к ней никакого интереса, поскольку она перестала быть центром занимающей его проблемы, и сейчас она трудится на посту директора частной школы в Уолсоле, делая это, не сомневаюсь, весьма успешно.

